

№ 12

2009

**КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

НИВА

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Э. Г. ДЖИЛКИБАЕВ**
(г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **В. Ф. МИХАЙЛОВ**
(г. Алматы), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ**
(г. Караганда), **Т. И. СЫЗДЫКОВ** (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ**
(г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана), **А. М. ШВЫДКО** (г. Алматы),
В. Г. ШЕСТЕРИКОВ (г. Петропавловск).

В номере:

Наш общий дом

Сердца бьются в едином ритме 3
В. Гундарев. Во имя процветания земли 10

Поэзия

Е. Лумпов. «Чтобы стала жизнь светлым даром...». *Стихи* 13
А. Клиндухов. «Хлеб да соль, тишина, разнотравье...». *Стихи* ... 41
С. Назарова. «Натянуты годы, как струны...». *Стихи* 66

Проза

А. Омар. Кринолин губернаторши Карповой;
Странник из Сайрама; *Три рассказа о войне*
(Анна и «Либерти»; Котелок; Серенада) 19

© «Нива», 2009, Астана

И. Васильева. Аделаида. Главы из повести	45
Ш. а-Мил. Четыре рассказа (Братья; Герой аула Ак-таш; Бригада; Елизавета Ланская)	70

Документальная проза

Ю. Поминов. Хроника смутного времени. <i>Записки редактора. Книга вторая (продолжение)</i>	86
--	-----------

Публицистика

С. Жагипаров. Приняв огонь на себя	110
---	------------

Культура. Общество. Личность

<i>К 100-летию Павла Васильева</i>	
Н. Шафер. Максим Горький и Павел Васильев <i>(К проблеме контекста в литературе и жизни)</i>	117
<i>К 70-летию Сабита Досанова</i>	
В. Гундарев. Видно сокола по полёту	137

Критика и литературоведение

Р. Артемьева. Азы неоглядной свободы	142
---	------------

Искусство

А. Ахетова. Счастливая капелька Вселенной	150
--	------------

Из почты «НИВЫ»

Письмо Людмилы Алексеевой	152
---------------------------------	------------

В семейном кругу

Р. Кубанская. Жанка-парижанка; Опять те же грабли; Бело-чёрная жизнь моя	153
--	------------

Сатира и юмор

А. Власенко. Лечебные письма	171
---	------------

Содержание журнала «Нива» за 2009 год	172
---	------------

Изоальбом «Нивы»: из работ Курмана Базилинова.

Сердца бьются в едином ритме

23 октября 2009 года в Кокшетау состоялись торжества, посвящённые 70-летию Акмолинской области. Это был последний аккорд в череде юбилейных мероприятий. На празднество собрались руководители исполнительной и представительной властей области и города Кокшетау, депутаты Парламента РК, бывшие первые руководители региона, ветераны войны и труда, первоцелинники, акимы и секретари горраймаслихатов, руководители областных департаментов, управлений и ведомств, крупных предприятий и организаций, политических партий, НКЦ и НПО, представители молодёжи и общественности.

Торжества начались утром с возложения цветов к памятнику Аблай-хану.

Затем почётные гости приняли участие в акции “Зелёное ожерелье”, стартовавшей в рамках юбилейных мероприятий. Участники торжеств во главе с акимом области Альбертом Рау вместе со студентами политехнического колледжа посадили 30 саженцев сосны у Дворца культуры “Кокшетау”.

Всего в ходе акции, в которой участвовали бывшие воины-интернационалисты, студенты вузов, в разных концах города было высажено свыше 400 саженцев сосны и берёзы.

К тому времени на втором этаже ДК “Кокшетау” гостей ожидала уникальная фотоэкспозиция, созданная работниками областного краеведческого музея. На фотографиях, датированных серединой 19-го — началом 20 веков, баннерах, панорамных изображениях прослеживалась жизнь

области. Дополнил запечатлённые фотоэпизоды богатый материал музейного фонда — исторические документы, начиная с раздела “Великая Отечественная война” до современных дней.

Внимание посетителей привлекла выставка фотографий местного фотохудожника Петра Приходько. Необычные снимки мастера, на которых он запечатлел своё видение города Кокшетау с использованием игры света, оптических изменений, стали своеобразной выставкой в выставке.

В следующем зале участников торжественных мероприятий ожидал ещё больший сюрприз. Настоящий подарок к юбилею области сделали кокшетауцам работники столичного Музея золота и драгоценных металлов, привезя в Кокшетау редкостный шедевр — “Золотого человека”, относящегося по датировке к 4-5 веку до нашей эры. Сакский вождь в золотом облачении был найден недалеко от Алматы в 1969 году известным археологом Кемалем Акишевым.

Уникальность золотого одеяния в том, что оно из драгоценного металла высших, 980-й и 860-й, проб, а толщина золотых украшений, выполненных две тысячи лет назад, составляет всего 1 микрон. Сегодня самые искусные мастера-ювелиры мира, используя высокие технологии при изготовлении ювелирных украшений, достигли толщины только в три микрона.

Кроме “Золотого человека” музейная экспозиция знакомила с драгоценными изделиями Исыкских (Южно-Казахстанская область) и Берельских (Алтай) курганов, представляющих единый сакско-скифский звериный стиль, по времени хронологически датирующийся 4-5 веками до н.э.

Затем во Дворце “Кокшетау” состоялось торжественное собрание. С докладом выступил аким области Альберт Рау.

— Уважаемые гости, дорогие земляки! Две важные даты в нашей истории — 70-летие со дня образования Акмолинской области и 185-летие города Кокшетау, — сказал он, — праздничный повод, чтобы сегодня мы были вместе.

Глубоко убеждён, что сегодняшний праздник для нас глубоко роднящий и объединяющий. Он позволяет проникнуться интересом к нашей общей богатой истории.

14 октября 1939 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была образована Акмолинская область.

Существенно возросли потенциал области, её экономическое и стратегическое значения в годы Великой Отечественной войны. Количество промышленных предприятий за счёт эвакуированных увеличилось до 150, а выпуск валовой продукции вырос в 2,5 раза.

Весомым был вклад наших земляков в Победу. Акмолинская земля дала миру немало героев, отличившихся в ратном деле. Это — дважды Герой Советского Союза, легендарный лётчик Талгат Бегельдинов, Герой Советского Союза, первый министр обороны суверенного Казахстана, “Халык Кахарманы” Сагадат Нурмагамбетов и многие другие.

Навсегда останется в летописи страны легендарный подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев, среди которых был и наш земляк из села Нововладимировка Вишнёвского района Никита Митченко. Его имя и поныне носит судно-сухогруз, приписанный к Одесскому морскому порту.

Высшего отличия Родины — звания Героя Советского Союза были удостоены 38 воинов-акмолинцев и 29 воинов-кокшетауцев, среди которых легендарный Малик Габдуллин, впоследствии известный писатель и крупный учёный.

Указом Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева звание “Халык Кахарманы” было посмертно присвоено нашему земляку Рахимжану Кошкарбаеву, участвовавшему в штурме Берлина и водрузившему красный флаг над рейхстагом. В песнях и стихах воспеты подвиги легендарной фронтовой медсестры Марии Смирновой-Кухарской.

Нельзя не отметить и тот факт, что акмолинская земля, равно как и весь Казахстан, приняла в трудные годы многих представителей депортированных народов. В годы независимости Казахстана, благодаря мудрой и взвешенной политике главы нашего государства, мир и согласие между представителями различных национальностей ещё более окрепли, обрели

форму взаимообогащения культур и традиций, дружба и сплочённость народов является основой роста и процветания всего Казахстана!

Важнейшим этапом в развитии нашей области стало освоение целинных и залежных земель.

Эта страница нашей истории не могла не дать выдающихся и ярких личностей. Академик Александр Бараев и его соратники — Эрвин Госсен, Мехлис Сулейменов, Герои Социалистического Труда Михаил Довжик, Леонид Картаузов и другие известные первоцелинники — их имена навсегда вписаны в историю нашего края.

Целина явилась уникальной кузницей кадров, воспитав руководителей особого типа. Их отличительной чертой была глубочайшая ответственность, умение трудиться с полной отдачей на любом участке. Они умели быть полезными своему народу независимо от того, где работали, — здесь, в регионе, или в руководстве страны...

К ним в полной мере можно отнести председателя Совета Министров Казахской ССР, Героя Социалистического Труда Байкена Ашимовича Ашимова, первого секретаря Акмолинского обкома партии, а затем председателя Президиума Верховного Совета Казахской ССР Сабыра Биляловича Ниязбекова, с 1965 по 1978 годы руководившего Целиноградской областью Николая Ефимовича Кручину, первого секретаря Кокчетавского обкома партии, затем председателя Президиума Верховного Совета, много лет впоследствии возглавлявшего Центральный совет ветеранов республики Махтая Рамазановича Сагдиева.

В этом славном ряду рано ушедшие от нас Еркин Нуржанович Ауельбеков и Оразбек Султанович Куанышев, руководившие в разные годы Кокчетавской областью, Кайретден Карбаевич Карбаев, многие годы плодотворно работавший председателем Акмолинского облисполкома.

Наряду с укреплением аграрного сектора в Акмолинской области активно развивалась промышленность. В 1964 году возник город Степногорск, являющийся сегодня индустриальным центром региона. Заработали Васильковский ГОК, предприятия “Каззолото”, получили развитие машиностроение, добыча урана и цветных металлов.

Историческим и поворотным, продолжал руководитель региона, явилось решение Президента страны Нурсултана Назарбаева о переносе столицы Казахстана в Акмолу. Главный город страны Астана, расцвет которой заслуженно связывают с именем нашего Первого Президента, стала поистине символом всего Казахстана.

Для Акмолинской области, как пристоличной, Астана — это не только большие возможности, но и ответственность, необходимость во всём соответствовать этому статусу.

Год своего 70-летия Акмолинская область ознаменовала большими и малыми делами, реальным воплощением практических планов, развитием всех сфер общественной жизни и экономики.

Нурсултан Абишевич Назарбаев, продолжал Альберт Павлович, важнейшим направлением развития агропромышленного комплекса области определил создание продовольственного пояса вокруг г. Астаны. В этом направлении уже реализовано 17 крупных проектов. Построены несколько откормочных площадок с законченным циклом переработки мяса. Ведётся реконструкция имеющихся перерабатывающих предприятий. Восстановлены овощехранилища в Бурабайском

и Целиноградском районах. Строится теплица в Степногорске на площади 3,6 гектара по выращиванию овощей.

Готовятся к вводу в строй 5 молокоперерабатывающих предприятий, 2 молочно-товарные фермы, 2 завода по производству растительного масла.

Далее аким области Альберт Рау ещё раз поздравил тружеников села, всех хлеборобов с большой победой. Они преподнесли к юбилею области замечательный подарок. Несмотря на погоду собрано более 5,5 млн. тонн зерна при средней урожайности 12,3 центнера с гектара.

Далее, говоря о развитии промышленности, первый руководитель области отметил, что только в этом направлении уже реализовано 10 особо значимых для нас проектов. В их числе — разработка уранового месторождения.

Особые надежды на уникальную по своим технологическим параметрам золотоизвлекательную фабрику Васильковского горно-обогатительного комбината.

Важное место в планах развития нашей области занимает Бурабай. Его превращение в курорт международного уровня определено Президентом страны приоритетом.

За последнее время необходимое развитие получили такие важные сферы, как образование и здравоохранение. За два года в области введено 5 общеобразовательных школ, 10 детских садов и 124 дошкольных мини-центра. Строятся ещё 3 школы и 3 детских сада.

Особое внимание уделяется сфере здравоохранения. За последние три года его бюджет возрос почти в 2 раза.

Отметив знаменательные события в спортивной и культурной жизни области, Альберт Рау подчеркнул в заключение:

Сегодня Акмолинская область — единое и неразрывное целое. Она гармонично соединила в себе огромный аграрный потенциал целинной Акмолы и безбрежных степей Тургая. Вобрала в себя красоту природы Кокшетау, Бурабай и заповедного Коргалжына, воспетых в песнях и легендах. А индустриальную мощь ей придают промышленные предприятия Степногорска и других городов и районов.

Сегодня на этом празднике чётко проявилось самое главное. Мы — едины в своих устремлениях. У нас общие помыслы и пожелания. Мы желаем, чтобы процветала Акмолинская область! Мы желаем, чтобы крепили и развивались все регионы страны. И мы знаем, что тогда будет крепок и силён наш многонациональный Казахстан!

Наш знаменитый аксакал Баян Жангалов, разменявший давно девятый десяток лет, вновь всех удивил. Ветеран войны, Герой Социалистического Труда, работавший в разные годы на различных партийных должностях, имеет немало наград и званий. Браво стоя за трибуной, он говорил мудрые слова:

— Это большой праздник для каждого нашего земляка, для каждого, кто хранит любовь к этому замечательному краю. Мы достойный народ и счастливы, что живём в мире, под руководством нашего Президента.

По душе всем пришлось слова пожелания аксакала мира каждому дому и дальнейшего процветания области.

Участников торжественного собрания приветствовал бывший глава администрации Акмолинской области, заместитель председателя Мажилиса Парламента РК Жанибек Карибжанов:

— Овеянная славой история Акмолинской области, — говорил он, — берёт своё начало с героических времён первых пятилеток. Лихолетье войны, восстановление народного хозяйства в послевоенный период, целина с её новыми сёлами и посёлками, рудники доселе неизвестных металлов, развал СССР, первые годы казахстанской независимости, болезненный переход от командно-административной к рыночной экономике и, как следствие, становление новых общественных отношений.

Все эти этапы вписаны красной строкой в славную летопись Акмолинщины, с 70-летием которой я горячо и сердечно поздравляю всех вас. Я счастлив тем, что благодаря судьбе мне довелось жить и трудиться вместе с вами во благо развития этого чудесного по своей природной и человеческой красоте края.

В своём выступлении бывший первый аким Акмолинской области в сегодняшних её границах, ныне аким Костанайской области Сергей Кулагин заявил:

— Я горжусь, что являюсь акмолинцем, что по долгу службы переезжал и вместе с вами восстанавливал Тургайскую область. Горжусь и тем, что мне посчастливилось переезжать в Кокшетау — известный, прекрасный город с талантливыми людьми. Когда я здесь работал, мы шуткой говорили: “Нам удалось объединить три жуза: Тургай, Акмолу и Кокшетау”. И слава Богу, что мы очень дружно и прекрасно работаем все эти годы, создавая блага для наших людей и реализуя политику главы государства Нурсултана Назарбаева.

Акмолинская область — хлебная житница страны, это благодатный край, богатый минеральными ресурсами. Но самое главное — этот край богат прекрасными, уникальными людьми. Поэтому хочу выразить слова глубокой благодарности — кому-то сыновней, кому-то дружественной, низкий вам поклон за всё то, что вы сделали для всех нас, нашего поколения, для этого края, чтобы он жил и процветал.

Юбилей. Много это или мало — 70 лет? Для истории это немного, для человека это уже солидно. Можно остановиться, посмотреть, что сделано за эти годы, можно оглянуться и проанализировать, правильно ли это сделано. Но я думаю, что значительно меньше будет ошибок теперь на перспективу, потому что мы уже стали зрелыми. Благодарен акиму области Альберту Павловичу за приглашение. Желаю всем акмолинцам удачи, счастья, благополучия.

— Депутаты верхней палаты Парламента РК, — обращаясь к собравшимся сказал секретарь Комитета Сената по социально-культурному развитию Серик Аяганов, — представляя интересы своих избирателей, пользуются своими законными полномочиями для всемерного участия в решении тех или иных злободневных вопросов, влияющих на социальное самочувствие населения.

Так, по нашему депутатскому запросу о выделении целевых инвестиций на реконструкцию и капитальный ремонт сетей водопровода города Кокшетау в 2009 году правительство из республиканского бюджета выделило 300 млн. тенге, в 2010 году предусмотрено 2715 млн. тенге, в 2011 году — 2615,3 млн. тенге.

В прошлом году мы вместе со степногорцами начали работу по включению инвестиционных проектов по реконструкции местного магистрального водовода в государственную отраслевую программу развития систем

водоснабжения. Из республиканского бюджета в текущем году выделено 657 млн. тенге, из них на магистральную водопроводную сеть от Сопки-305 до города Степногорска — 200 млн. тенге.

Серик Акпенович озвучил текст приветственного адреса акмолинцам с пожеланиями успехов и процветания и передал в дар картину от председателя Сената Парламента РК Касым-Жомарта Токаева.

В канун юбилея группе выдающихся людей региона решением сессии облмаслихата было присуждено звание “Почётный гражданин Акмолинской области”. Состоялась церемония вручения нагрудных знаков и голубых лент, которую провели аким области Альберт Рау и секретарь облмаслихата Умирсерик Мусабаев. Этой чести удостоены ветеран войны и труда, Герой Социалистического Труда Баян Жангалович Жангалов, Герой Социалистического Труда, директор ПК “Ижевский” Ибрагим Даутович Жангуразов, генерал в отставке Омурзак Оспанович Болсамбеков. Обладателями звания “Почётный гражданин Акмолинской области” также стали ветераны труда Махтай Рамазанович Сагдиев и Магавья Сеиловна Исмагамбетова.

Для участников торжественного собрания был дан праздничный концерт силами творческих коллективов Акмолинщины.

**(“Акмолинская правда” № 135 от 24 октября 2009 г.).
Фото Ермурата ДОСУМОВА, Тулегена КОШЕГУЛОВА.**

Владимир ГУНДАРЕВ

Во имя процветания земли

*(Выступление на торжественном собрании,
посвящённом 70-летию Акмолинской области)*

Благодаря счастливому стечению обстоятельств моя судьба с 1961 года — с самых юных лет и до старости — всеми делами, помыслами и творчеством неразрывно связана с казахстанской целиной, с благословенным Приишимьем, с нынешней Акмолинской областью, ставшей для меня поистине родной и навсегда вошедшей в моё сердце.

И вполне закономерно, что все без исключения мои многочисленные книги — и поэтические, и прозаические — повествуют об этом прекрасном степном крае и его замечательных людях, прославивших своими деяниями Атамекен — землю своих великих предков, родное Отечество.

Географически Сары-Арка считается территорией с резко континентальным климатом и зоной рискованного земледелия. Всё это так и с этим не поспоришь. Но зато духовная аура, морально-психологическая погода в наших степях всегда тёплая, солнечная, безоблачная, и в этой благодатной атмосфере дружбы, согласия, единения, взаимопонимания, созданной усилиями предшествующих и ныне здравствующих поколений, успешно преодолевались и преодолеваются любые трудности, вызываемые сложными климатическими условиями.

И это наглядно подтверждает вся 70-летняя насыщенная история нашей области, о чём обстоятельно поведал в своём докладе Альберт Павлович Рау.

Безусловно, в биографии степного Приишимья важное место принадлежит — и я тому непосредственный свидетель — целинной эпопее, преобразившей просторы Северного Казахстана, превратившей их в край интенсивного земледелия и высокоразвитого животноводства, в одну из крупнейших житниц не только республики, но и всего бывшего Советского Союза. Да, при освоении степного раздолья были и негативные моменты, но позитивные достижения этой беспримечной в мировом масштабе акции значительно перевешивают допущенные ошибки и просчёты. Золотой пшеничный колос стал своеобразной эмблемой этого преобразования и обновления. Благодаря потенциалу освоенной целины независимый Казахстан ныне всё увереннее занимает позиции одной из ведущих хлебных держав планеты, а наша область традиционно является одним из лидеров по производству зерна и в Казахстане, и за его пределами. Знаменательно, что свой юбилей область встретила новым весомым успехом, вырастив и собрав богатейший урожай, чем мы все по праву гордимся.

Приведу по этому поводу несколько своих стихотворных строк:

*В зерне пшеницы —
наши боль и счастье,
Слав мужества и нежности людской.
Мы все к нему
своей судьбой причастны:
Трудом, любовью, песней и строкой.*

Но целина — не только Его Величество Хлеб. Её освоение дало мощный толчок развитию всех отраслей экономики и социальной сферы — здравоохранения, просвещения, культуры. Именно тогда в области опережающими темпами стали создаваться и развиваться крупные научные центры, разнопрофильные вузы, возводиться великолепные дворцы, библиотеки и другие объекты культуры, значительный импульс получили литература, искусство и народное творчество.

Рождённое в нашей области крылатое выражение “Люди поднимали целину — целина поднимала людей” было и остаётся точной формулой, ярко характеризующей созидательные процессы, происходившие на неоглядных просторах степного Приишимья.

И наши самоотверженные труженики всех профессий — бесценный золотой фонд, главное богатство области.

За минувшие десятилетия мне как поэту и журналисту довелось тесно общаться со многими руководителями области, партийными, советскими, профсоюзными, комсомольскими и хозяйственными руководителями городов и районов, совхозов, колхозов, предприятий, многие из них росли и поднимались на моих глазах — и могу сказать, что в большинстве своём это были яркие и достойные личности, беззаветно преданные делу, служившие ему по совести, верой и правдой, проявлявшие подлинную заботу о простых людях и их социальном самочувствии. Вклад этих работников неоценим.

Для меня живым символом окрылённого земного труда была и осталась блистательная плеяда прославленных Героев Социалистического Труда. Это Михаил Довжик, Нургабул Малгаждаров, Александр Бараев, Байдалы Уразалин, Кан Де Хан, Владимир Дитюк, Турлыбек Абельпеисов, Леонид Картаузов, Баян Жангалов, Василий Акуленко, Айтпай Кусаинов, Михаил Миршавка, Каиржан Ескендиров, Анна Диде, Сагиля Есенжолова, Елена Мейтина, Николай Карпухин, Даулен Толеубаев, Евгений Золотарёв, Капыс Жувасов, Иван Шарф, Ибрагим Жангуразов, Давид Бурбах, Валентин Щербаков, Анатолий Юнусов, Махмуд Даутов и другие, чьи имена золотыми буквами вписаны в летопись нашей области, и ещё сотни других людей самых разных профессий, с кем мне доводилось общаться в городах, сёлах и аулах за минувшие годы. Встречи с ними мне всегда приносили творческое вдохновение. Все эти прекрасные люди мне очень дороги.

Конечно, самыми трудными в современной истории области были девяностые годы прошлого столетия, когда после развала Советского Союза суверенному Казахстану пришлось строить свою государственность в тяжелейшей ситуации затяжного экономического кризиса. Но труженики области одолели все тяготы этого сложнейшего периода и достойно выдержали все испытания. И в этом большую организующую роль сыграли прежние руководители региона, на плечи которых Президент страны возложил тогда огромный груз ответственности за порученный им участок работы. К счастью, то кошмарное время осталось позади.

Мы видим, что с начала нового века наша область, восстанавливая утраченные позиции, динамично развивается, постепенно укрепляя экономику и социальную сферу, добиваясь ощутимых результатов во всех отраслях жизнедеятельности.

И хотя разразившийся глобальный финансовый кризис не обошёл стороной и Акмолинскую область, нынешнее руководство региона, продолжая и развивая традиции своих предшественников, старается делать всё возможное и даже невозможное, чтобы успешно противостоять негативным тенденциям, сосредоточившись на реализации направлений, изложенных в антикризисной программе правительства и определённых главой государства в Послании народу Казахстана.

Кроме того, как нам известно, высокий статус столичной области налагает на руководство региона дополнительные обязанности по обеспечению населения столицы продуктами питания. В выполнении этих ответственных задач велика роль акимата и лично акима области Альберта Павловича Рау, которые, как мы знаем, предпринимают конкретные и значительные действия по решению этой насущной проблемы. И мы желаем в этом и других начинаниях безусловных успехов.

И в заключение. Хотя ныне Астана является отдельной административно-территориальной единицей, не входящей в состав Акмолинской области, однако мы, её ветераны, фактически и юридически проживающие в новой столице республики, считаем себя навсегда прописанными в Акмолинской области, неотъемлемой частью её кадрового запаса, безмерно радуемся её достижениям, огорчаемся, когда возникают какие-то проблемы, то есть живём интересами родной Акмолинщины.

К сожалению, на сегодняшнем торжестве по причине болезни не смогла присутствовать наш бессменный и пожизненный идеолог, наша пламенная Пассионария Магавья Сеиловна Исмагамбетова, но она на правах моей старшей сестры перед отъездом душевно напутствовала меня, так что в этом выступлении нашли отражение не только мои мысли и чувства, но и добрые наставления Магавьи Сеиловны.

*Акмолинская область, с юбилеем!
Мы, сыновья и дочери твои,
Совместно все преграды одолеем
Во имя процветания земли.*

Евгений ЛУМПОВ

“Чтобы стала жизнь
светлым даром...”

Моих следов ещё не много
и их не просто разглядеть,
но мне нужна моя дорога,
мне нужно кое-что успеть.

И не коснётся мыслей скука,
и не начнётся дней подсчёт.
Я научусь входить без стука
в свой мир и в чей-нибудь ещё.

Тогда, быть может, в дни салюта,
в минуты собственной весны
моя бессонница кому-то,
подарит радужные сны.

Ко мне ещё вернутся строчки
стихов, что я не допишу;
я не смогу поставить точки
пока живу, пока дышу.

Мы не просили сентября,
он сам ворвался в наши души,
он что-то важное разрушил,
раскат полночный сотворя,

а окна выдали жильцов
на справедливый суд природы
и каждый, кто не ждал свободы,
от молний укрывал лицо.

**Евгений
ЛУМПОВ**

родился и живёт в Павлодаре. Магистрант Павлодарского государственного университета имени С. Торайгырова по специальности “История”. С 2001 года — член областного литературного объединения имени Павла Васильева. Лауреат областных и республиканских литературных конкурсов. Печатался в газетах “Звезда Прииртышья”, “Новая газета”, “Да” (Павлодар); “Костанайские новости”, журналах “Берега” (Костанай), “Простор”, “Тумар”, сборнике павлодарских поэтов “Радуга над Иртышом”, “Я вижу сны на русском языке” (Москва), “Серебряный стрелец-2008” (Киев). Лауреат международного фестиваля творческой молодёжи “Шабьт-2008”.

В “Ниве” публиковался в № 8 за 2008 год.

Никто свободы не желал,
сердца к ней были не готовы,
но ветер, режущий оковы,
свободу всё же даровал.

И в шум грозы вонзилась речь
дождя, разбуженного нами,
и память мокрыми ветвями
коснулась задрожавших плеч.

Мы не просили сентября,
он сам ворвался в наши души,
он что-то важное разрушил,
и оказалось, что не зря...

Нам

Идём в темноте на ощупь —
держи мою руку крепче;
вдвоём нам должно быть проще,
вдвоём нам должно быть легче.

Песок под ногами — зыбко,
но в наших глазах нет фальши.
Награда — твоя улыбка,
награда — движенье дальше.

Пусть слева чужие взгляды,
а справа слова чужие;
мы просто друг другу рады,
мы просто чуть-чуть другие.

В тепле разговоров таем —
застенчивые, смешные.
Не важно, что мало знаем,
не важно, что всё впервые.

Зато мы подобно детям
сумели поверить в чудо.
Мы можем гордиться этим,
мы можем сказать, откуда

оно появилось. Знаем,
как долго его мы ждали,
и только вперёд шагаем,
и только бы не устали...

Идём в темноте на ощупь —
держи мою руку крепче;
вдвоём нам должно быть проще,
вдвоём нам должно быть легче.

Когда бумага закричит,
мы перестанем улыбаться,
и многозначно промолчит
лишь не уставший притворяться.

Когда ещё один ручей —
то фиолетовый, то синий —
начнёт свой бег в тиши ночей,
мы на висках заметим иней,

а может, просто первый снег,
чуть раньше выпавший однажды.
Когда бумажный человек
провозгласил себя бумажным.

Он не искал пути назад,
он знал — к победе всё готово:
когда листы заговорят,
им не дадут свободы слова.

Им будет велено молчать,
стать бесполезными клочками
и первым снегом погибать
во тьме, под нашими ногами.

Там, где рождаются слёзы

Там, где рождаются слёзы,
пусто и очень темно,
злые вечерние грозы
крутят немое кино.

Там не расставлены точки,
как в ожиданьи чудес,
но облака-лоскуточки
сшиты в тяжёлый навес.

Там бесконечная осень
прячет звериный оскал,
бьёт сотворённое оземь
и наполняет бокал.

Воля, неволя — угрозы;
к счастью, они не для всех.
Там, где рождаются слёзы,
может родиться и смех.

Обними меня светлым даром,
прикоснись ко мне добрым словом;
мы расстанемся в мире старом —
может, встретимся в мире новом.

Может, в памяти приживёмся,
прорастём в сердца, где теплее,
и улыбками отзовёмся,
и подснежниками успеем

отогреть весну для желаний;
в лабиринты душ влиться светом
и дожди пустых ожиданий
увести в прошедшее лето,

чтобы стала жизнь светлым даром,
чтобы стала мысль добрым словом,
вспоминай меня в мире старом,
может, встретимся в мире новом.

Цветы

Диких ранеток срывая цветы,
май возвращается ветреным утром,
выгнав из города чьи-то мечты,
он пребывает в веселье беспутном.

В тёплых слезах, что не скрыла гроза,
прячутся неба смешные заплатки.
Кто ты? Твои мне знакомы глаза,
в них одиночество прячет загадки.

Может быть, в прошлом, как все говорят,
нас разлучили враги и преграды?
Нет. Просто каждый потерянный взгляд
очень похож на такие же взгляды.

Просто нам не с кем устроить побег,
чтобы к земному приблизиться раю.
Льются цветы, как нетающий снег,
глядя как я за тобою шагаю.

Ты оглянёшься, услышав шаги —
город затихнет, и выйдет награда:
“Здравствуй”, улыбка, касанье руки.
Много ли двум одиночествам надо?

Будем вдвоём выбираться из тьмы,
залитой солнцем, обветренной маем
жизни, храня драгоценное “Мы”,
не повторяясь и не вспоминая...

Диких ранеток букеты пусты,
но в бесконечных полётах высоких
тихо по городу кружат цветы,
будто сближая людей одиноких.

Холодной монеткой заката
в копилку осеннего дня
скользила мечта, что когда-то
рассветом будила меня.

Ещё не простуженный ветер
из медных её лоскутов
творил в нарумяненном свете
коллаж моих будущих снов.

К плечам прикасалась сутулость,
к ногам — вереница дорог.
И всё, что я сделал, вернулось,
и вспомнилось всё, что не смог.

Мне лгали потухшие свечи
и тёзки по двум сторонам,
но выплывший нынешний вечер
я медленно выстроил сам.

И всё же монетки мне мало
хоть я и продрог и ослаб.
Конец — это только начало,
закат — это только этап.

Деревья, роняя медали,
кружившие над головой,
теньями меня провожали
на новую встречу с мечтой.

Золото

Разошлись пути пешеходами,
дотянулся крик до безмолвия.
Где сугробы слов стали водами,
полотно небес режет молния.

И причины есть — да не вспомнятся,
и сомнений нет — позаброшены.
Только бег часов да бессонница,
да вперёд шагов слёз горошины.

А на лицах фальшь как на вывесках,
в лихорадке дней — только золото.
Никого с тобой — все на приисках,
в унисон сердца песней молота...

Май

Бросит май к твоим ногам
все бриллиантовые росы,
посвятит себя цветам,
расплетёт ветрами косы.

Закружит погожим днём
в хороводе обещаний,
тронет солнечным лучом
сердце, полное желаний.

И уйдёт твоя печаль,
и моей на веки станет.
Ты не веришь мне, а жаль —
май тебя ещё обманет...

Тени

Солнце порой молчит,
солнце порой не слышит —
тени не портят вид,
тени как будто выше.

Небо в моих глазах,
небо почти в объятьях —
тени уносят страх
танцем в вечерних платьях.

Слёзы водой с небес,
слёзы листвой осенней —
тени — большой навес,
тени — моё спасенье.

В мире пустых идей,
в мире сплошного лета
тени порой честней
солнца, тепла и света.

В тёплое безмолвие выцветшего лета
звонкими стекляшками колотого льда
падали сомнения твоего ответа,
превращаясь в терпкое “Больше никогда”.

И катилась по полю брошенного мира
равнодушным призраком вереница фраз.
Трепетали истины, догорала лира,
золотыми искрами провожая нас.

Просьпалось в памяти первое свиданье,
шелестел разлуками говорливый май,
и минуты долгого моего молчания
превращались нехотя в горькое “Прощай”.

Не слышишь? Часы кричат —
чеканят вопрос: “Куда ты?”.
Бездействие — шаг назад,
забвение каждой даты.

И если движенье в тень,
недвижимость интересней,
однажды наступит день
на горло любимой песне.

И ты под его плащом,
что сердце твоё застудит,
продолжишь мечтать о том,
чего никогда не будет.

Асель ОМАР

Кринолин губернаторши Карповой

Рассказ

В 1901 году в городе Семипалатинске на Большой Владимирской улице располагался “Салонъ модъ Закаріи Бъкътъмисова” с двумя высокими и узкими стеклянными витринами. В одной красовалась искусственная пальма, а во второй — манекен в платье с кринолином и шляпе со страусовыми перьями. С улицы витрины укрывались от яркого летнего солнца зелёными в белую полосу маркизами. Это была небольшая мастерская по пошиву модной одежды, основал её несколько лет назад сам Закарія, семипалатинец тридцати пяти лет.

За стёклами витрин ежедневно можно было наблюдать и самого портного за работой, и местных дам, приходивших к нему заказывать наряды. Пошивочная комнатка располагалась в глубине салона и имела выход во двор, где среди диких подсолнухов и чертополоха гуляли гуси. В пошивочной трудились две молодые швеи, которых Закарія обучил всему, что умел сам. Он также постоянно информировал их о новинках, почерпнутых им из модных журналов. Журналы он выписывал из самого Санкт-Петербурга. Будучи в столице, он по случаю купил парижские журналы, которые хранились у него на почётном месте в верхней полке бюро. А свои швейные машины он выписывал из Москвы.

Асель ОМАР

родилась в 1973 году в Алма-Ате. В 1995 г. закончила в Москве Литературный институт имени А. М. Горького, в 2004 г. — Высшие курсы сценаристов и режиссёров, факультет режиссуры игрового кино ВГИКа (мастерская Э. Лотяну и мастерская В. Хотиненко, П. Финна). Автор сценариев и режиссёр короткометражных картин “Игра” и “Шоколад” (2003), книги рассказов “Ранние холода” (2007, Астана), сборника стихов “Credo”, (1999, Алматы). Лауреат различных литературных премий, конкурсов, фестивалей (г. Москва).

Член Союза писателей Казахстана и Русского ПЕН-центра. Член Союза журналистов СССР и Москвы.

Повести, рассказы и стихи А. Омар были опубликованы в литературных журналах “Простор” (Алматы), “Юность”, “Тюркский мир” (Москва), “Сцена” и т. д. Критические статьи и рассказы включались в сборник современной казахстанской прозы, в сборники критики. Стихотворения вошли в антологию современной

казахстанской поэзии, московские поэтические сборники “Не только любовь” и др.

Рассказы и стихи переведены на английский и французский языки, опубликованы в литературных изданиях США и Франции.

Асель Омар — постоянный автор “Нивы”.

Живёт в Москве.

Салон приносил неплохую прибыль, другие мастерские в городе тоже производили неплохую одежду, но модная была только у Закарии. И швейные машины имелись у мастера самые разные. Первую машину фирмы “Зайдель и Науманн” портной приобрёл в торговом доме Попова. Чуть позже была куплена изогнутая, как шея газели, грациозная американская “Оригинал экспресс”. Это была не машина, а произведение искусства художественного литья, притом и работала отменно. Закария ею очень гордился. Он считал, что эта машинка превосходит даже более новую, тоже американскую, “Вилькоккс и Гиббс”, которая также имелась в мастерской.

Но когда появились первые челночные машинки, Закария Бектемисов никак не мог успокоиться, пока не приобрёл ещё одно чудо современной техники, немецкую машинку фирмы “Дюркопш”. Это творение двадцатого века предназначалось для ажурных работ — изготовления кружева и мережек для одежды, столового и постельного белья. Приобретение “Дюркопша” позволило дополнить вывеску “Салона модь” словами на крашеном фанерном стенде: “А также пошивъ шторъ и бльья всяческаго”. Для пошива нижнего дамского белья машинку портной приобрёл с трудом, после долгого ожидания, перетерпев все превратности отечественного почтового сообщения — самую современную швейную машину, являвшую собой верх технического прогресса, “Виллер и Вильсон” для белощвейных работ.

Клиентами салона были самые видные люди Семипалатинска: губернатор Карпов, начальник полиции, жандармский подполковник Бакуринский, купцы первой и второй гильдий Сулейменов, Абдешев, Рэфиков, городской брендмайор Миштовт, а также городская интеллигенция из учительской семинарии — все, конечно, с супругами.

Случай, который произошёл однажды в мастерской Закарии, оставил в жизни скромного портного неизгладимый след, тем более что события, потянувшиеся вслед за маленькой сценой в салоне, имели последствия поистине исторические, отчего у бедного Закарии всё закружилось и спуталось в голове.

Итак, в один прекрасный погожий летний день в салон явился на примерку одноклассник Закарии по мужской прогимназии Алихан Айтүаров. Закария, по своей привычке прищутив один глаз и наклоняя голову то вправо, то влево, внимательно рассматривал, как сидит на его клиенте костюм в плечах, не торопясь, вкалывал английские булавки в добротное сукно. Алихан вдруг беспокойно взглянул в окно и, не обращая внимания на то, что булавки ещё торчали в плече его костюма, опрометью кинулся к небольшому свёртку бумаг, оставленному им на маленьком круглом столике при входе. Закария тоже посмотрел в окно и увидел, что к салону приближаются подполковник Бакуринский и жандармский офицер.

“Господин Бакуринский, кажется, Ваша примерка назначена на завтра?” — удивился Закария, когда подполковник вошёл, поздоровавшись с присутствующими. “Не изволь беспокоиться, Захарушко, — ответил Бакуринский. — Я хоть и к тебе, но не по твою душу. Имею высочайшее предписание на обыск господина Айтүарова, поскольку нашему ведомству стало известно, что он распространяет весьма вредные документы, которые может иметь при себе”, — и подполковник жестом пригласил в салон жандармского офицера для проведения обыска.

Алихан побелел. И тогда Закария понял, что ему делать. Болтая что-то про фрак “дражайшего господина Бакуринского”, про форму кулиски и

покрой фалд, он незаметно взял со столика бумаги Алихана. Прикрыв их сверху модным журнальчиком с изображением дамы, натягивающей сетчатый чулок на свою круглую ляжку, и как бы незатейливо, но со скоростью необыкновенной, вшил эти бумаги под подол, внутрь кринолина висевшего здесь же на манекене платья, продолжая отвлекать внимание Бакуринского болтовнёй про “новое тончайшее французское сукно с искрой только для господина подполковника”.

Мысль вшить бумаги в подол женского платья пришла к нему внезапно, другого ничего он придумать не успел, но, приметив, как облегчённо вздохнул Алихан, когда Закария забрал бумаги к себе, понял, что поступает правильно. Руки Закарии дрожали, когда он зашивал подол кринолина вручную иглой с шёлковой нитью, он весь вспотел, несколько раз уколол пальцы, но ему некогда было даже утереть пот со лба.

Закария был так далёк от политики и в глазах полицейских чинов был гражданином вполне благонадёжным, что ни Бакуринский, ни его офицер даже не обратили внимания на его действия. Обыск не дал никаких результатов, друга Закарии между тем всё равно увели жандармы “для увещательной беседы”, но это уже было чистой формальностью, это понял даже Закария.

После окончания обыска портной в изнеможении опустился в кресло у того самого круглого столика, на котором только что лежал злополучный пакет, и крикнул помощницу принести ему успокоительные капли. Руки его всё ещё дрожали, да так сильно, что помощница недоуменно посмотрела на него, подавая на подносе капли. “Ступай, ступай”, — только и сказал ей Закария, отдуваясь и обмахиваясь платком.

Колокольчик на двери салона снова звякнул, и на пороге появилась сама госпожа губернаторша. От волнения Закария даже не услышал, как к салону подкатила её лёгкая открытая коляска. Госпожа Карпова приехала за платьем для ежегодного губернаторского бала. Платье было готово. Это было поистине прекрасное платье, украшенное кремовыми шёлковыми розами по поясу, с кружевным лифом и атласным шлейфом. Как сквозь сон Закария принимал деньги в окончательный расчёт за работу и отдавал платье, в котором только что зашил “государственно-опасные”, по выражению подполковника Бакуринского, бумаги. Губернаторша улыбалась, Закария что-то бормотал в ответ на её улыбку, пытаясь сделать комплименты её красоте, одновременно думая о том, что бумаги уходят в дом губернатора вместе с роскошным кринолином его супруги. И он не посмел и не придумал никакого предлога, чтобы задержать госпожу губернаторшу, дабы распороть готовое платье и вынуть бумаги. Это было невозможно. Он ещё долго кланялся и махал шляпой вслед удаляющейся коляске, улыбаясь неестественной улыбкой и думая, что же теперь делать?

Утром следующего дня портной встретил своего друга Алихана возле мечети Тыныбая и несказанно обрадовался, увидев своего друга на свободе, а не в кандалах. Они обнялись. “Спасибо тебе, дорогой мой Закария, ты спас мне жизнь, — сказал Алихан. — Однако мне очень надобны эти бумаги, я как раз шёл к тебе”. Закария сбивчиво описал Алихану, что произошло в салоне сразу после обыска. “Ты знаешь, дорогой друг, — сказал он, — я должен был отправить их ещё вчера в Санкт-Петербург, депутату от нашей партии для отклада по состоянию Туркестанского края. Давай зайдём в чайную, подумаем, как нам выпутаться...”.

Вечером того же дня Закария стоял у ограды губернаторского дома и смотрел, как гости съезжаются на бал. За высокими окнами дома светили люстры, играла музыка, слышался женский смех. И портной наблюдал, как кружится в танце губернаторша Карпова в своём новом платье, обхваченная за талию крепкой рукой подполковника Бакуринского, и чуть ниже его руки похрустывают документы алашординской партии, предназначенные для отправки в Санкт-Петербург. Документы, из-за которых его друг мог пойти в Сибирь на рудники или вовсе лишиться головы.

Утром следующего дня Закария снова стоял на пороге губернаторского дома, почтительно прижимая к груди свой котелок. Закарию провели в гостиную, где он ещё долго сидел, рассеянно разглядывая вывешенный там герб Семипалатинска с описанием, сделанным на отдельной бумаге в рамке под стеклом. Машинально, как во сне, Закария в который раз пробежал глазами по вензелям: “На лазоревом поле, золотой, с червлёными глазами и уздами верблюдов, сопровождаемый во главе щита, серебряною о пяти лучах, над таковым же полумесяцем, рогами вверх, звездою. Щит увенчан древнею, Царскою короною и окружён золотыми дубовыми листьями, соединёнными Александровскою лентою... Александровскою лентою... серебряною о пяти лучах...”.

“Ну что привело тебя, Захар?” — наконец услышал он приветливый голос госпожи Карповой, вышедшей к нему. И тут Закария призвал на помощь всё своё красноречие и посулил госпоже губернаторше улучшение её наряда при помощи новейших инженерных достижений в швейном производстве, причём, естественно, совершенно бесплатно, из одного только глубокого почтения к её высокой особе. И посулил прибавление к наряду зонтика и шляпы в том же стиле с шёлковыми же розами, для чего, естественно, ему нужно получить наряд обратно всего на несколько дней. “Забавно, Захарушка, ну, конечно, возьми. И пусть Поликарп отвезёт портного в моей коляске!” — распорядилась губернаторша в адрес швейцара и удалилась в свои покои.

Как же радовалось сердце Закарии, когда он, прижав к себе драгоценное платье, нёсся в губернаторской коляске на Большую Владимирскую! Прибыв к салону, дав на радостях пятиалтынный Поликарпу, Закария вбежал в заднюю комнату и тут же быстро выпорол из подола бумаги Алихана Айтгуарова. Для успокоения он тут же зашил подол снова, будто так оно и было. Вечером осторожно, закутавшись для конспирации в плащ, Закария понёс бумаги к Алихану, чему тот был рад неописуемо. Он даже поцеловал Закарию в лоб и чуть не заплакал, увидев, как наивный портной закутался по самые глаза в чёрный плащ, как будто играл в шпионский роман.

После того случая жизнь портного Закарии Бектемисова вернулась в спокойное русло. По-прежнему он не испытывал недостатка в заказах от самых высокопоставленных особ города. Шли годы, менялись моды. Дамы перестали носить кринолины, и платья сделались более узкими, с завышенной талией. Причёски перестали быть тяжеловесными, появились и короткие стрижки. Губернатора Карпова перевели в родное имение на заслуженную пенсию. Закария не раз добрым словом вспоминал губернатора, благодаря которому в дома семипалатинцев был проведён водопровод и телефон.

Друг его Алихан Айтгуаров подолгу жил в Санкт-Петербурге. Зимой 1905 года Закария прочёл в “Семипалатинском листке”, что в Санкт-Петербурге

произошла революция. “Как-то там мой друг Алихан?” — тревожно думал Закария.

Прошло ещё двенадцать лет, и в висках его появилась уже не первая проседь, когда из того же “Семипалатинского листка” портной узнал, что в городе Семипалатинске партия национальной интеллигенции “Алаш-Орда” учреждает своё правительство, а левобережная часть города переименовывается в город Алаш.

Вот тогда, наконец, на мосту через Иртыш он и встретил Алихана Айтуарова, ехавшего в коляске. Алихан радостно приветствовал его, посадил в коляску, и всё рассказывал, рассказывал обо всех новостях, и глаза его блестели от радости. Он говорил, что пришло новое время, и теперь они сами, простые люди, будут хозяевами своей жизни, что они, партия, и лично он, Алихан, будут теперь заботиться о просвещении и здоровье народа, о процветании их родного края. И прибавил, наконец, хитро подмигнув портному, что и он, Закария, как-то раз сыграл историческую роль в победе их партии. “Что ты, Алихан, — скромно потупился на это портной. — У меня тогда от страха душа в пятки ушла!”.

Вскоре Алихан пригласил Закарию в свой кабинет, располагавшийся в опустевшем здании губернского правления, заселяемом постепенно новой властью. Идя по длинному коридору в кабинет, Закария то и дело наткнулся на пачки бумаг, выложенных на полу, или на грузчиков, выносящих старую мебель из кабинетов.

Друг встретил его снова радостно, с энтузиазмом рассказал о перспективах края, и предложил ему возглавить текстильную отрасль в составе городского правительства. Рассказывал, что у них есть договорённость с Русско-Азиатским банком, и планов у их правительства очень много.

Однако через год в город вступили белые. Из окна салона Закария видел, как по Большой Владимирской шёл белогвардейский Копаловский отряд. Среди офицеров узнал он сына городского брандмайора Миштовта. Молодой Миштовт, окончивший Омский кадетский корпус, продолжил дело отца. Он стал первым городским пожарным инспектором там же, где много лет работал его отец, — в пожарном депо в Заречной слободке, построенной ещё при губернаторе Карпове, и за свою работу был награждён знаком “Отличный пожарный”. Младший Миштовт не принял новой власти большевиков, и теперь шествовал по центральной улице в форме Белой гвардии.

Портной уже было успокоился, решив, что вернулись старые времена, однако спустя ещё год власть в городе взяли красные. По Большой Владимирской прошёл конный отряд под кумачовыми знамёнами. А вскоре мимо окон салона Закарии красногвардейцы под караулом провели младшего Миштовта в наручниках. В “Семипалатинском листке” сообщалось, что Миштовт обвиняется в сочувствии белым, и к тому же с точки зрения чистоты пролетарской крови “его репутация подмочена”. И совсем уже Закария опечалился, увидев, как по улице вели так же в наручниках Алихана Айтуарова. Из рассказов горожан он понял, что друг его тоже оказался “врагом народа”.

Алихана Айтуарова содержали в тюрьме, которую красные устроили в бывшей Мусинской мечети. Закария навещал друга, по привычке молясь перед входом. А потом Алихана перевели в Москву и, говорят, расстреляли в Бутырской тюрьме после следствия.

Закария, как уже говорилось, был далёк от политики, он сочувствовал только одной власти — при которой он родился и при которой дело его процветало. Однажды, бредя по городу, Закария остановился на берегу Иртыша. То, что заставило его остановиться, было событие, которое многое прояснило для скромного портного.

Если мечеть перестроили в тюрьму, то в церкви Александра Невского, возвышавшейся на живописном зелёном берегу реки, теперь размещался клуб работников ОГПУ. Но и в таком, новом её предназначении, она стала не нужна. Чёрные фигурки людей суетились вокруг белых каменных стен, по которым бил огромный металлический шар на цепи. Лядя, как от прекрасного сооружения остаётся буквально ровное место и прах его развеялся по ветру, Закария Бектемисов понял, что теперь, когда разрушаются храмы, новые нарядные платья никто заказывать не будет. И так оно и получилось. Подозрения его укрепились, когда он узнал, что в бывшей мечети купца Мусина, превращённой в тюрьму, где он навещал Алихана Айтуарова, теперь разместилось балетное училище. Несколько заказов на костюмы он, правда, получил из училища, но это были балетные пачки, довольно скромные. На костюмы для театральных постановок у училища денег не было.

Тем временем, пока город переходил из одних рук в другие, пока Закария провожал взглядом знакомых и друзей за тюремные ворота, вывеска на его салоне облупилась, страусовые перья на манекене в витрине пожухли и обвисли, пальма покрылась толстым слоем пыли. Швей его отказывались работать, просили жалованья, которое ему всё труднее было выплачивать, поскольку заказов было очень мало. И когда в городе открылась фабрика “Большевичка” по пошиву шинелей для фронта, а позже и гражданского платья, и его пригласили начальником швейного производства, Закария, не долго думая, согласился, закрыв свой салон, отдав в пользу нового предприятия свои машинки и взяв с собой работниц.

Вечерами, дома, куря длинную турецкую трубку и раскачиваясь в кресле-качалке, Закария вспоминал прошлые времена. В его шкафу до сих пор висело платье с кринолином губернаторши Карповой. Отъезд губернатора был настолько скорым, что про платье забыли и не прислали за ним. Как сложилась судьба губернаторской семьи там, в России, где происходили революционные события, Закария мог только догадываться. А тогда портной изготовил к нему и зонт, и шляпу, теперь они все вместе пылились в его шкафу, напоминая о его, Закарии Бектемисова, участии в истории и о прошлой счастливой жизни. Но он молчал об этом, поскольку свидетелей её почти не осталось.

Странник из Сайрама

Рассказ

В 1221 году в городе Сайраме¹ проживал отшельник, умевший лечить людей от самых тяжёлых недугов. Говорили, что некогда он был странствующим актёром, но тайные обстоятельства заставили его бросить своё ремесло и удалиться от людей и семьи. Говорили, что тут не обошлось без

¹ Сайрам также называли тогда Исфиджабом, город был снесён до основания нашествием войск Чингисхана.

нечистой силы, ведь Странник из Сайрама занимался греховным ремеслом, а значит, и лечит не без помощи чёрной магии. Другие опровергали: мол, напротив, человек отрешился от нашего грешного мира и потому ему дано небом великое знание природы человека.

И лишь немногие знали правду, ту, что хранили горячие камни сайрамских мостовых. Дело было так. До того, как стать лекарем, у Странника было имя Хайрулла и жил он в Сайраме недалеко от шахристана², в домике за дувалом, на узкой кривой улочке, мощённой жжёным кирпичом.

Хайрулла мог жонглировать горящими факелами, извергать изо рта огонь, а также вместе со своим другом, персом Джалилом, разыгрывать небольшие комические сценки собственного сочинения. Аккомпанировали актёры себе на дутаре и большом круглом барабане. Маски мастерили сами из ивовых прутьев, раскрашивали красками, прикрепляли волосы, усы и бороды из мочала, а также украшали стеклянными побрякушками, которые в изобилии продавались в стеклодувных лавках — в корзинах, на вес. Например, горсть красных и синих стеклянных шариков с зелёными разводьями стоила всего четверть дирхема, а белые с красными крапинками — и того дешевле. Стеклодувы знали, для чего актёрам нужны их миниатюрные изделия, и потому заранее делали в них маленькие отверстия, чтобы те могли подвесить стекляшки на кожаный шнурок или медную цепочку. За проделывание отверстий, а также за жёлтые стеклышки стеклодувы денег не брали.

На представления собиралась обычно толпа со всего регистана³: торговцы, покупатели, цыгане, нищие, дети, ремесленники из рабада⁴, зеваки. Персонажами сценок обычно бывали Хитрый Продавец и Покупатель, Подкаблучник-Муж и Сварливая Жена, Смерть и Покойник, Учитель и Шакирд⁵, Бродяга и Разбойник, Купец и Жадность, Деньги и Нищий, Ремесленник и Судьба, Крестьянин и Доктор, Пьяница и Бутылка. Диалоги сочинял Хайрулла, их подсказывала ему сама жизнь, разговоры, услышанные им в лавках, на улицах, у соседей. Автор щедро разбавлял словесные перепалки шутками, сдабривал цеховыми словечками ремесленников, пародировал тайные знаки купцов. Для костюма Джалила в роли Бутылки пошло больше всего стеклянных бусин — весь его остроносый колпак, похожий на горлышко бутылки, был усыпан ими. А когда Хайрулла играл Пьяницу, то красил нос и делал круги под глазами гранатовым соком. Толпа хохотала от души.

Сборы от представлений зависели от того, базарный это был день или нет. В пятницу торговля не велась, народу в шахристане почти не было. А вот в другие дни, особенно в такие, когда в Исфиджаб прибывали караваны из Персии, Индии, Китая, — можно было рассчитывать на неплохую прибыль.

Но как ни крутились бедные Хайрулла и Джалил, на актёрские деньги не построишь дворцов, денег еле хватало свести концы с концами. У Джалила было двенадцать детей, причём в половине из них он сомневался: его ли это ребёнок? И частенько, глядя малыша по головке, перс внимательно заглядывал ему в глаза, как бы пытаясь в этом разобраться. Замечая это, жена Джалила Зулейка выходила из себя и начинала бранить супруга: “Ты бессовестный, бессребреник, пока я тружусь

² Шахристан — центр города.

³ Регистан — парадная площадь города.

⁴ Рабад — ремесленный пригород.

⁵ Шакирд — студент-богослов или ученик суфия.

в поте лица, кормя и обстирывая эту кучу детей, моего беспутного мужа одолевают дурацкие мысли!.. Лучше бы помог отнести на речку бельё...". И так далее, и тому подобное.

Соседи поговаривали, что уж как минимум, половина детей Джалила действительно не его. Вроде бы один похож на кузнеца, другой на торговца зеркалами, а третий на проезжего факира, с которым Зулейка любезничала, пока Джалил показывал свои сценки на базарной площади. Кто знает, может, напрасно болтали злые языки, может, нет. Во всяком случае, Джалил по доброте своей решил отнестись к такому числу детей в своём доме как неизбежности, посланной ему небом. Не выгонит же он их на улицу? А если кого и выгонит, вдруг несчастный окажется как раз его ребёнком? А если он прогонит Зулейку, что станет с его детьми? В конце концов, он решил кормить и содержать всех.

На досуге он развлекал малышей забавами: прыгающим деревянным козлом на медном барабане, войлочными марионетками. Малышам особенно нравился козёл: сжимаешь рукой две рукоятки под барабаном, и козёл подпрыгивает на тонких ножках с латунными копытцами, и звенят колокольчики на круге барабана и на концах рожек.

Если Джалил относился к жизни простодушно, то Хайрулла, напротив, жалел свою жену и трёх дочерей из-за того, что не мог обеспечить им достойного существования. Жалел до такой сильной боли в сердце, что как-то раз закрылся в сарайчике своего двора, накинул петлю на шею, да и спрыгнул вниз с деревянного ящика для кукол-марионеток. Потеряв из виду мужа, жена Хайруллы, Шолпан, подняла крик, стала искать его везде. На шум прибежали соседи, и в первую очередь Джалил, ведь они жили по соседству.

Джалил, отчаянно бормоча что-то на фарси, взломал дверь в сарай и успел-таки вынуть задышавшегося, покрасневшего, но ещё живого Хайруллу из петли. Шолпан плакала, обнимала мужа, сидевшего на пыльной земле, неловко подогнувшего руку, словно сломанная кукла. Слезы текли по запылённому лицу Хайруллы. Шолпан повторяла, что она любит мужа таким, каков он есть, и другого, даже сделанного из чистого золота, ей не надо, только бы он не повторял того, что сделал, ибо Бог покарает его. А младшие дети перса, набежавшие во двор, не обращая внимания на взрослых, играли с ивовыми масками, хохоча от удовольствия.

Джалил помог отвести друга в дом и сказал, чтобы тот молился за свою грешную душу. Спасённый отрицательно покачал головой: "Там (он показал тонким и длинным пальцем вверх) никого нет". Джалил ответил: "Тогда я буду молиться за тебя". И ушёл.

Ранними вёснами в долине у Исфиджаба расцветали тюльпаны. От края до края земли, насколько хватало взора, их нежные бархатные бутоны покрывали прекрасную землю. Вдали синели горы, и солнце заливало тюльпанное море горячим светом.

Как-то актёры сидели на земле, среди тюльпанов, и смотрели на горы. Хайрулла гладил руками нежные лепестки, и в этот момент походил на безумца. Джалил с содроганием смотрел на друга. "Знаешь, Джалил, я ухожу, — сказал вдруг Хайрулла. — Пойду в Шахимардан, там, говорят, обретается немало бродячих артистов. Они выступают в Бухаре, Самарканде, Ургенче, Баласагуне. Там актёрам платят золотом. Тебя я с собой не зову, знаю, ты не пойдёшь".

Тюльпаны наклонялись на лёгком ветерке, будто кивая, и перс с тревогой смотрел на горы.

Хайрулла действительно стал собираться, сложил в курджун⁶ несколько масок. Большую их часть он оставил другу. Под причитания жены он покинул свой дом и пешком отправился в Шахимардан — страну актёров в надежде на счастье.

Прибыв в Шахимардан, он увидел обычные селения, такие же, какие простирались и за крепостными стенами Исфиджаба. Пыльные дворики, вялые от жары подсолнухи у плетней, воробьи, клюющие семечки. По торговой улице, плотно застроенной небольшими лавчками со всевозможным товаром — от шёлковых зонтов до медной посуды, он вышел на небольшую площадь. Там выступали канатоходцы.

Над площадью, высоко-высоко над головами зевак, натянули канат. По нему ступал, балансируя длинным шестом, красивый загорелый мальчик лет семи. Тёмные его кудри прилипли от пота и напряжения к вискам, но он улыбался. Сложён ребёнок был прекрасно.

За ним, затаив дыхание, наблюдала публика. Хайрулла почувствовал себя нехорошо, поняв, что публике нравится подступать близко к черте, отделяющей жизнь от смерти, глядя на маленького артиста, гадая: упадёт он или нет? “Таково устройство человека”, — с горечью успел подумать он. Стойки канатов страховали артисты постарше. Вдали виднелись актёрские кибитки, яркие и лоскутные, как одеяла в бедных домах. Это был настоящий цирк. Представлением руководил пожилой, крепкий человек в шёлковом халате, расшитом золотом. Полы халата свободно развевались, не подвязанные поясом, открывая его мощное мускулистое тело. Человек в шёлковом халате отдал приказание поймать мальчика, когда тот прошёл по канату несколько раз и теперь готовился спрыгнуть вниз. Силач свистнул цирковую собаку, рыжую и лохматую, смесь пастушьей овчарки и дворняги. Собака с коробочкой в зубах обходила зрителей, собирая деньги.

“Акбарс, — громко обращался к зрителям человек в шёлковом халате, — будь повежливей с почтенной публикой, пришедшей оценить наше скромное искусство!”. Акбарс шёл привычной траекторией вдоль толпы, и в обшитую парчой коробочку сыпались монеты.

Хайрулла, стоя в толпе, внимательно наблюдал за происходящим. Выступление артистов его восхитило, все движения их были отточены, трюки сложны и опасны.

На этом представление не закончилось. Артисты показали китайское искусство вращения блюдец на палочках, ходили по битому стеклу, жонглировали тарелками, шарами и булавами, завершали представление акробатические номера. Юные циркачи были будто совсем невесомыми, почти прозрачными, они, казалось, легко запрыгивали друг другу на плечи и выделывали в воздухе такие кульбиты, что у Хайруллы временами захватывало дух. Он снова разнервничался, боясь, что кто-то из них упадёт, не рассчитав движения, но потом заметил, что человек в шёлковом халате оставался совершенно спокойным. Он делал своё дело, и на висках его не было пота. Только лишь когда он держал стоявшего на его голове юношу, а на нём ещё девочку, он взмок.

После представления Хайрулла подошёл к одному из молодых артистов и осторожно спросил, как зовут человека в шёлковом халате. “Эмир”, — ответил тот, и тут же побежал на помощь своим товарищам, собиравшим реквизит.

⁶ Курджун — сумка, носимая на плече.

Хайрулла набрался смелости и подошёл к Эмиру, прося взять его в труппу. “Покажи, что ты умеешь”, — сказал Эмир. Волнуясь, Хайрулла показал сначала марионеток и козла на барабане. Это не произвело на Эмира никакого впечатления. Хайрулла почти упал духом, но, собравшись с силами, попросил принести факелы. Факелов в труппе не оказалось. Эмир приказал сходить за ними в лавку. Беспрекословно подчинившиеся ему актёры сделали это, и Хайрулла продемонстрировал жонглирование горящими факелами, а после — дыхание горящим огнём. Эмир, казалось, чуть оживился, одна его густая бровь приподнялась вверх. Воодушевлённый небольшим успехом, актёр достал свои маски и попросил одного из канатоходцев ему подыграть. Подыграть не получилось, потому что канатоходец никак не мог взять в толк, чего от него хочет пришлый артист. Тогда Хайрулла на свой страх и риск стал один играть то одного, то другого персонажа, благо запас ролей у него был немалый, чем довёл до хохота всю труппу. Эмир лишь слегка усмехнулся.

“На факелах много, конечно, не заработаешь, но масками своими можешь в перерыве развлекать народ, пока мы переставляем наши канаты. Я беру тебя в труппу. Как тебя зовут?”. Хайрулла назвал себя. “Крестьянское имя для артиста не годится, — твёрдо ответил Эмир. — Отныне ты — Сардар. Спать будешь вместе с моими сыновьями в белой кибитке. Есть будешь — что и все”. Обескураженный Хайрулла наклонил голову и приложил руку к сердцу в знак почтения.

Вскоре бродячий цирк отправился в Бухару. Теперь новоиспечённый Сардар в маске Хизра, покровителя странников, на площади в базарный день выкрикивал свои шутки, стучал в барабан и зазывал народ на представление. Публика снова замирала от ужаса, глядя, как малыш-циркач шагает по канату над площадью, и щедро одаривала его золотыми дирхемами. Это был сын Эмира Даурен. Коробочка Акбарса никогда не пустовала в богатом городе.

Однако у самого Сардара тоже замирало сердце и он отворачивался всякий раз, когда Даурен шёл по канату, как бы отмеряя шаг за шагом свою жизнь. И перевести дух Сардар мог только тогда, когда мальчик, вскинув руки и улыбнувшись во весь рот, опускался на землю. Только артисты, в числе коих был и сам Сардар, знал, как Эмир бьёт своего сына, как и других своих детей, которых было у него пятеро, когда они просились отдохнуть или отказывались выступать.

“Почему ты так бьёшь своих детей?” — спросил как-то Сардар у Эмира. “Потому что я хороший отец”, — невозмутимо ответил тот. “Может, Даурену освоить какое-нибудь другое цирковое ремесло? Вдруг он когда-нибудь оступится и упадёт?”. — “Значит, он умрёт”, — ответил Эмир, растирая могучие мышцы миндальным маслом. “А кроме него у меня ещё много детей. Иди, работай!”.

Так они кочевали из города в город, зарабатывая дирхемы и динары. Очень любил Сардар, когда выступала Тахмина, тринадцатилетняя дочь Эмира. Она была словно бы совсем без костей, изгибалась, как змея, в своём шёлковом красном костюме с золотой искрой. Руки её плели затейливый узор знаков и чувств, и Сардар любил разгадывать их, а, разгадав, радовался своим открытиям. Он научился читать её движения, как книгу. То она сообщала публике, как она рада, что влюблена в факира Дархана, и пела об этой любви своими дивными руками. То жаловалась, как ей порой

бывает грустно и одиноко. А однажды Сардар понял по её чудным движениям: она жалеет его, Сардара, из-за того, что он так далеко уехал от своей семьи. И семья его, наверное, тоже очень сильно скучает по нему. Прочитав это послание, Сардар задумался о том, чтобы навестить родных.

Эмир согласился отпустить своего актёра. Первым делом Сардар купил подарков семье и детишкам Джалиля, а поскольку поклажа оказалась неподъёмной, приобрёл заодно и верблюда. Чтобы произвести ещё больший эффект на жителей Исфиджаба, особенно на соседей (мол, пусть знают, что не зря он подался на заработки в дальние края!), выторговал себе прекрасный замшевый халат цвета незрелого персика, расшитый шёлком, кораллами и бисером, и тюбетейку из бархата.

В таком виде, на верблюде с огромными курджунами, он торжественно проехал на верблюде по улицам родного города, и торговцы в лавках приветствовали его восхищёнными возгласами, вскидывая руки к небу.

Радости Джалила не было предела, когда он увидел своего друга — разодетого, как индийский раджа, загорелого, с подарками и выражением удовольствия на лице. Бедный перс всё это время просил Всевышнего, чтобы в далёких землях он хранил его друга и отводил от него беды и соблазны. И тут он увидел, что Всевышний, оказывается, внимал его молитвам: Хайрулла оказался жив и здоров, да ещё глядел таким красавцем, что местные женщины незаметно приостанавливались, будто разглядывая товар в лавке, чтобы посмотреть украдкой на Хайруллу.

Джалил по-прежнему выступал в Исфиджабе, правда, теперь исполнял старинные песни, и это приносило дополнительный доход в чайных. Тексты старинных песен напевала ему его мать, некоторые он старательно переписал в библиотеке, где их хранилось немало, и тщательно вызубрил. Публике он рассказывал, что сама память веков да его многочисленные предки оставили ему это эпическое богатство. Купцы, любившие старину, кивали головами в знак уважения и согласия.

Во время своего отпуска, одним замечательным погожим днём сидя во дворе дома в тени карагача, Хайрулла стал наигрывать на комузе. Его дочь Алия, надев одно из привезённых им платьев, в такт музыке сначала осторожно, потом всё больше воодушевляясь под одобрительным взглядом отца, стала танцевать. Ей было уже десять. Обладая приятной пухлостью тела, Алия была в то же время гибка, почти как Тахмина. Отец любовался тем, как звенели на её беленьких ручках браслетики, покачивались в ушах серёжки, как она мило наклоняла свою кудрявую голову в такт музыке. Карие глаза её горели, яркие, красные губы от танца увлажнились. Хайрулла вдруг ясно увидел, какой ценный жемчуг зреет в его скромном доме. В тот же день он сказал жене, чтобы она строже присматривала за Алией и никуда не выпускала её одну. Жена в ответ рассказала, что уже сейчас у девочки нет отбоя от женихов. Хайрулла даже рассвирепел и приказал прекратить подобные разговоры, пока дочь не подрастёт.

Как-то раз, наболтавшись в чайной, Джалил и Хайрулла отправились в сад, выращенный в Исфиджабе по приказу Хорезм-Шаха. Среди олеандров, кедров и гибискусов Хайрулла рассказывал другу про Эмира и его детей. Слушая о жестокости владельца бродячего цирка, Джалил покачал головой: «Может, бросить тебе всё это дело? Соберём актёров, научим их всему, что сами умеем?». — «Ещё немного поработаю», — отвечал Хайрулла. Он рассказал другу и о Тахмине, о её волшебном танце. «Может, ты

возьмёшь Алию работать вместе с собой?”. — спросил тот. “Что ты, ни в коем случае!” — вскричал Хайрулла. Потом он помолчал, опустив голову, и спросил: “Скажи мне, Джалил, почему на такой красивой земле существуют некрасивые люди?”. Перс допытывался, кого он имеет в виду, но Хайрулла совсем замолчал, и тот повёл его покурить кальяна в ближайшую чайную.

Когда они возвращались домой, у стен мечети Базалката они услышали шум и крики. Поднявшись по внешней винтовой лестнице, они заглянули за дувал. Около двадцати всадников вспарывали зелёный покров земли лошадиными копытами в борьбе за козлиную тушу. Из-под копыт коней летели комья земли вместе с травой, тела наездников вместе с конями сплетались в жёсткие узлы, грубая сила и азарт будто звенели в весеннем воздухе. Публика, наблюдавшая за козлодранием, кричала и свистела, возбуждённая игрой.

И снова у Хайруллы-Сардара потянулись кочевые будни. Города сменяли друг друга, каждый из них удивлял по-своему, и он даже стал вести дневник, куда записывал свои мысли о том или ином городе. Например, о Таразе он написал: “В городской бане подают чай не только чёрный или зелёный, но и с добавлением жасмина, в то время как мы жасмин считаем непригодным к употреблению человеком. А банщик прокладывает выдаваемые посетителям полотенца цветками липы, чтобы аромат наполнял помещение. Также здесь продают настой лаванды на спирту, чтобы пользоваться им как духами. Аромат чудесный! Я тоже купил одну бутылочку.

После я наблюдал, как Эмир репетирует с Дауреном. Когда Даурен пошатнулся на канате, то успел ухватиться за волосы отца. Эмиру было больно, но он радостно крикнул мне: “Смотри, такой не пропадёт в этой жизни!”.

Об Отраре в дневнике бродячего актёра сохранилась следующая запись: “На площади, где мы выступали, располагается монетный двор. О, Аллаха, сколько же бывает на свете денег! Это я заглянул через щёлку в воротах случайно. А мы живём в дешёвых комнатах постоялого двора, и когда прорвало водопровод, нечистоты стали проникать в наши комнаты. Нам пришлось срочно спасать имущество, костюмы, барабаны. Тахмина ступала своими белоснежными ногами по этим жутким ручьям и несла на голове тюк с веерами для канатоходцев, а на конце шеста на её плече качались её вышитые стеклянными бусинами остроносые туфли...”.

В тот день они выступали в Отраре, под голубыми куполами, покрытыми ослепительной гладкой бирюзой, публика заполонила собой весь регистан. Даурен шёл по канату, балансируя, как обычно, шестом, и вдруг в толпе у ребёнка из публики вырвалось: “Мама, мне страшно!”. В возникшей тишине этот голос прозвучал так громко, что Даурен дрогнул и закачался. Все замерли. “Держись!” — крикнул Эмир. Даурен балансировал, но ему не удавалось сохранить равновесия, его качало всё больше, и он упал вниз. Толпа расступилась, онемев от ужаса и влекомая картиной смерти. На каменных, стёртых до гладкости, плитах городской площади навзничь, раскинув руки, лежал маленький Даурен. Он уже не дышал.

Эмир дал знак Сардару продолжать представление, артистам приказал отнести тело мальчика в свой шатёр. Сардар взял трясущимися руками барабан и, не понимая, что он делает, проговорил какие-то слова из своего репертуара. Эмир тем временем, одетый в шаровары, короткую вышитую безрукавку и в туго повязанной на голове косынке, сам взобрался на канат и продолжил представление. Лишь когда все номера были завершены, артисты

разошлись по своим кибиткам, Эмир удалился в свой маленький шатёр. Сардар заглянул туда, но хозяин цирка жестом показал ему не приближаться. Силач плакал, сотрясаясь всем телом, склонившись над сыном.

Похоронив Даурена, семь дней Эмир был в трауре, затем продолжил путь по городам, не дождавшись сорокадневных поминок. Сардар всё также, меняя маски, зазывал людей на представления, развлекал публику своими монологами, и всё чаще на лице его была маска смерти. Ему стало казаться, что цирк — это и есть смерть. Всё чаще он вспоминал виденную им в Сайраме сцену козлодрания, он стал напоминать сам себе бездыханную козлиную тушу, которую рвали на части всадники. Также, измученная и постаревшая, стала выглядеть его душа. И когда в городе Шарабе Эмир выпустил на канат своего младшего сына, пятилетнего Арслана, Сардар вечером, после представления, подошёл к Эмиру и сообщил, что покидает цирк.

“Дело твоё”, — ответил Эмир. Он отсыпал ему горсть монет и отпустил с богом.

Хайрулла вернулся в Исфиджаб. Деньги он отдал семье, и часть из них — другу-персу. И вот тогда, оттого, что он так часто видел смерть рядом, живя и выступая вместе с канатоходцами, он стал чувствовать её запах, её дыхание, её приближение. В нём открылся дар лечить людей. Хайрулла исцелял травами, компрессами, отварами, горячими камнями и песком, эфирными маслами, а также усердной истовой молитвой, и поднимал порой уже совсем безнадёжных больных. В Сайрам потянулись люди из других городов и селений по берегам Амударьи. За то, что Хайрулла несколько лет странствовал с бродячими актёрами, люди прозвали его Странником из Сайрама.

Однажды, летним днём, Хайрулле стало не по себе, он всюду чуял смерть, ему казалось, она приближается к его дому. И вот в дверь его постучали. На пороге его дома стоял Эмир, он держал на руках Тахмину, на дороге стояла загнанная, вся в пене, лошадь. Во время танца девушка сорвалась с деревянного помоста и повредила спину. “Помоги ей, Сардар, — обратился к нему Эмир. — Я хорошо заплачу тебе”. — “Платы мне не надо. Я сделаю всё, что могу”, — ответил Хайрулла, пропуская их в дом.

Знахарь выхаживал Тахмину три месяца. Он посетил за это время мавзолеей Арстан-баба⁷, где молился о спасении Тахмины, маленького Арслана и всех детей и артистов Эмира. Через три месяца появился сам хозяин цирка. “Ты вылечил мою дочь?” — спросил он. “Она по-прежнему хороша, ладна, но танцевать больше не сможет”. Отец взял Тахмину за руку, и они ушли через городские Чимкентские ворота в сторону Шахимардена.

Когда снова наступала весна и в долине зацвели тюльпаны, Джалил и Хайрулла проводили время в беседах. “Помнишь, ты рассказывал мне о стране Шахимарден, где живут счастливые актёры. Существует ли она? Не придумал ли ты её?” — спросил перс. “Нет, не придумал. Это действительно прекрасная страна. Я верю, что она есть”, — отвечал Хайрулла.

Как-то Джалил пришёл к Хайрулле, ведя за руку бедную, но вызывающе одетую молодую женщину. Она была одурманена гашишем. Хайрулла с трудом узнал в ней Тахмину. Перс нашёл её на ярмарке в Таразе, где она торговала собой. “Сардар, — сказала она, — Арслан разбился насмерть. Мой любимый Дархан покинул наш цирк, рассорившись с отцом,

⁷ Арстан-баб — святой, живший в Исфиджабе в XI в.

и теперь кочует с другой группой. Говорят, он искал меня, но не нашёл. Всё так же с завязанными глазами он бросает в цель клинки”. — “А что Эмир? Как он?”. — “Он прогнал меня”, — отвечала Тахмина.

“Вот он, твой Шахимарден, Хайрулла!.. От него одни несчастья! — вскричал, услышав всё это, Джалил, — я дам ей ночлег и кров, одним ребёнком больше, одним меньше, какая мне разница! Но гашиша, девочка, я тебе давать не стану, и не думай!..”. И увёл Тахмину, прежде чем Хайрулла успел что-либо промолвить. Спустя несколько дней Тахмина исчезла.

Хайрулла пустился на поиски девушки. Вернулся он через сорок дней, исхудалый, потемневший. Из короткого его рассказа Джалил узнал, что в городе Сарайшике, возвращаясь из Ясс, Хайрулла, наконец, нагнал цирк Эмира. “Здравствуй, Сардар! — крикнул, заприметив его, Эмир. — Зачем пожаловал?”. — “Где Тахмина?” — спросил Хайрулла. “Во-он там”, — показал Эмир в сторону. На углу площади Тахмина, слегка уже увядшая, шла по улице вслед за купцом. “За неё дают немало, Тахмина всё ещё хороша. Она трудится при нашей трупке, и окупает свой ночлег и еду с лихвой. Спасибо, что вылечил её, — продолжал Эмир. — Но ты ведь не просто так пришёл?”. — “Я пришёл, Эмир, посмотреть тебе в глаза”, — ответил Хайрулла. Глаза хозяина цирка налились свинцовым блеском: “Если тебе нечего мне сказать, то проваливай!”. Хайрулла готов был убить его. Но тут острейший клинок факира, метателя кинжалов, опередил его мысль. Клинок вонзился прямо в горло Эмира. Это был Дархан.

“Я долго искал его, и вот нашёл”, — сказал он. Далее случилось то, о чём Хайрулла не мог рассказывать Джалилу без слёз. Дархан кинулся к Тахмине, она пребывала с купцом. Дархан вырвал её из объятий торговца, предложил отдать ей всю свою жизнь до конца и сердце до дна, но она, узнав, что он убил Эмира, в отчаянии бросилась рыдать, упав на мостовую. Она говорила, что теперь, когда она обрела Дархана, которого искала так долго, тут же его и потеряла, потому что не сможет быть вместе с убийцей её отца. Она прогнала Дархана. А утром её нашли мёртвой у подножия городской башни, с которой она прыгнула на рассвете. Дархан и Хайрулла посетили могилу маленького Арслана, помолились и разошлись, наверное, навсегда.

Хайрулла не вернулся в Сайрам. Всё пережитое так потрясло его, что он удалился в заброшенный подземный буддийский монастырь, неподалёку от родного города. Он мучился оттого, что сам в какой-то степени был соучастником разыгравшейся драмы. Он молился и вкушал скудную пищу, и отказался от всех своих прежних имён, выбросив их, как осквернённую пищу. Сколько ни просили его Джалил, супруга и дети вернуться домой, он не хотел. Со временем Странник из Сайрама снова стал лечить людей, и к нему стекались люди даже из самых отдалённых городов. Платы лекарь не просил, страдальцы и их поводыри по своему желанию, уходя, оставляли деньги или продукты в его каменной келье. Там он и скончался в возрасте Пророка.

При жизни Странник успел выстроить небольшой мазар недалеко от Исфиджаба в память о Тахмине, о Даурене, об Арслане. Лекарь молился неустанно за них. На одном из кирпичей он высек надпись: “Шахимарден”. Алия, которая приносила ему обед, спросила как-то, что такое Шахимарден. “Это маленький рай для бродячих актёров. Где-то ведь они должны быть счастливы?” — отвечал отец.

Три рассказа о войне

Анна и “Либерти”

Помню синее загородное лето, и дедовские руки, секатором срезающие золотые виноградные гроздья. Помню мускатный запах, кислый вкус виноградин и плетёную корзину, наполняющуюся крупными гроздьями на бурых тонких ветвях. Огромные прозрачные стеклянные бутылки с торчащими в них трубками уже были готовы к заливу отжатого виноградного сока в нашей комнате маленького летнего деревянного домика, выкрашенного выгоревшей от солнца зелёной краской.

Приходил друг дедушки, сосед по даче, кореец дядя Еня, точнее, Ен Юанович, приносил настойку на папоротнике. Дед утверждал, что ежедневное её употребление является панацеей, и заставлял всю семью пить её по столовой ложке в день. На вкус она была горько-кислая, а на запах весьма противная, но дедушка был непреклонен и всё приговаривал, что древняя корейская медицина творит чудеса — не в пример современным таблеткам. Я мучилась, но пила. Мне было тогда семь лет.

Мы снова возвращались с ним к винограднику, он подавал мне гроздья, потом мы тащили корзину к домику, осторожно огибая взращённые дедушкой рядки смородины и кусты чайных роз, росших для красоты у самого крыльца. Потом они с дядей Еней курили, неторопливо забывая самосад в аккуратные полоски из газеты “Звезда” и молчали. Мне давали вымытые ключевой водой персики, я ела персики и слушала их молчание. Дедушка с удовольствием наблюдал за мной.

— Дедушка, куда косточки бросать?

— А куда хочешь... — и снова курил.

— Дедушка, но ведь на месте косточки вырастет дерево, а там у тебя виноградник.

— Ничего, вырастет — так вырастет...

— Дедушка, а почему ты куришь не сигареты, а такой вонючий табак? Бабушка будет опять ругаться...

— А ты ей не говори. Это я на войне привык. Иногда хочется такие покурить...

Дядя Еня кивал в знак согласия.

— Дедушка, а ты немцев на войне убивал?

— Убивал...

Тут я заплакала.

— Ты чего? — удивился дед.

— Ка-ак же ты мог убивать людей? Ты же такой...

— Какой?

— До-обры-ый...

Дедушка обнимал меня, отставляя руку с самокруткой подальше, чтобы дым не попадал на меня, и улыбался своими морщинками вокруг глаз:

— Ну, моя хорошая, иначе они бы меня убили. Это же был враг.

— Тебя?.. Убили? Ой-ё-ёй... Дедушка, а зубков почему у тебя нету, а только челюсть?

— Так цинга же была. Зубы выпадали.

— А почему ты их сразу не лечил?

— Да какое на войне лечение? зуб заболит, пойдёшь в санчасть, они его вырвут, да и всё. Вот и лечение... Так ни одного и не осталось.

Дядя Еня прощался, его ждала работа на своём огороде. Дед полез в сарайчик за пилой, которую обещал ему, дядя Еня, побряхтев, вставал и, взяв пилу, уходил.

Мы снова возвращались к винограднику. Снова в корзину ложились гроздьи, щедро вызолоченные алма-атинским солнцем, некоторые почти бронзовые, иные ярко-зелёные, салатные.

— А на войне ты ездил на танке, дедушка?

— Нет, малыш, я был редактор дивизионной газеты. Я же офицером был.

— А в немцев из автомата стрелял?

— И из автомата, а одного из пистолета... Ну, ты так не расстраивайся.

— Ты же такой добрый и круглый...

— Ну вот, опять началось, — дед вытирал появившиеся мои слёзы. — Держи корзину, а то сейчас упадёт... Я тебе лучше расскажу вот что... У нас там, на войне, была такая типография — печатная машина типа “Либерти”, кассы со шрифтом, небольшой запас бумаги. Всё это помещалось в “ЗИСе”. Что?.. Это такая машина с кузовом. Я был главный редактор “дивизионки”, так называлась газета в просторечии. Ещё было три журналиста — офицеры, два наборщика, один печатник, старшина. Ну вот и всё...

— Чего, прямо в машине печатали газету?

— Да, а где ещё? Бывало и под бомбёжкой.

— Страшно было?

— А то... Конечно, иногда страшно. Едем по полю, да ещё от снарядов уворачиваемся, зигзагами...

С тех прошло десять лет. Однажды, на той самой нашей даче, бабушка послала меня достать из большого сундука, который порой служил бабушке кроватью, сетку от комаров. Сетку я принесла. Да вот только обнаружила там потрёпанный, коричневой кожи, твёрдый планшет на ремне. Спросив у бабушки, что это, я удостоилась короткого ответа, что это какой-то хлам, и вообще пора очистить дом от разного ненужного старья. Я открыла папку. Так оказались старые, пожелтевшие и рассыпающиеся по краям записи, сделанные дедушкиной рукой с характерным вытянутым вниз “т”. Дедушка в этот день был в городе. Внутренне испытывая глубокое смущение от того, что вторгаюсь в недозволенное, я стала читать.

“Ржев. 11 апреля 1943 года. Проталины, слякоть. Короткая передышка между боями. И вот опять вижу, как они идут рядом. Это Аня, Аня... Сурен, старшина, помогает ей перейти через мостик. Она смеётся. Казалось бы, что мне до них? Но она смеётся так прекрасно. Чтобы не думать о них, я скручиваю фитиль из старой портянки и старых пустых патронов, заливаю масло. Огонь коптит сильно, но мне надо проверить набор. Журналисты наши пошли мыться в деревню. Мне хорошо одному. И всё же эти двое приближаются. Я вижу, что Сурен счастлив, так зачем они идут сюда? Старшина заглядывает первым: “Товарищ капитан, военфельдшер Кравченко просит показать ей, как делается газета!”. — “Старшина Егиазарян, вы же знаете, я занят, и не отвлекайте военфельдшера от работы!”. Я сержусь, действительно сержусь. И тут входит она, Аня. “Ну, пожалуйста, товарищ капитан!..”.

Как я могу ей отказать, её улыбке, её нежному голосу? И вот её русая головка склоняется над набором, она читает: “Там, где мы шагали, нам

танков не давали, репортёр погибнет — не беда...”. Это же Симонов, товарищ капитан!”. — “Сегодня я разрешаю вам называть меня Гали”, — зачем-то говорю я, и вижу, как грустнеет лицо Сурена, моего старшины, столько раз прикрывавшего меня в самых яростных атаках. Зачем же я это делаю? Какое право я имею? “Спасибо, Гали! — говорит Аня со своим украинским “г”. — Какая же трудная у вас работа!”. — “Ваша ещё труднее”, — говорю я. И почему-то она смотрит на меня и стирает своей рукой копоть от фитиля с моего лица. Она ещё проводит руками по металлическим гранкам. И уходит, попрощавшись с нами обоими. “Я провожу вас?” — спрашивает с надеждой Сурен. “Нет, спасибо, не нужно”, — говорит она.

Когда она уходит, я вижу в осколке зеркала, валявшегося в машине, что лицо моё закоптелось очень сильно, я был как шахтёр, только вылезший из шахты. “Выйдем, покурим”, — говорит старшина.

Мы вышли. Тут я путаю времена глаголов, ну и бог с ними, я волнуюсь и пишу теперь в прошедшем времени. Он смотрел на меня, казалось, с ненавистью. “Не будь тебя...” — сказал он и замолчал. Я не отвечал тоже. Я ждал удара, но его не последовало. Он только крепко, до боли и хруста, сжал мою руку. Я стерпел. “Ты будто играешь, — сказал он снова. — Но помни, что я (он сделал ударение на этом слове) не играю”. — “Я понял”, — ответил я. Мы постояли ещё несколько мгновений и разошлись. Из деревни приближались наши газетчики, весело махая нам издали руками.

Он рисковал всем, мой дорогой, мой любимый Сурен, но он знал и меня, что этот разговор военных, различных по званию, не пойдёт дальше нас двоих. И он верно рассчитывал.

12 апреля. Ржев. Бомбёжка. Осколки снаряда попали в наш “ЗИС”. Кассы с литерами разлетелись, попадали в воду. Тут течёт какая-то мелкая речушка. Слышались разрывы снарядов. Через несколько секунд всё смолкло. Сурен шарил по холодной воде руками, ища покорёженные металлические литеры. Я присоединился к нему. В раскуроченной машине остались только части набора.

Мимо нас санитары пронесли кого-то, покрытого с головой белой простыней. Мы успели спросить, кто это. “Военфельдшер Кравченко”, — ответили нам. “Ранена?” — спросили мы, бросив свои поиски. “Убита”, — обернувшись, крикнул санитар. И мы всё искали эти литеры в тёмной ледяной воде, покрытой кое-где тонким ледком. И подбрасывали всё это в кучу к сохранившейся части набора будущего номера. Часть стихотворения сохранилась:

*“Там, где мы шагали,
Нам танков не давали,
Репортёр погибнет — не беда.
На “пикапе” драном
И с одним наганом
Мы первыми врывались в города”.*

Журналист Петров принёс статью, написанную им от руки, в ней строки: “Героически погибла военфельдшер Анна Кравченко, спасая от бомбёжки раненых”.

Свежие номера газет разбросаны вокруг: “Сегодня наши войска форсировали...”, “дружба народов нашей страны выдержала все трудности и испытания войны и ещё более закалилась в общей борьбе всех советских людей против фашизма. В этом источник силы Советского Союза...”.

Рядом валялась обгоревшая по краям “Памятка партторгу стрелковой роты”. Я, Петров и старшина ещё долго шарим руками по воде, доставая буквы...”.

На этом рукопись обрывалась. В следующий раз мы были на даче ранней весной. Дедушка катался на лыжах. А вокруг вишнёвых и яблоневых деревьев и дремлющего под снегом виноградника дымились костры, устроенные дедом. Зима выдалась холодная, и дед обогревал деревья для будущего урожая. В одном из костров торчал угол того самого кожаного планшета.

Потом снова пришла осень, и мы собирали виноград. Он удался, не зря дедушка обогревал его в холод. Тогда случилось землетрясение в Спитаке. Сурен Егиазарян жил там, и всё это время после войны дедушка переписывался с ним. Сурен был женат на армянке, у него была уже взрослая дочь. После землетрясения дедушка без конца набирал номер Сурена, но трубка отвечала короткими гудками. Он заставлял бабушку набирать номер ещё и ещё, но дозвониться не получалось. Дедушка написал несколько писем. Ожидая ответа, он заболел, поднялось давление, и доктор, качая головой, прописывал ему покой и таблетки. Наконец дедушка дождался письма. Написала дочь старшины, она сообщила, что её отец, Сурен Ованесович Егиазарян, погиб при землетрясении, вытаскивая из-под руин соседского ребёнка. Это письмо до сих пор хранится, даже после смерти деда, в папке, аккуратно подписанной им “Письма однополчан”.

Помню, когда мы собирали с дедушкой тот урожай, он всё смеялся, вспоминая, как я спрашивала его, глядя по голове и заглядывая в глаза: “Волосики ты тоже свои на войне потерял?”. — “И волосики тоже, до волосиков ли там было, Мешок картошки?”. Так он называл меня, “Мешок картошки”, неся меня на закорках к нашему зелёному дачному домику.

Котелок

— Великое дело — случай, — говорил старый Петрович, начиная рассказывать очередную свою историю. Впрочем, Старым его называли условно, среди солдатиков-новобранцев он был самым старшим — ему было сорок два. Действительно, старик.

Дело было в Полесье, в самом начале июля 1944 года, когда наши войска продвигались с наступательной операцией по дороге Минск — Барановичи.

Был привал в лесу, солнечные лучи пронзали своими нежными стрелами негустой ельничек. Петрович делил котелок с семнадцатилетним казаком, Тулегеном Есмухановым. Сейчас, когда полевая кухня уже сворачивалась, они доедали, стуча ложками по дну, свою похлёбку под редкие вскрики кроншнепов с ближайшего болотца да перестуки дятлов.

— Так вот, я говорю, случай был... — говорил Петрович. — Это на Украине, недалеко отсюда... Атака, бежим. Дым вокруг, снаряды так и пыхают. Я упал, да и автомат из рук выронил. Шныть руками-то по земле — нету, и всё тут! А вокруг — слышу — одне немцы. Ни одного русского слова, Тулегеша, не слышно... Ну, думаю, конец, сейчас — или в плен, или смерть. И тут немчик один молоденький ко мне приближается, уже глаза я его увидел с белёсыми такими ресницами. Рванул я из-за пояса сапёрную лопатку — и по голове его! Насмерть. Случай, что лопатка с собою была, а я-то думал, что отдал её товарищу своему, Андрюхе, помнишь?.. Он-то свою потерял, а тут забыл я ему отдать. Но Андрей-то до сих пор живой, во-он он,

лопает... Тут другой немец — я снова своей лопаткой. Так и перелопатил их, человек десять...

— Ох, и рассказываете вы, Александр Петрович, — отозвался Тулеген. — Аж страшно. Вы, конечно, сильный...

— А то! Я крестьянский сын. Жеребёнка годовалого на плечах через реку перенёс, когда тот ногу сломал.

— Я тоже крестьянин, но до вас мне далеко.

— Да, худоват ты... Ничо, вернёшься — окрепнешь от работы. От работы мужик крепчает. Да ещё от женитьбы!.. — и Петрович засмеялся, хитро щурясь во все свои крепкие, жёлтые от махорки зубы.

— Я учиться хочу, Петрович.

— Надо ли? От родных мест уезжать? Меня вот трое детишек дожидаются, жена... Хотя, как знаешь... Кем быть-то хочешь?

— Филологом. Тут вот хутор рядом, Заосье, мы проходили, помните?

— Помню, Тулешик...

— Там родился великий поэт Адам Мицкевич... Хотя, может, и зря я это всё, может, трактористом буду, я ведь уже в техникум механизаторский поступил, да если б не война...

— Трактористом — это хорошо. Это очень хорошо, Тулешик...

— Строиться! — прозвучала команда.

Тулеш и Петрович поднялись. Петрович заткнул котелок за пояс. В самый момент, перед тем, как прозвучал сигнал "В атаку!", из зарослей ольшаника показал на мгновение свою красивую голову олень. Показал — и исчез, испугавшись людей. Петрович проводил его взглядом.

И снова атака. Тулегена ранило сразу, он бежал во весь рост, как умел. "Пригнись!" — кричал ему Петрович. "Сейчас я им... Сейчас!" — кричал в бешеном азарте, разъярившись, Тулеген. Через несколько минут его ранило в живот, и кишки вывалились наружу. От боли Тулеген выпрямился во весь рост, прямо под обстрел, желая умереть. Никак не попадали в него ни пуля, ни осколок. Не в силах держать в руках свои собственные внутренности, Тулеген свободной рукой стянул с головы каску, чтобы уж наверняка...

Бежавший рядом Петрович, обернувшись на него, падая, повалил парня своим телом: "Врёшь, дура, ещё поживёшь!". Тулеген кричал и стонал из последних сил, чтобы Петрович сжалился и отпустил его, потому что и так он издохнет от боли. Но Петрович держал его крепко. Приближались санитары. "Сюда! Сюда", — прохрипел Петрович. Помогая санитарам погрузить Тулегена на носилки, он успел нахлобучить ему на голову котелок, чтобы защитить голову. Тулегена под миномётным кромешным огнём унесли. Петрович остался.

— Ну что, Тулешик, подштопали тебя? — улыбочиво спросил Петрович, навещая своего друга в полевом госпитале. Старый принёс ему в своих огромных и заскорузлых крестьянских руках лесных ягод, завёрнутых в листья лопуха, росшего тут в изобилии.

Тулеген лежал бледный и ещё более худой, чем был ранее.

— Заштопали, Петрович. Не знаю, долго ли протяну.

— Не болтай, чего не знаешь... — строго отвечал Петрович, усаживаясь рядом на стул. — А то ещё станешь филологом... Буду книжки твои читать!

Тулеген только слабо и досадливо махнул рукой:

— Спасибо, Петрович, за ягоды... Я их сильно люблю, только мне их сейчас нельзя...

— Попрощаться я пришёл, Тулеша... — сказал Петрович. — Переходим в наступление серьёзное. Барановичи мы взяли, так что не зря ты кровь пролил. Поправляйся, малой, и нас догоняй. Авось, увидимся... А я уж тебя не забуду, из одного котелка харч хлебали...

— Прощайте, Александр Петрович, — сказал Тулеген. Когда Петрович ушёл, рядовой утёр слезу, скатившуюся из уголка глаза. “Прощай, Петрович, если и свидимся, то на том свете, я тебя там подожду!” — сказал он сам себе, морщась от нестерпимой боли.

Летом 1981 года пенсионер Александр Петрович Авиллов читал свежий номер “Правды”, размещённый под стеклом на стендах объявлений и свежей прессы возле администрации села Буранного, что в Оренбургской области. В глаза ему бросилась статья под названием “Когда будет наведён порядок в сельских школах?”. Статья поднимала проблемы нехватки кадров и методической литературы во многих школах Казахстана, а внизу была подпись: “Тулеген Есмуханов, доктор филологических наук”.

Придя домой, Александр Петрович крикнул внука Алёшку принести ему бумагу и ручку и стал писать письмо. “Здравствуй, дорогой мой однополчанин Тулеген! Пишет тебе Авиллов, с которым прошли мы Белоруссию и Украину... Узнал я тебя в этой статье по твоему характеру, по прямоте твоей...”. Пенсионер вздохнул и вытер слезу, навернувшуюся на глаза. “Откликнись, если это ты, мой однополчанин по Краснознамённой Барановической дивизии. Остаюсь твой, Авиллов Александр, или просто Старый Петрович”, — написал он, запечатал письмо и пошёл на почту. Письмо он направил в редакцию “Правды” и стал ждать ответа.

Не прошло и месяца, как ответ пришёл. “Здравствуйте, дорогой мой Александр Петрович! Нет слов, как обрадовался я, получив от Вас весть. Рад, что у Вас всё хорошо, все живы и здоровы. У меня тоже семья, жена, трое деток... После войны я вернулся в Георгиевку, в мою Семипалатинскую область. Хотел было снова пойти учиться на тракториста, да встретил своего школьного учителя по математике и географии. Он и сказал мне: “Ты, Есмуханов, хорошо учился, так поезжай в Алма-Ату в институт, а то так и останешься трактористом”. Семьи у меня не было, спрашивать не у кого, я послушал учителя. Так и поступил в институт. Как Вы говорили, великое дело — случай. Не встретил бы учителя, может, так и остался бы в Георгиевке... Да и котелок тот частенько вспоминаю, который Вы нахлобучили мне на голову, а то пули свистели вокруг — аж жутко было... Словом, что уж говорить, жизнью я Вам обязан...”. Заканчивалось письмо приглашением приехать в Барановичи, откуда Есмуханову всегда писали и приглашали на День Победы. “Теперь я им передал Ваш адрес, они напишут сами. Пока Вы приезжайте с детьми к нам в Алма-Ату, остановитесь у нас. В Полесье мы с Вами обязательно увидимся! А то ещё и поохотимся на кроншнепов...”.

Александр Петрович, дочитав письмо, сложил его аккуратно за стекло серванта, где стояло его военное фото вместе с Тулегеном Есмухановым. Алёшка крутился рядом. “Смотри, учись хорошо! — насупив шутливо брови, пригрозил ему Александр Петрович. — А то, понимаешь, великое дело — случай!”.

Серенада

Ясно помнится мне майский день, когда надо было готовить к выпускному экзамену в музыкальной школе “Серенаду” Шуберта. Мелодия, известная всем по фильму “Приходите завтра”, была почти выучена, но досада моя заключалась в том, что одновременно приходилось готовиться к экзаменам по геометрии и алгебре. На письменном столе, тут же, возле пианино, ждали раскрытые учебники, и в “Серенаду” не удавалось погрузиться полностью, и свойственная мне суетливость мешала сосредоточиться.

В комнату вошёл, постучавшись, дед.

— Можно я сыграю? Посиди пока, отдохни...

И он заиграл эту самую, любимую им с юности “Серенаду”, слегка наклоняя голову и мягко перебирая своими недлинными пухлыми пальцами. Он играл без нот. Благодаря своему абсолютному слуху, всё, что он когда-либо разучивал на фортепиано в своей жизни, запоминал уже раз и навсегда.

— Вот так, чуть нежнее... Ты не думай сейчас о другом... Это же не только музыка, а дыхание. Дыхание и природное волнение... Ты не переживай, всё будет хорошо...

— Почему ты раньше её не играл? — спросила я.

— Я тебе расскажу, — вдруг отозвался он. — А ты ненадолго отвлечёшься.

Он уселся в кресле, распахнув полы своей домашней кофты, в которой весной обрезал деревья на даче, а теперь носил до самого лета, потому что по старости стал любить тепло. Кофта была уютная и привычная, как интерьер нашей гостиной, голландская, светло-серого цвета с маленькими оленями полоской по груди и на спине, с резными металлическими пуговицами.

— Это был конец войны, мы взяли Вильснак и вышли к Виттенбергу... — начал он. — Вильснак — небольшой городок, или, скорее, село. Полуразрушенное село, только что отбитое нами у немцев. Мы шли по нему сквозь дымящиеся руины, ища пристанища для отдыха и для обустройства временного штаба нашей части.

И вот перед нами появился, как из тумана, дом, точнее, половина дома, в спешке покинутого хозяевами. А может, этих хозяев уже и не было в живых, погибли при бомбёжке... Да... Дом без одной стены, крыша местами обвалилась. Но в бывшей гостиной стояло пианино. Не помню его названия, видимо, какой-то местной небольшой фабрики. На уцелевших стенах — некогда с любовью развешенные картинки сельской жизни, портрет молодой девушки, довольно неплохой, фотография семейной пары.

На полках тёмного дерева с запылёнными теперь и местами обгоревшими кружевными салфетками уцелели фарфоровые тарелки с синим кобальтовым рисунком... Руины чьей-то некогда, похоже, счастливой жизни... Мы разлеглись, кто где, чтобы отдохнуть, закурили. Кто-то раздобыл воды внизу, в кухне, мы напились. Наступила какая-то странная тишина, какая редко бывает на войне днём. “Ничего так немочка!” — сказал мой друг, разглядывая портрет девушки на стене. И вдруг сказал мне: “А сыграйте-ка нам, товарищ капитан! Вы ж умеете?”. Я обернулся и увидел их закопчённые усталые лица.

Подошёл к пианино, открыл крышку, засыпанную обвалившейся штукатуркой, и сыграл вот эту самую “Серенаду”. Все слушали. Только я окончил игру, как среди молчания с колокольни старой кирхи, расположенной неподалёку, вдруг раздался колокольный звон. Я подошёл к окну.

Оказалось, здешний старый пастор, несмотря на то что из паствы его уже вряд ли кто остался в этом селе, продолжал честно исполнять свои обязанности и не забывал про обеденную службу.

С улицы раздался призыв нашего почтальона. Все кинулись вниз. Мы с моим товарищем задержались, я подобрал на полу книжку, это был “Фауст”. Книжка была небольшая, целая, только уголок чуть обгорел. “Отвезу своим, домой, как трофей”, — сказал я. “Тоже мне, нашёл трофей! Когда говорят пушки, музы молчат!.. А то, понимаешь, “трели соловья”, — ответил мне товарищ, смеясь. Мы не спустились вниз, нам, как офицерам, было дано указание организовать здесь штаб. Скоро поднялись наши, переговариваясь, перечитывая письма из дома. Скоро должно было прибыть наше начальство.

Дед замолчал на минуту, будто проглатывая комок в горле.

— Ты понимаешь... Мы были на подъёме, мы наступали. И не верили, что... В общем, когда мы собрались за столом, в дом ударила бомба. Выжил я один. Меня отнесло взрывной волной. Не осталось никого, ни того, кто просил меня сыграть, ни моего лучшего товарища, офицера, ни пианино, ни черта от этого дома не осталось...

Меня забрали санитары. В госпитале сказали, что я родился в рубашке, подлечили немного (видишь, шрам остался на щеке, это мне на память), да и через неделю выписали. Выйдя из госпиталя, догнав свою часть, я получил письмо, видимо, затерявшееся где-то по пути сюда, и нагнавшее меня с огромным опозданием. В нём сообщалось, что вся моя семья, жившая в то время в Москве, погибла под бомбёжкой.

Я читал это, а колокол на этой кирхе бил снова. Но понимаешь, для меня в ту минуту это был набат, а не обедня. Раздался призыв “Строиться!”, я подхватил свой автомат и побежал вместе со всеми.

— А что было потом?

— Пойдём на балкон.

На балконе дед закурил папиросу, глядя вдаль, дальше белевших перед нами на горизонте гор, далёких от войны и безмятежных.

— Дальше мы вышли к Эльбе и соединились с союзниками. Вот и всё... “Насущное отходит вдаль, а давность, приблизившись, приобретает явность”. Это из Гёте, из той книжки, только по-русски. Во-он она, в шкафу торчит. Хотел сыну привезти.

— Ты думал, у тебя будет сын, а не только моя мама? — спросила я, пока ещё не поняв рассказа до конца.

Он ничего не ответил, затушил папиросу. На балкон вошла бабушка, развешивать бельё.

— Ну что, Токе, пойду я, за газетами прогуляюсь, — сказал он бабушке и, закашлявшись, вышел.

Пока он надевал туфли в прихожей и скрипел ключом в замке, закрывая за собой дверь, бабушка осторожно сказала:

— У него до войны была семья, жена и сын. Все погибли при бомбёжке. Я же вышла за него, когда ему было тридцать девять лет. Мы уже тут, в Алма-Ате познакомились, после войны...

— Токе, хлеба захватить? — спросил дед уже с улицы, обращаясь к нам, всё ещё стоявшим на балконе.

— Захвати батон и половину ржаного, — кивнула бабушка через перила...

— Хорошо, понял...

Он, заложив руки за спину, двинулся в сторону булочной.

Александр КЛИНДУХОВ

“Хлеб да соль,
тишина, разнотравье...”

Трясогузки

Трясогузки — беспечные птицы
Над капотами виснут, летя
Чуть быстрее машин, и клубится
Пыль. Но дождик, на час зарядя,

Прибывает её. И работа
Длится вновь до полночной звезды...
Спим. Во сне мельтешат над капотом
Трясогузок беспечных хвосты.

Хлеб да соль, тишина, разнотравье,
Сенокос, костерочек, река,
И стакан ходит-бродит за здоровьем,
Что в глазах мельтешат берега.

Не пьяны мы, а просто устали.
Уработались... Вечер какой!
Расплываются сонные дали
За уснувшею русской рекой.

Словно идола, встав на колени,
Замираем, и только видны
Волны в пятнышках, словно олени,
Мельтешащие в свете луны.

**Александр
Фёдорович
КЛИНДУХОВ**

родился 23 июля 1956 года в рабочем посёлке Калинино Калининского района Горьковской области. С 1957 года живёт в городе Кирове (Вятке). В 1978 году окончил Кировский политехнический институт, по профессии инженер-электрик. Служил в армии под Владивостоком и на Камчатке. Работает на металлургическом заводе начальником отдела.

Автор трёх книг стихотворений: “Суровая нитка моя” (Киров, 1995), “Былые песни” (Киров, 2004), “Избранное” (Киров, 2006). Стихи публиковались в журналах “Наш современник”, “Роман-журнал XXI век”, “Молодая гвардия”, “Смена”, “Нижегородская провинция” (Саров), “Луч” (Ижевск). Член Союза писателей России.

В “Ниве” выступает впервые.

Закат

Под вечер краснеет округа:
Берёзы, наш дом, мезонин,
Трава на заброшенном луге,
И всё, что чернело за ним:

Ручей в одинокой долине,
В колоде журчащий родник,
И тропка в засохшей малине,
Что к речке ведёт напрямик...

Такое лишь может присниться.
От счастья застыл у ворот.
Зачем же так жалобно птица
В лесу одиноко поёт?

Мотовозик

Только бы успеть на мотовозик —
На рабочий поезд леспромхоза,
В маленьком вагончике, качаясь,
Укатить до Мирного опять...

Извините, но совсем не поза,
Что в мои стихи явилась проза,
Просто мне на станции сегодня
Неохота снова замерзать.

Ночь в мезонине один коротаю,
Ниткой суровую робу латаю,
А за окном, словно дыня, крупна,
Спелая, соком исходит луна.

С детства меня все пугали луной
И говорили, что свет, мол, дурной,
Шторы задёргивай, спи, а то вдруг
Ты попадёшься плутовке на крюк.

Только сегодня я, ночь коротая,
Через окошко с луною болтаю
И не боюсь, потому что меня
Держит суровая нитка моя.

Отрываясь от чистых истоков,
От родительской крови своей,
Мы порой поступаем жестоко,
Забывая своих матерей.

Заезжаем всё реже и реже,
Словно путники дальних дорог,
И глаза солнце сочное режет,
Заслоня родимый порог.

Только матери ждут не дождутся,
Как в ненастные дни суховей,
Чтоб седой головою уткнуться
В грудь беспутных своих сыновей.

Ну а мы, это не понимая,
Всё спешим. Будет больно потом —
Протрезвевшими мать поминая
В позаброшенном доме пустом.

Села сорока на ель и качается,
Будто ей всё нипочём,
Будто и жизнь никогда не кончается —
Бьёт своим вечным ключом.

Только завидовать вроде бы нечему —
Тоже, наверно, тоска
Так вот сидеть и качаться на веточке
Ели на крае леска.

Тихо бежит родниковая чистая
Струйкою тонкой вода,
И распознать ту великую истину
Мне не дано никогда.

За окном залаяла собака —
Это, видно, вовсе неспроста,
Или это что-то вроде знака,
Или кто-то бродит без креста.

Дверь открыл, войдя в ночное лето,
Взором сонным небо очертил,
Всё оно, как сгусток фиолета,
Не жалели, видимо, чернил.

И на небосводе мирозданья
Столько звёзд увидел я почти,
Сколько и должно быть. Их сиянье
Поразило в темени ночи.

Что за благодать средь лихолетья?!
В дом вернусь, усну я вечным сном...
Но опять проснусь через столетья,
Раз собака лает за окном.

Сходи, Ирина, за грибами,
Я так хочу, чтоб ты сходила,
Чтоб душу вновь разбередило
Тем, что не позабыть с годами:

Ручей, тропинку близ деревни,
Мостки, прогнившие до дыр,
Маслят поляну среди ливня,
Похожую на скользкий сыр...

Сижу на откосе, забыв все заботы,
Как будто и нет этой вечной работы:
Сплошных переездов, простого жилья —
Вагона бригадного, чуда в щелях.

Скучаю по дому, считаю вагоны,
Как был бы я рад, если б плавы перроны,
Но перед глазами лишь товарняки
Со скорыми мчатся наперегонки.

Сижу на откосе, скучаю по дому...
Сорваться, да повода нет никакого,
А люди из поезда смотрят в окно
И думают: местный, ему всё равно.

Кончается поздняя осень.
Мечтаю о зимних стихах:
О снеге, о крепком морозе,
О скрипнувших сзади шагах.

Но вот и морозы настали.
Куда же девались стихи?
Замёрзли иль скованы сталью
Мгновенно застывшей реки?

О нет, они там, под сосною,
В сугробе большущем лежат,
И стоит ли знаться со мною,
Никак до сих пор не решат.

Ирина ВАСИЛЬЕВА

Аделаида

Главы из повести

Глава первая

Успешный, уже маститый и широко известный пластический хирург возвращался домой после нелёгкого трудового дня. Это был видный, импозантный мужчина, на вид ему можно было дать лет тридцать пять, и въезжал он в свой двор на новенькой иномарке со вздохом облегчения и предвкушения спокойного вечера в полном одиночестве. Устюжин Тимофей Игнатьевич до сих пор оставался убеждённым холостяком, хотя у него имела постоянная и верная подруга, лишь в силу своего терпения и мудрости сохранявшая их непростые отношения. А условия у Тимофея Игнатьевича были суровые: жить врозь, встречаться только при обоюдном согласии, не изменять друг другу, не покушаться на свободу друг друга — это означало полное взаимное доверие. Так вот, на сегодня встреча с подругой не была назначена, домработница уже ушла к себе домой и усталый хирург млея, предчувствуя тишину и спокойствие в своей двухкомнатной квартире, горячую ванну и ужин, оставленный домработницей в микроволновой печи. Приходящая домработница иногда готовила для него сама, но чаще заказывала для хозяина ужин с доставкой на дом в одном известном ресторане. Всё было хорошо в жизни этого мастера творить красоту, у него были воистину золотые руки, слава о нём давно уже гремела по всей области и за её пределами. Поговаривали, что Устюжина приглашают на работу в одну из московских клиник и по этой причине он продал свой загородный, недостроенный дом.

В силу своего сравнительно молодого возраста, увлечённости любимой работой и наличия чистой, незапятнанной ничем совести, Тимофей Игнатьевич никогда не задумывался о том, что ему могут завидовать и у него могут быть враги. Думать об этом или догадываться о завистниках у него не было ни времени, ни лишних сил. Довольно мурлыча под нос песенку из известного мультфильма, усталый хирург вышел из машины, потянулся и движением руки закрыл пульт двери своего авто. Он не хотел загонять автомобиль в гараж, потому что для этого было необходимо проехать ещё две улицы и затем возвращаться домой пешком. Высотный новый дом имел хорошо освещённый двор, контингент людей, проживающих в этом доме, был в основном интеллигентный, имелись сторож и консьерж, так что многие оставляли свои автомобили на ночь во дворе. Было довольно забавно наблюдать за поведением жильцов, которые никогда не занимали место, негласно предназначенное для автомобиля Устюжина в глубине двора под огромным раскидистым тополем. Его подруга шутливо твердила о заботе женщин, которые уверены в том, что когда-нибудь прибегнут к помощи прославленного соседа по дому и окажутся под его скальпелем. Поэтому, говорила она, твои соседки по дому наезжают на своих мужей и заставляют их относиться к уважаемому соседу со всем вниманием и заботой. Так или иначе, но место под деревом было снова свободно и единственным неудобством являлось то, что в глубине двора царил тьма.

Приглядимся к вышедшему из машины хирургу и невольно улыбнёмся — баловень судьбы. Среднего роста, подтянутый и стройный, с волнистыми, коротко стриженными каштановыми волосами, с пронзительным взглядом карих вдумчивых глаз такой глубины, что хотелось охнуть и невольно произнести: “Ну почему ты не артист? С такими правильными чертами лица? С таким бездонным, гипнотическим взглядом? Такой красавец? И охота тебе целыми днями работать скальпелем, когда ты мог бы радовать людей своим появлением на экране?”. И Устюжин равнодушно и твёрдо ответил бы: это не моё. Нет призвания. Я занят любимым делом. Имеются возражения?

Но никто и никогда не задавал известному человеку таких вопросов, следовательно, и он на них не отвечал и не догадывался, какие бури бушуют иногда в сердцах окружающих его женщин. К удивлению всех, кто его знал, Устюжин не был гулякой, был равнодушен к своей популярности у женского пола и, можно сказать, казался чуть ли не аскетом в каком-то роде. “Серьёзный мужчина”, — обычно говорили о нём вслед.

Но вернёмся к нашему герою и с ужасом увидим, что из-за громадного тополя появился человек в маске с наведённым на Устюжина пистолетом. Никого не было в этот поздний час во дворе. Усталый хирург успел сделать только один шаг по направлению к своему подъезду, как вдруг услышал за своей спиной падение тяжёлого тела и топот убегающего человека. Тимофей Игнатьевич резко оглянулся и увидел, что на земле, чуть ли не под его ногами, лежит здоровенный детина и из его руки выпал пистолет, тускло мерцающий в полутьме, царящей под раскидистой кроной дерева. Устюжин повернулся в другую сторону, туда, куда убежал неизвестный, но успел заметить лишь яркий спортивный костюм, тут же исчезнувший из поля его зрения за поворотом.

Итак, неизвестный скрылся. А этот? И что ему было надо?

Помня о том, что на месте преступления ни до чего нельзя дотрагиваться рукой, Устюжин проследил взглядом за валявшейся рядом с повергнутым детиной увесистой дубинкой и достал из кармана сотовый телефон.

Милиция и “скорая помощь” подоспели одновременно. Здоровенного верзилу, который успел прийти в себя и удивлённо, ничего не понимая, оглядывался вокруг, увезла “скорая” в сопровождении милиционеров, а хирургу Устюжину устроили беглый допрос, предупредив его о том, что он непременно будет вызван в отделение милиции для составления протокола.

— Кем же я являюсь в данной ситуации — свидетелем или несостоявшимся пострадавшим? Кого же он собирался застрелить? — спрашивал Устюжин у допрашивающего милиционера, а тот терпеливо объяснял, уважая почётного горожанина, что это был, по всей вероятности, киллер, выступивший здесь и сейчас с твёрдым намерением убить его, Устюжина, который и мухи в своей жизни не обидел.

— Кому это нужно? И кто, в таком случае, спас меня от неминуемой смерти? — снова спрашивал Тимофей Игнатьевич, чертыхаясь про себя из-за испорченного вечера и удивляясь самому себе, что страха никакого не испытывает.

— Кто знает! Разве вы не читаете газет и не смотрите телевизор? Вы — известный человек. Однако нужно поискать возможных свидетелей, — отвечал милиционер, зорко оглядываясь по сторонам. И он появился, вырос

как будто из-под земли, человек, который охранял этот двор по желанию жильцов, нанятый ими по всеобщей договорённости и получающий небольшую зарплату, которая, впрочем, вполне устраивала скучающего без работы пенсионера. Прихрамывающий сторож, поджарый и прямой, как стрела, борода которого торчала как перст указующий, выступая впереди его лица, выдал удивительную, неправдоподобно странную информацию. Он рассказал о том, что с наступлением сумерек к нему подошла девушка, одетая в спортивный костюм, обутая в кроссовки, и принялась расспрашивать его о хирурге Устюжине. Сторож, однако, воспитанный суровой правдой жизни начала двадцать первого века в странах СНГ, наученный заботой телевидения и средств массовой информации ни в коем случае не доверять незнакомым людям, строго ответил ей, что о жильцах дома никому ничего не рассказывает. И тогда девушка совершенно неожиданно расплакалась. Она сняла свои огромные тёмные очки, опустила высоко поднятый ворот спортивной курточки, и пожилой, высохший как стручок фасоли в осеннюю пору сторож с содроганием в душе увидел обезображенное молодое лицо, впрочем, некрасивое даже без этих ужасных шрамов. Лицо девушки портил огромный, выданный ей либо по наследству, либо насмешливой природой с доброй или недоброй улыбкой, нос. Казалось, что судьба решила завершить свою нехорошую игру и наградила бедняжку шрамами, которые спускались по её щеке с одной стороны лица до самой шеи и уходили в глубь спортивной куртки. И тогда сторож провёл девушку к своему излюбленному месту, к установленному им топчану в углу двора в тени высокого тополя, с обратной её стороны от двора, усадил нежданную посетительницу и стал успокаивать, проникаясь жалостью к чужой беде.

— Расскажи мне о себе всё, тогда тебе полегчает, дочка. А хирург Устюжин приезжает поздно, он занятый человек. Едва ли ты сможешь договориться с ним здесь, во дворе, когда для этого существует больница, где можно записаться к нему на приём, — сказал плачущей девушке сторож, и она сквозь рыдания отвечала, что у неё на операцию не хватает денег. Незнакомка, которая назвалась Идой, рассказала сторожу, что приехала издалека, из другой республики, надеясь на то, что здесь, не в самой Москве, а на её подступах, накопленных ею денег на операцию хватит. Узнала о хирурге Устюжине случайно.

— Откуда же у тебя эти ужасные шрамы, дочка? — спрашивал её сердобольный сторож, и девушка отвечала, что в детстве случайно пролила на себя кислоту. Больше её сторож Архипыч ни о чём не расспрашивал, остерегаясь нового приступа рыданий. Они сидели вдвоём и разговаривали, Архипыч рассказал ей о своей работе, которая помогает ему коротать старость, а когда девушка вполне успокоилась, оставил её здесь и пошёл в магазин за табаком.

— Дочка, вот моя дубинка, чтоб ты знала, — сказал ей бородатый сторож, указывая на увесистую палку с причудливым округлым корневищем на одном конце, заботливо обработанным и отлакированным временем.

— Это моё оружие — на всякий случай. Посиди, я скоро приду. Не знаю, как и подступиться к этому Устюжину, уж больно он строг, но страшно хочется тебе помочь, — уже на ходу говорил Архипыч, оглядываясь на девушку, похожую на раненую беззащитную птичку.

— А девушка эта была здоровая? Ну, в смысле, высокая, мощная? Огрела этого верзилу киллера так, что он едва Богу душу не отдал. Так и не

понял, что же с ним произошло, — сказал милиционер и в ответ услышал, что девушка Ида роста среднего, ладненько скроенная, но не сказать, чтоб обладала недюжинной силой.

— Вы уверены, что это был киллер? — всё ещё не веря в происходящее, спрашивал Устюжин, но милиционер хмыкнул и замолчал, следуя правилам своей непростой профессии и думая о том, что и без того наговорил популярному хирургу слишком много.

Утром Тимофей Игнатьевич очень рано вышел во двор и принялся прохаживаться вокруг высокого необъятного тополя. Ночь Устюжин спал плохо, потому что его охватил запоздалый ужас от понимания того, что он сейчас мог быть совершенно, окончательно и бесповоротно мёртвым и находиться в морге, будучи убитым каким-то негодяем. Мёртвым и равнодушным ко всем прелестям жизни в самом расцвете сил!

“Но я же ещё и не жил! Не было времени на это”, — растерянно твердил про себя Тимофей Игнатьевич, зорко оглядывая пристанище сторожа, то бишь грубо сколоченный топчан, установленный вплотную к могучему стволу дерева с обратной стороны от их дома. Сторожа Архипыча ещё не было, сей хранитель порядка и покоя жильцов этого дома жил напротив, в старом пятиэтажном доме, который собирались сносить. Архипыч приходил на своё “рабочее место” когда хотел и уходил, когда вздумается, но бесценным его качеством было то, что он всегда чувствовал свою необходимость, прогонял всяких торговцев и попрошаек, которые норовили пройти по этажам, имея возможность обозревать двор охраняемого им дома в любое время суток из окон своей квартиры. Этот не имеющий возраста, высохший, хромой и вызывающий добрую улыбку пенсионер знал, что им дорожат, чувствовал, что приносит пользу жильцам противоположного дома и становился ещё более ответственным, нужным, почти необходимым для занятых важными делами людей.

Так вот, Архипыч свою позицию у дерева ещё не занял, и Устюжин упорно рассматривал всё окружающее пространство вокруг тополя, надеясь найти след, который привёл бы его к этой отважной девушке, так сильно нуждающейся в его помощи. Ему хотелось разыскать её, поблагодарить и сделать для неё всё, что было в его силах, не имея в виду лишь только пластическую операцию — это произошло бы само собой, ведь это было в его силах. Тимофей Игнатьевич был уверен в том, что девушку непременно разыщет милиция, но ему не терпелось сделать это самому, он просто не мог ждать, опустив руки и полагаясь на оперативников.

“С какой стати милиция будет её искать? Ведь она не совершила преступления, а наоборот, предотвратила его. Как я об этом не подумал? Но, если я её не разыщу, то не смогу спокойно жить! И почему она скрылась?” — думал Устюжин, холодея от этих мыслей и чувствуя нетерпение совести, жар благодарного сердца, трепет души и всего того, что имелось у человека честного, порядочного и умеющего быть благородным.

Восходящее солнце прониклось уважением к мучениям спасённого от неминуемой смерти человека, который только сейчас полностью оценил и страстно возлюбил жизнь, и с лукавой улыбкой ниспослало ему свой луч, который и высветил топчан Архипыча с подобострастным старанием так хорошо, что не выспавшийся хирург протёр глаза и удивлённо сказал себе: “Как же этого я раньше не заметил?”. Затем он наклонился и вытащил из-под топчана затейливую, до странности крупную витиеватую женскую

заколку для волос. Устюжин упорно разглядывал сей предмет женского туалета и обнаружил на обратной стороне заколки надпись, прочитать которую всё же пока не смог. Очень странной и очень непростой показалась эта заколка, и Устюжин подумал, что эта вещь, скорее всего, из бабушкиного сундука. Искусная работа мастера, сотворившего эту заколку для волос в форме чёрного лебедя, казалась Тимофею Игнатьевичу произведением искусства, потому что не была похожа на современные украшения. Было абсолютно непонятно, из чего вырезан этот лебедь и в каком веке это было сделано.

“Вне всякого сомнения, это старинная вещь и, скорее всего, антиквариат. Девушка потеряла её, спасая мне жизнь, а ведь у неё не хватало денег на операцию и она могла продать её ювелиру, если, конечно, вкрапленные в лебедя блестящие камешки — бриллианты. Я должен непременно вернуть ей эту заколку и если я этого не сделаю, то перестану себя уважать”, — сказал себе Устюжин, положил найденную вещь в карман спортивной курточки и пошёл домой — завтракать.

Тимофей Игнатьевич “лишился куража” — так он сам оценил состояние своей неработоспособности. У него дрожали руки, мысль о своём чудесном спасении не давала ему покоя, перед глазами стояла плачущая девушка, не имеющая средств на приобретение красоты, и, тем не менее, настолько робкая, что убежала, скрылась, спряталась, исчезла в неизвестном направлении, оставив его, Устюжина, молча страдать и изнывать от неизвестности. Для того чтобы успокоиться, он должен был разыскать эту девушку. Когда Устюжин явился в кабинет главного врача, тот удивлённо посмотрел на этого трудоголика, которого затащить к нему ранее не было никакой возможности.

“Устюжин в операционной”, — неизменно слышал главный врач в ответ на свой призыв и мирился, прощал неповиновение и даже дерзость, твёрдо помня то, что этот хирург приносит его лечебному учреждению известность, почёт и уважение. Да и вызывал он его обычно только затем, чтобы представить высокопоставленным особам, рвущимся под его скальпель, чтобы познакомить их с известным мастером красоты поближе; и ещё для того, чтобы передать слова благодарности от лиц слишком известных, важных и имеющих возможность помогать данному лечебному учреждению продвигать финансирование.

И вот, наконец, этот человек, самоотверженно посвятивший себя любимой работе и достигший в своей отрасли очень многого, явился в кабинет главного врача сам и попросил предоставить ему отпуск без сохранения содержания. Настолько добродушный, насколько и полный, немолодой, лысеющий главный врач махнул рукой заглядывающей в дверь секретарше и сказал, что он для всех занят. Босс усадил своего хирурга напротив себя и сказал: “Рассказывай. Я слышал, что тебя хотели убить. Что теперь? Для чего тебе нужен внеочередной отпуск?”.

И Тимофей Игнатьевич раскололся, расплавился от столь любезного приёма своего начальника и рассказал о состоянии своей души всё и даже больше. Босс, будучи настоящим врачом и потому отличным психологом, всё прекрасно понял и неторопливо сказал, стараясь скрыть досаду от потери золотых рук Устюжина хотя бы и на время:

— Да-а-а. Я уверен в том, что тебя хотел убрать конкурент или какой-то псих. Киллер ещё лежит в больнице, я наводил о нём справки — так вот, он всё ещё не пришёл в себя либо искусно притворяется. Во всяком случае,

он под арестом — и это главное. Тебя, мой дорогой Тимофей Игнатъевич, сглазили. Тот человек, который нанял киллера, если и не смог уничтожить тебя физически, то лишил душевного равновесия. Что ж, пора нам привыкать к мысли, что с тобой всё же придётся прощаться. Москва торопит. Лично я советую тебе нанять частного сыщика, иначе ты свою спасительницу не найдёшь. Иди, оформляй отпуск и удачи тебе. Выздоровлявай. Ведь даже в Москве станут говорить о тебе так: этот мастер “золотые руки” хирург Устюжин из Н-ска, из такой-то больницы, которой руководит толстый и неповоротливый главный врач такой-то. Улавливаешь, как ты нас прославил? — с этими словами босс встал и протянул Устюжину руку. Аудиенция была закончена и результат оказался положительным.

Глава вторая

Ада, Ида, Ада и Ида — так называли её друзья, так разнообразно звали её в школе, совершенно игнорируя её полное имя — Аделаида. Полным именем называла девочку только её прабабушка, которая в силу многих коварных и непредсказуемых жизненных ситуаций оказалась на сей момент единственной родственницей Иды, единственной наставницей, заменившая девочке и родителей, и всех остальных, покинувших их, навсегда ушедших в мир иной родственников. Впрочем, как таковых и родственников-то у Колокольчиковых не было, Ида являлась опять-таки единственным ребёнком у супружеской пары, всё своё свободное время посвящавших альпинизму. Она была поздним ребёнком, потому что мать Иды никак не могла решиться заводить ребёнка, тем самым временно лишая себя ни с чем не сравнимой радости лазать по горам, по альпийским лугам, покорять вершины и испытывать восторженное чувство, стоя под самым небом и устанавливая флаг Казахстана на только что покорённой вершине. Это она, мама Иды — Рената, добилась того, чтобы её бабушка и мать переехали под Алма-Ату, к самым горам, к самым её подступам, после того как она закончила в чудесном городе-саде институт и стала работать учительницей в этом пригородном посёлке, уткнувшимся носом в зелёные, пушистые и весёленькие холмы, далее перерастающие в предгорья, горы и, наконец, в заснеженные, недосыгаемые и гордые вершины.

История семьи Колокольчиковых была страшной и интересной, хотя таких перевёрнутых судеб после войны оказалось даже очень много, и каждая история была неповторимо удивительна для следующих поколений. Прабабушка Иды родилась и выросла в Ленинграде. Она пережила блокаду в самом её начале, явилась свидетелем смерти своей матери, которая заболела воспалением лёгких и умерла, скорее всего, от голода, потому что продуктовый паёк, который им выдавали, тайно скармливала своей дочери Инессе. Инесса поняла это только тогда, когда в их холодной и убогой комнате коммунальной квартиры очутилась в полном одиночестве. Юная девушка отвезла тело матери на санках в то место, куда складывали трупы, вернулась домой и принялась копаться в тумбочке матери, стараясь привести себя в чувство и не поддаваться отчаянию. Инесса обнаружила пустые пакеты из-под продуктовых пайков и поняла, что мать обманывала её, отдавая дочери всю свою долю. Страдающая при виде своей голодающей дочери мать говорила ей, что это — порция для одного человека, вкладывая то, что было предназначено ей самой, в пакет Инессы. Холодея от сознания того, как она была слепа и равнодушна к матери, Инесса схватила

свою карточку и побежала за хлебом. Она не ошиблась. Её мать голодала по-настоящему и именно поэтому никогда не разрешала дочери стоять в очереди за получением продуктовых пайков... Размер полученного ею сейчас пайка красноречиво, жестоко и вопиюще на это указывал.

Инесса не могла есть. Она снова пошла туда, где были сложены мёртвые тела, и просидела в изголовье своей матери до самых сумерек. Люди подвозили умерших, как и она, на санках и совершенно спокойно говорили о том, что трупы увезут на кладбище завтра. Изнывающие от голода и холода горожане не имели сил для того, чтобы горевать и оплакивать ушедших. Каждый спокойно ждал своей участи и был полностью к этому подготовлен, и это было ужасно. В наступающей темноте девушка увидела, что возле неё остановился солдат с рюкзаком за плечами. Он сказал ей, что проник в город как разведчик, чтобы по адресу доставить донесение, и задание своё уже выполнил.

— Вставай, ты здесь пропадёшь, — решительно приказал ей солдат, дёрнул за руку и заставил Инессу встать. Он проводил её до самой комнатухи в коммунальной квартире и она сказала: “Останься до утра. Ты можешь себе это позволить? Иначе я до утра не дотяну, наложу на себя руки”. И солдат остался. При свете огарка Инесса заметила, что паренёк нерусский, и он, уловив её взгляд, просто ответил: “Я — казах. Давай ужинать”. Бекмухамет вытащил из рюкзака всё, что в нём имелось, и принялся усиленно потчевать умирающую от горя и голода девушку. А потом Инесса указала на кровать, на которой до сегодняшнего дня спала с матерью, и уверенно заявила: “Будем спать вместе, иначе замёрзнем”. Даже при свете догорающей свечи Инесса заметила, как ярко запылало юное лицо солдата, и притянула его к себе.

— Ну и что? Мне умирать девственницей? Дьявол этого не заслужил, ангел смерти тем более. Кроме этого ты мне очень нравишься. Скромный, добрый и красивый.

Утром Бекмухамет увёл Инессу с собой, потому что был информирован об эшелоне, который отправлялся в тыл.

— Я сам принёс этот приказ — тайно вывозить ленинградцев. Кольцо блокады должен прорвать наш взвод, который расположился недалеко от города. Иногда мы видим немцев в упор и наши снайперы отстреливают фрицев, то же самое делают и они. Что ж, Инесса, ты должна спастись. Прорывайся в Казахстан, к моим родным. Вот адрес. Я же поеду с вами, пока не достигну своего взвода. После войны поженимся.

Но этого не случилось, потому что Бекмухамет исчез, испарился, ушёл в небытие или пропал без вести, но больше его Инесса не увидела. Когда налетели фашистские самолёты и принялись бомбить эшелон, беженцы разбежались по всему полю. Инесса упала и подвернула ногу. Последнее, что запомнила она о своём Бекмухамете — это то, что он закрыл её своим телом, когда рядом разорвался снаряд. Погиб ли он? Инесса помнит, что об этом ей сказали его товарищи, когда отбили эшелон, но ей не хотелось в это верить. Девушку посадили в вагон и отправили в тыл вместе с остальными. Во время бомбёжки Инесса потеряла все свои вещи и у неё не хватилообразительности взять адрес Бекмухамета у его однополчан или хотя бы поинтересоваться его фамилией. Так и получилось, что в Казахстан Инесса всё-таки приехала, каким-то образом затесалась в ряды немцев, эвакуированных от самого Чёрного моря, и оказалась в казахском ауле,

где их приняли со всем радушием и свойственным казахам гостеприимством. Здесь родилась бабушка Иды, дочь Бекмухамета, которая отлично говорила на казахском, русском и немецком языках, имеющая облик казашки и обладающая звучной русской фамилией — Колокольчикова. Дочь Бекмухамета Айша вышла замуж за немца, родила дочку. И уже внучка Бекмухамета — Рената — приехала в Алма-Ату, закончила здесь институт, вышла замуж за казаха-однокурсника, родила девочку Аделаиду, которая из-за непреклонного желания прабабушки Инессы получила имя Аделаида и фамилию Колокольчикова. Такова была железная воля Инессы — фамилия Колокольчиковых не должна была исчезать. Впрочем, отец Аделаиды хотя и был гордым казахом, но смирился с волей бабушки Инессы с тем условием, что сына он запишет только на свою фамилию. Но сын не родился. Альпинисты и супруги Исмаиловы пропали без вести при покорении очередной горной вершины, будучи уже не очень молодыми и действующие на свой страх и риск в одиночку. Вскоре умерла и Айша, бабушка Аделаиды, а дедушка умер ещё раньше, до переезда под Алма-Ату, и осталась только прабабушка Инесса, пережившая всех.

Обо всём этом Аделаида думала, сидя в плацкартном вагоне поезда, который шёл в Астану. Она думала о том, что судьба к ней несправедлива: забрала её маму Ренату и отца Кайрата, выдала ей такой ужасный нос и, ко всему прочему, позволила девочке облиться кислотой. Прабабушка Инесса гордится тем, что правнучка похожа на её отца, имевшего точно такой огромный нос, и погибшего на войне, но Аделаиде разве это нужно! Она некрасива, страшна, уродлива, и они со своей прабабушкой так одиноки. Разве это справедливо, что даже её папа Кайрат вырос в детдоме и не имел родственников — и это в то время, когда у казахов бывает полным-полно родни. Как к ней несправедлива судьба!

Аделаида изо всех сил пыталась не вспоминать тот инцидент, который накануне произошёл под тополем. Она была уверена в том, что убила человека, и от ужаса волосы на голове у неё вставали дыбом. Девушка старалась убедить себя в том, что убила киллера, но от этого ей не становилось легче. И чего её понесло в такую даль! Нужно было хотя бы попытаться навести справки о казахстанских пластических хирургах. И всё заварились из-за того, что в школу, где Аделаида первый год работала преподавателем и учила первоклашек после окончания педагогического колледжа, явилась совершенно помолодевшая бабушка одного её ученика и поделилась с юной учительницей радостью — ездила в Россию и сделала пластическую операцию. Это она дала Аделаиде адрес, восторженно расхваливая хирурга Устюжина на все лады. Глядя на преображённый облик бабушки, все учителя пришли в неопишуемый восторг и дружно заявили, что теперь она выглядит моложе своей дочери, матери первоклассника. Аделаида копила свою зарплату весь учебный год, а жили они на пенсию прабабушки Инессы. Чего не знала её любимая, но строгая прабабушка — так это того, что правнучка желает избавиться от фамильного носа Колокольчиковых. Нет, этого прабабушка не знала. Она думала, что Аделаида желает избавиться только от своих ужасных шрамов.

Супротив желания и вопреки усиленному отторжению нежелательных мыслей и воспоминаний перед взором юной учительницы вновь появлялся громадный тополь, топчан, на котором она сидела и увидела здоровяка, который, крадучись, неслышными шагами подошёл к тополю,

пройдя тёмной окраиной двора. Он встал с одной стороны необъятного дерева и вынул из-за пазухи пистолет. Аделаиду киллер не заметил, потому что топчан был установлен с обратной от двора стороны и толстым стволом дерева скрыт от любопытных взоров. Теперь Ида понимала, что киллер следил за сторожем Архипычем, увидел, что тот ушёл в магазин, и подошёл к дереву, поджидая Устюжина. Девушка сжалась в комок, ожидая непоправимого. В том, что пистолет был с глушителем и киллер уничтожит её без всякого сожаления, Ида нисколько не сомневалась, как не сомневалась и в том, что этот вооружённый бандит нанят для того, чтобы убрать известного хирурга — об убийстве одного пластического хирурга Ида читала не так давно в газете. Как только автомобиль Устюжина, тихо урча, вкатился во двор, Аделаида, не мешкая, залезла под топчан, пользуясь появившимся шумом. И вылезла из-под топчана тогда, когда с улицы снова донёсся шум проезжающего автомобиля, а киллер уже навёл на ничего не подозревающего Устюжина пистолет. Не понимая, откуда у неё появилась смелость, Ида взобралась на топчан и встала во весь рост с дубинкой Архипыча в руках. Небывалая, необъятная и мощная сила явилась от ненависти и гнева к бандиту, который намеревался убить такого нужного, полезного, просто необходимого для многих людей специалиста. Конечно, Аделаида встала бы на защиту любого, но вожделенный хирург Устюжин являлся в её глазах неким божеством, спасителем судьбы, который мог подарить ей радость и вкус жизни.

После того как нанесла киллеру сокрушительный удар по голове, Аделаида помчалась что есть силы с этого двора, с отвращением и ужасом бесконечно ощущая за собой глухой звук от падения мощного тела. Девушка навсегда запомнила удивлённое и до невозможности красивое лицо хирурга Устюжина, зафиксировала его в памяти и дала себе слово, что никогда не обратится к мужчине со столь выразительным и прекрасным лицом за помощью. Аделаида пока не понимала, что спасла, увидела и восторженно, неожиданно для себя полюбила мужчину или получила мощный заряд наваждения этой личностью, тем не менее, убегая от него что есть духу. Она не могла представить, что станет демонстрировать своё ужасное лицо перед этим возвышенно прелестным и таким благородным обликом, похожим, скорее, на произведение искусства. Нет, никогда она не появится перед этим человеком, ни за что. Ей, при виде которой отворачиваются молодые люди и стараются забыть такое уродство сию минуту, от всей души желая не встречаться с ней более, не столкнуться лицом к лицу хотя бы на одну секунду, ей ли не знать того, какое отвращение испытывает при встрече с ней любой человек. Если Ида ехала к хирургу Устюжину для того, чтобы полюбить кого-то самой и быть любимой, получить свою долю красоты, то сейчас, возвращаясь домой, девушка отреклась от всего, о чём мечтала, и чувствовала полное равнодушие ко всем мужчинам на свете. Только тот, единственный, облик которого она увидела лишь мимолётно, оставался в её памяти благодарным воспоминанием — как божество. В тот момент, когда Ида промчалась мимо Устюжина, он резко повернулся, и она успела запечатлеть в своей памяти сей облик мужественности и мужской красоты, хотя он сам ничего не понял, не рассмотрел её, ослеплённый косым, несущим свет от подъездов лучом электрического фонаря, и девушка была за это благодарна судьбе. Нет, она его больше не увидит. Никогда. Убила киллера? А не явилась ли она, Аделаида

Колокольчикова, ангелом-хранителем Устюжина, который был бы непременно убит, не окажись она в нужный час и в нужном месте?

“Хватит, перестань обо всём этом думать, иначе ты сойдёшь с ума”, — приказала себе Аделаида и встряхнулась, вернулась в реальную жизнь и услышала голоса пассажиров, которые ехали с ней и являлись попутчиками. Ида улыбнулась тому, как немолодая казашка не могла объяснить другой старенькой русской женщине всё, что ей так хотелось выразить словами и полностью излить душу из-за недостаточного владения русским языком. А говорила она о том, что у неё хорошая семья, что сын и дочка вышли в люди, что она счастлива этим, но ей ужасно больно, что муж не дожил до этого часа, не увидел подрастающих внуков, потому что смерть подкосила его, когда ему не было и шестидесяти. Русская бабушка тоже рассказывала о своей судьбе и было похоже на то, что её рассказ старенькой казашке более понятен и внимать ей гораздо легче, чем объяснять самой из-за скудного владения русским языком.

“Эта бабушка-апай из аула. В городах и посёлках наши казашки заткнут за пояс любого своей безукоризненной русской речью”, — решила про себя Ида и с удовольствием вступила в беседу, быстро и точно переводя разговор старушек в обоих направлениях. Старушки сияли, в их купе заглядывали другие пассажиры и все говорили Иде, что она молодец — знает два языка.

— Почему два? В нашей семье всегда все знали три языка. Я говорю ещё и по-немецки, — воодушевилась Ида, хотя и не отличалась хвастливостью. Просто ей было приятно общаться с людьми, отойти хотя бы на время от всего ужасного, что с ней так недавно произошло.

— Это правда? — подскочил к ней старичок из другого купе и бойко заговорил по-немецки. Оказалось, что все эти старики и старушки ездили в Россию к своим детям или родственникам и теперь возвращались в свой родной Казахстан. Здесь были и студенты, которые в складчину съездили в Москву и познакомились с прославленным городом, столицей России. Не успела Ида оглянуться, как в их купе набилось столько казахстанцев, что яблоку негде было упасть, и другие пассажиры удивлённо к ним заглядывали. Поезд мчался пока по российской территории, и потому не все в этом вагоне являлись земляками Аделаиды. Одни высаживались, другие подсаживались — такова дорога.

Так и ехала Ида в битком набитом купе и вдруг почувствовала себя совсем не одинокой. Казашка-апай спрашивала её, а была ли она в Астане, и Ида отвечала, что не была, в Астане у неё пересадка и она поедет дальше, домой, в Алматы.

— Эй, кызым, такая хорошая девушка непременно должна посмотреть нашу новую столицу. Остановишься у нас. Моя дочь живёт в просторной новой квартире, места всем хватит. Вот и меня забрали из аула. Внук уже вырос, уехал на каникулы к другой бабушке, а я тем временем съездила в Москву, к сыну. Слава Аллаху. Все дети живут хорошо, а теперь и внуки в рост пошли, — говорила добрая старушка, и Ида внезапно согласилась принять её предложение. А почему бы и нет? Постоянно тоскует душа из-за того, что до сих пор не побывала в новой столице Казахстана.

Ночью Ида никак не могла заснуть. На ум приходили такие воспоминания, от которых хотелось выть во весь голос, а “убитый” ею киллер появлялся перед измученным внутренним взором сразу, как только Ида закрывала глаза.

“Уходи! Зачем убиваешь людей за деньги? Я спасла от тебя, от твоей подлой пули хорошего человека, понял? Покойся с миром и оставь меня в покое”, — говорила ему Ида и тихо плакала. Когда из дрёмы исчез киллер, то появился парень из того посёлка, где Ида со своей прабабушкой проживала и работала. Это был завидный жених, и Аделаида Кайратовна очень удивилась, что он вызвался проводить её, юную учительницу, после просмотра вечернего кинофильма.

Пора и мне женщиной становиться. Пусть он и не женится на мне, но хотя бы повстречаюсь с хорошим парнем, — радостно думала Ида, вышагивая с провожающим к подножию темнеющих холмов. Ей стыдно было признаться себе самой, что она до сих пор ни с кем не целовалась; захотелось быть раскованной и соответствовать тому облику основной части молодёжи в данном времени, начале двадцать первого века. Девушки теперь свободны от предрассудков и им чуждо ханжество. Так уж получилось — в колледже почти не было парней и к тому же испорченное лицо Иды не вдохновляло молодых людей к ухаживанию за ней. Юная учительница не понимала пока, как низко ценит себя, как безоглядно, с головой готова нырнуть в бездонную пропасть, чтобы жалеть об этом всю оставшуюся жизнь. Но судьба пощадила её, высвечивая ситуацию и показывая Аделаиду себе самой как бы со стороны, чтобы она вовремя опомнилась.

Разочарование наступило быстро. Аделаида гневно оттолкнула парня и побежала домой, вытирая на ходу горячие слёзы и приказывая себе не позволять каждому самодуру плевать в её душу. А сказал ей поселковый жеребчик вот что, как только они подошли к холмам.

— Ну что, согрешим? У тебя шикарная фигура, ты это знаешь? А лица твоего в темноте и не видно. Я уже готов, — и, похотливо рассмеявшись, схватил Иду за талию и резко притянул к себе. Она не помнила, как вцепилась ему увесистую оплеуху и бросилась бежать, не разбирая дороги, совершенно слепая от слёз. Ида была готова ко всему, но не к такому грубому, открытому и наглому обращению. Если бы парень повёл себя деликатно, то, возможно, всё произошло бы само собой, но не в первый вечер. Ида притворилась бы, что верит в то, что нравится этому молодому человеку, поскольку одиночество ей опостылело. Но после того как сильно она оскорбилась от такого сального предложения, Аделаида перестала надеяться на встречу с противоположным полом и приказала себе не унижаться, не радоваться, когда вот такой подонок подойдёт к ней лишь с одним желанием — использовать. Гордость, которая пряталась в самых глубинах её души, вырвалась на волю и широко распластала крылья над обиженной судьбой девушки, оберегая её от дальнейших потрясений. И Аделаида стала твёрдой, недоступной даже для нескромного взора, испепеляя взглядом мужчин, которые бросали возжеланные взоры на её и в самом деле роскошную, фигуру. А когда она бывала в Алматы и молодые люди пытались познакомиться с ней, вдруг встречая на своём пути прелестное творение природы в виде безукоризненной девичьей фигуры, то девушка снимала огромные тёмные очки, опускала высоко поднятый ворот кофточки или куртки и в упор смотрела на дыхателя, пока тот не ретировался, навсегда ужаснувшись от столь обезображенного лица. Такова была Аделаида теперь и сейчас думала о том, что таковой и останется. Пропало желание быть красивой или хотя бы не уродливой; она уже ничего не ждала от своей жизни, которая только начиналась, ведь ей исполнилось всего лишь двадцать лет.

“Деньги нужно копить для получения высшего образования и не мечтать о невозможном. Чего доброго, после операции я стану ещё более уродливой, ведь о таких случаях писали в газетах. Всякое может быть, ведь хирург — не Бог”, — думала Ида, прислушиваясь к перестуку колёс и немного успокаиваясь. Но гнетущая мысль о том, что она убила человека, не давала девушке покоя ни на минуту, и сон никак не приходил в её измученное сознание.

Только перед самым рассветом Ида забылась тревожным сном и, казалось, что опекающий её ангел-хранитель заботливо ниспослал бедняжке короткое отдохновение души и с улыбкой шепнул ей в уши: “Глупая! Всё у тебя впереди и всё у тебя будет хорошо. Не отчаивайся. И кто тебе сказал, что киллер умер?”.

Проснувшись, Ида никак не могла понять, что это было. Сон? Нет. Но кто с ней говорил, кто подал надежду на то, что она когда-нибудь будет счастлива? И кто поколебал её уверенность в том, что киллер умер от её руки?

“А если он жив?” — Ида от этой внезапной мысли резко села и почувствовала, что её заполняет небывалый восторг и даже счастье, желание радоваться жизни и никогда не думать о своём уродстве.

“Вот оно что, оказывается, можно быть счастливой даже от того, что совесть твоя чиста и душа свободна. Ну, конечно, он жив, этот негодяй и убийца. Как я об этом не подумала! Такого верзилу не так просто убить, нанеся по голове удар палкой, хотя и увесистой. Хочу побывать в Астане. Хочу жить, работать, учиться, любить свою престарелую прабабушку. Разве этого мало? И я могу узнать о судьбе киллера, чтобы успокоиться навсегда. Инесса меня научит, как это сделать, она мудрая”, — решила Аделаида и окончательно повеселела.

Глава третья

Астана ошеломила Аделаиду настолько, что она забыла обо всех своих бедах и горестях. Новенький сверкающий город был сравним с небывалой игрушкой, выставленной на всеобщее обозрение для того, чтобы люди любовались и бесконечно изумлялись этому чуду природы, непонятно каким образом возникшему на лоне необъятного степного простора так неожиданно, так невероятно быстро, так безумно стремительно. Девушке казалось, что новая столица Казахстана просто выскочила из-под земли, внезапно и неожиданно родившись для того, чтобы поразить всех. Прекрасные здания, невиданная архитектура, масштабные проекты, осуществлённые и претворённые в жизнь в столь короткое время, широкие и просторные улицы — всё изумляло и поражало воображение девушки.

Вечером, когда усталая, но счастливая и полная впечатлений Аделаида вернулась в квартиру доброй старушки и её дочери, она была приятно удивлена тем, что к ней относятся так, как будто она приходится этим людям близкой родственницей. Поезд пришёл в Астану утром, и Аделаида сразу ушла гулять по городу, даже не заходя в квартиру. Их встречала дочь бабушки — Улпан, она сама водила автомобиль и казалась совершенно современной и образованной молодой женщиной. Так и было на самом деле. Улпан сказала, что муж уехал в командировку, и она вечером повозит гостя по Астане.

— А я приглашаю вас в Алматы. Вы там бывали? У нас с моей прабабушкой нет никого, так что будем родственниками. У нас хороший дом под

Алматы, вам у нас понравится, — предложила Аделаида, и добрая апай ответила, что она хотела бы побывать в южной столице в то время, когда созревают яблоки.

— Я на самом деле давно мечтала побывать там осенью, надышаться воздухом гор и ароматом фруктов. Приедем, Ида, не сомневайся. Если молодые не смогут, я и одна прикачу. Им что: дочь и зять учились в Алматы, их не удивит южной столицей, а вот я бывала там всего раза два, да и то мельком. Ведь родом мы с Северного Казахстана. А на подъём я лёгкая, быстро собираюсь и долго не думаю, — с улыбкой отвечала Айсулу-апай.

Ночная Астана поражала и пленяла воображение эмоциональной, остро чувствующей прекрасное девушки ничуть не меньше, чем Астана дневная. Город продолжал свою жизнь в привычном ритме, на стройках не прекращалась работа, сияющие каскады огней переливались под фейерверком огнедышащих звёзд, сверкающих на чистом, безоблачном, казавшемся чёрным бархатом ночном небе, распластанным необъятным, бездонным куполом над этой степью, родившей изумительный по красоте, масштабам и неповторимости новый город. Казалось, что и эта степь, и это небо, и эти звёзды ревниво и заботливо стерегут новую столицу, оберегая её от возможных бед и потрясений.

— Завтра я выберу время и свожу тебя к Байтереку, поднимемся на лифте и ты полюбишься панорамой города с высоты. Ещё мы должны побывать в океанариуме, коль скоро ты собралась познавать Астану. Если мама пожелает, то возьмём и её с собой, — заявила Улпан, мастерски управляясь с вождением автомобиля. Аделаида сидела рядом, чтобы лучше обозреть улицы ночного города, а Айсулу-апай на заднем сиденье от всей души радовалась тому, что этой необыкновенной девушке так понравилась Астана.

— Вообще-то я никогда не отстаю от молодых. Посещение Байтерека для меня настоящее наслаждение, но на рыб я уже насмотрелась. Подумаю, может, дома останусь. Ида послезавтра уезжает, так что стоговлю прощальный обед, — ответила старушка, и гостье снова стало тепло и хорошо — чужие люди относятся к ней с таким вниманием и заботой.

“Я в долгу не останусь. Если они приедут в Алматы, я отнесусь к ним с не меньшим вниманием и гостеприимством”, — думала Аделаида, удивляясь тому, что, оказывается, ещё не все чудеса нового города ею увидены и что Байтерек можно посмотреть и изнутри.

Свою последнюю ночь в Астане Аделаида так и не смогла уснуть до самого рассвета. Её пленили и Байтерек, и развлекательный центр, и океанариум. Ида не представляла себе в полной мере, что Астана так мощно и сильно выросла за столь короткий срок, хотя по телевизору и видела отдельные картинки нового города. Девушка окончательно отошла от своих мучительных мыслей, забыла про злосчастного киллера, поругала себя за то, что обожеествляла образ пластического хирурга и чуть в него не влюбилась, увидев лишь мимолётное его изображение в своём видении, хотя и не была уверена, что образ этот покинет её навсегда так легко и так быстро.

Вернувшись домой, Аделаида плакала снова и снова от ощущения того, что они, оказывается, со своей прабабушкой не так уж и одиноки в этом безбрежном море человеческих жизней. С чувством запоздалого стыда и досады на себя за свой необдуманный отъезд Ида увидела Инессу прикованной к постели, но заботливо ухоженной соседками, которые по

очереди навевались к оставшейся в одиночестве женщине преклонного возраста, которую любили и уважали. Так уж получилось, что прабабушку Иды все называли по имени — и дочь, и внучка, и правнучка, и бывшие зятя. Видимо, неспроста это повелось. Инесса была столь величественна и полна ненавязчивого, непоказного достоинства, что невольно вызывала уважение окружающих, да и относилась она к людям с вниманием и заботой, никогда не судачила попусту, а если кого-то начинали сильно осуждать, то коротко и ёмко говорила: “Кто знает, как это было и есть на самом деле. И кто знает, как бы поступили мы, окажись на месте этого человека”. И женщины замолкали и старались не говорить при Инессе лишнее, но никогда на неё не обижались и всегда приходили к ней за мудрым советом. Инесса была и оставалась для членов семьи Инессой, не поворачивался язык называть её бабушкой, а для всех остальных — Инессой Григорьевной. И вот теперь Аделаида сидела возле своей Инессы и рыдала, обещая никогда более не оставлять её на столь длительное время.

— Скоро я тебя покину, внучка. Ты должна воспринять мой уход как естественную необходимость — пора настала, и не поддаваться отчаянию. Пообещай мне, что станешь искать семью Бекмухамета. Если найдёшь их, возьми фамилию своего прадеда Бекмухамета, но пообещай мне, что одному из своих сыновей дашь фамилию Колокольчиков и проследишь за тем, чтобы фамилия наша не извелась, не пропала. Не потеряй портсигар Бекмухамета, он говорил, что эта вещь принадлежала его отцу и в семье должны об этом знать. Ты помнишь, что там начертано? “Сыну Бекмухамету. Вернись с победой”. Отец Бекмухамета приехал из аула в город провожать сына на фронт и, не зная, что такого памятного подарить своему сыну, сбегал к гравёру и сделал надпись на своём портсигаре, а Бекмухамет отдал его мне. Он сказал, что семья примет меня сразу, как только увидит портсигар главы семейства, с которым тот никогда не расставался.

— Инесса, а если Бекмухамет не погиб? — всхлипывая, произнесла Аделаида.

— Конечно, твой прадед не вернулся с фронта, иначе бы он меня разыскал. Это точно, — отвечала Инесса и погладила густые чёрные волосы своей правнучки, полученные той в наследство от своего прадеда Бекмухамета.

— У тебя, Ида, глаза и волосы Бекмухамета, а нос моего отца — Колокольчикова Григория Степановича. Оба они не вернулись с фронта. Не забывай о своих корнях, внучка. Впереди у тебя долгая жизнь, авось разыщешь свою родню. А за своё лицо не переживай, найдётся человек, который оценит твои внутренние качества и полюбит тебя всем сердцем такую, какая ты есть.

— Хорошо, Инесса, я найду семью Бекмухамета, — отвечала правнучка, изо всех сил сдерживая новые приступы рыданий. Только этого не хватало! Чтобы Инесса ушла навсегда. И что с ней станет тогда, и на кого ей опираться в этой суетной, иногда такой непонятной и несправедливой жизни? А Бекмухамета разве не искали! И её бабушка, и её мама с папой — никаких следов. Но Инесса не должна знать о том, что подумала о розыске Бекмухамета её правнучка. Возможно, современные методы поиска и помогут ей найти семью, к которой она, Аделаида, принадлежит.

К радости всех Инесса поправилась. Аделаида взвешивала состояние своей прабабушки для того, чтобы рассказать ей о своих приключениях в

далёком российском городе. Она не оставляла свою Инессу ни на минуту, хотя ей так хотелось сходить в горы. Ида привыкла к постоянным вылазкам в горы, у подножия которых находился их посёлок, и в один прекрасный день, когда Инесса начала выходить на улицу, она сама сказала своей правнучке: “Сходи на прогулку в горы. Скоро начнётся учебный год, и тебе будет некогда совершать путешествия по горам, по долам, по альпийским лугам. Принеси мне букетик цветов, и мне покажется, что и я ступала ногами по цветочному разнотравью горных лугов”.

Аделаида поддалась уговорам бабушки, тем более потому, что они совпадали с её собственными желаниями, и следующим утром отправилась в горы. Инесса совершенно спокойно относилась к тому, что правнучка привыкла прогуливаться по горам в полном одиночестве, и часто повторяла, что плохие люди в горы не ходят и бояться девушке нечего. Мудрая старая женщина понимала, что прогулки эти приносят девушке душевное равновесие, позволяют мысленно поговорить с ушедшими родителями и оплакать их снова, потому что именно горы поглотили их; появляется возможность в тишине необъятного простора собраться с мыслями и задуматься о жизни.

По цветущей горной долине спокойно шагала девушка, грациозная, безукоризненно стройная, но не худая, как модель, а обладающая фигуркой с чётко выраженными формами, словно вырезанными искусным мастером талантливо, с любовью и пониманием прекрасного. Длинные чёрные волосы были собраны на затылке в тяжёлый узел, спортивное трико и лёгкая маечка как нельзя лучше подчёркивали природную красоту девичьей фигурки, в руке девушка несла широкополую соломенную шляпу, а за спиной у неё висел небольшой и удобный рюкзачок. Глядя со стороны, нельзя было не залюбоваться чудным творением природы — так пластична и грациозна была эта девушка и так мощно притягивала взгляды любого человека, будь это мужчина или женщина. Случайный человек, который увидел бы её с какого-то ближнего холма или с соседней скалы, непременно захотел бы увидеть её лицо и поспорить с самим собой, что личико прелестной незнакомки так же прекрасно, как и весь её чудный облик. И он бы пошёл ей навстречу, а девушка бы не испугалась, а спокойно и насмешливо взглянула на встречного, привычная к неминуемому ужасу, страху и даже отвращению, которые моментально овладевали любым при встрече с ней лицом к лицу и навсегда охлаждали пыл и восторженность прохожего. Ужасные шрамы и некрасивый большой нос так непоправимо жестоко портили лицо девушки, что у прохожего недоставало смелости и времени на то, чтобы заметить блеск очаровательных, томных чёрных глаз; румянец свежих щёк; алых, без тени губной помады красивых, в меру полных губ; высокого и чистого лба. Но никого не было в этот чудесный августовский день на этом лугу, и Аделаида от души этому радовалась. Она рвала цветы и лекарственные травы для Инессы, с удовольствием вдыхала чистый горный воздух, обозревала знакомые скалы, холмы, ряды хвойных деревьев и хороводы берёзок, забредала в лесок и с улыбкой подбирала попавшийся под ногу съедобный пахучий гриб, хотя специально их сегодня и не собирала. На охоту за грибами обычно Ида выходила на заре и с корзиной в руке. Да разве только за грибами! Инесса обычно загибала пальцы и считала — дикая малина — с гор. Ида по десять килограммов собирает ежегодно. Грибов на зиму — и солёных, и сушёных, и маринованных —

всё с гор. А варенье из ежевики, а вино из барбариса, а барбарис, перекрученный через мясорубку, с сахаром, а облепиха, из которой сами делают масло. Всё, всё с гор. А лекарственные травы, а дикий урюк, который и сушат, и варят варенье, и делают пастилу, а яблоки! Правда, у них и своих яблок хватает, но поздние яблоки глубокой осенью, когда сбор в разбросанных по холмам садах заканчивается и их уже не охраняют, но на яблонях всегда можно обнаружить парочку-другую румяных, сочных и спелых яблок — это нечто. Выходит, что горы кормят. Так говорила Инесса ещё в прошлом году, но этот год сломал установленный порядок, и всё из-за того, что Ида загорелась идеей сделать пластическую операцию лица.

“Но ничего, ещё будет созревающий поздней осенью барбарис, ещё будут грибы, ещё будут яблоки — много ли нам с Инессой надо. Я ещё порадою Инессу, только бы она не болела”, — размышляла Ида, уходя всё дальше и дальше вверх, примечая каждую травинку и деревце, каждый кустик и скалу на своём пути, потому что здесь ей было знакомо всё и всё было родным и любимым. Долину со всех сторон окружали высокие скалы, поросшие в основном хвойными деревьями. Аделаиду всегда поражала способность какого-то дерева вырасти на самом краю обрыва, на небольшом выступе скалы, вцепившись корнями во всякую твердь, и упорно вытягиваться в рост, вверх, к солнцу и простору. Девушка выросла здесь, в посёлке, расположенном под самыми горами, и страстно любила горы и все прелести природы, связанные именно с этими горами, именно с её исконной родиной.

Аделаида остановилась и решила передохнуть. Она уселась на кочку, поросшую мхом, и взглянула на синее-синее небо, которое сегодня отдыхало в таком же одиночестве, как эта девушка с непростой судьбой. На небе не было ни облачка, ни надоедливых туч, ни туманов, а было лишь солнце, которому радовались все, и небо в том числе. Звенящая, баюкающая тишина, аромат хвойных деревьев, среди которых вилась тропинка, по которой сейчас шла Аделаида, свежая зелень трав и разнообразие цветов радовали глаз и утешали душу, даруя благодатный покой и умиротворённость. Аделаида только сейчас поняла, что такие прогулки по цветущим долинам наполняют её оптимизмом и заряжают вкусом к жизни, заставляя забывать о своём уродстве и утверждая то, что внешность — это ещё не самое главное в жизни человека.

“Конечно, я молода и здорова, у меня целы руки и ноги, я имею возможность заниматься любимой работой, где никто не боится моего уродства — имею ли я право горевать и поддаваться тоскливому унынию? Нет и ещё раз нет”. Так сказала себе Аделаида, сидя на горной тропинке, и внезапно вспомнились калеки, не имеющие возможности передвигаться, не имеющие рук или ног, или слепые от рождения. И девушка в голос зарыдала. От жалости, от сопереживания чужому горю. Она плакала из-за того, что позволила себе отчаиваться, и это в то время, когда вокруг многим и многим намного хуже, чем ей. Девушка почувствовала силу своих рук и ног и дала себе слово, что впредь ни за что не станет себя жалеть. Слёзы, обильными ручьями вылившиеся из её глаз, принесли полное облегчение. Аделаиде стало легко и вольготно. Она снова почувствовала то состояние счастья и восторга от ощущения энергетики гор, которые испытала от встречи с Астаной. Глубоко вздохнув, девушка достала из рюкзака бутерброд, пластиковую бутылку молока и принялась с аппетитом есть.

— Ну кто там рыдает? Лучше бы помогла мне выбраться, чем тратить время на слёзы, — уловила вдруг Аделаида внутри себя вполне разборчивую человеческую речь, впрочем, голосок был, скорее всего, детский. Голосок? Но голоса никакого не было слышно, а было лишь ощущение восприятия информации.

— Кто это? — удивлённо спросила Ида, оглядываясь вокруг, но никого не обнаружила на всём обозримом пространстве и встала, чтобы поискать обладателя тоненького голоса.

— Да здесь я, здесь. Фу ты, чёрт! Застрял и всё! Девушка, помоги мне, пожалуйста, — попросил странный, невидимый незнакомец, и Аделаида пошла в ту сторону, откуда донеслась мольба о помощи, но остановилась у двух камней и замерла, не зная, что и подумать. Казалось, что голосок исходит именно из-под этих камней, но здесь не было и намёка на наличие какого бы то ни было живого существа.

— Да ты посмотри пониже. Ну! — требовательно произнёс голосок, и Аделаида наклонилась, не думая о том, что она, по всей вероятности, должна бы испугаться. Но страха не было, более того, девушка почувствовала в своём организме состояние небывалого блаженного, если не сказать счастливого, оптимизма и страстную потребность во что бы то ни стало помочь ближнему.

“Я не знаю, что чувствуют от приёма наркотиков, но думаю, что сейчас я получила дозу. Откуда такая умиротворённость и ощущение сладостного покоя? И почему я не боюсь”, — спрашивала себя Аделаида, тщательно, сантиметр за сантиметром осматривая все выступы и трещины прикованных друг к другу временем камней.

— Протяни мне руку. Смелее, не бойся. Я тебя не обижу, наоборот, стану полезным, — “услышала” Ида уже под самым своим носом и стала старательно просовывать руку в щель. И снова девушка не ощутила никакого страха, почувствовав под своей рукой нечто живое, зажатое между двух камней. И Аделаида стала тянуть это нечто одной рукой упираясь другой о камень, но внезапно остановилась и спросила:

— А я не оторву тебе что-нибудь? Уж очень сильно ты застрял.

— Нет, не оторвёшь, не бойся. Ураган уже оторвал самый важный кусочек моего тела, так что теперь я могу надеяться только на тебя. Тащи! — нетерпеливо, но вежливо попросил голосок, Аделаида резко выдернула руку и, не удержав равновесия, упала на спину. Рука, которая выхватила из плена странное существо, разжалась, и возле Аделаиды оказался удивительный малыш, похожий на гуттаперчевую куколку. Девушка вскочила и застыла на месте, шокированная увиденным. Малыш был похож на тех инопланетян, которых обычно показывают по телевизору как заставку — лупоглазый, абсолютно голенький, покрытый мягким, почти невидимым глазу ворсом, с островежкой головой, коротенькими ногами и такими же короткими руками. Аделаида удивилась тому, что кончик носа у “малыша” был оторван, но не прослеживается ни капельки крови.

— Кто ты такой? — последовал первый вопрос Аделаиды, и между странным малышом и отважной девушкой завязался такой разговор:

— Я — Бербер, хотя это имя нарицательное. Мы называемся берберами и проживаем в недрах этих гор. Ты можешь называть меня Бербером, хотя у меня есть имя, которое мне не очень нравится. Люп — так меня называют другие берберы.

— Ты хочешь сказать, что в глубине гор живут такие же, как ты, живые существа?

— Да. Можно сказать, что мы живые, когда заряжены. Мы — хранители гор. Мы — спасатели бесстрашных альпинистов, попавших в беду. Мы сдерживаем сель и землетрясения. Мы — защитники животных и спасаем их так же, как неразумных людей, лазающих по горным вершинам.

— Но почему ты похож на инопланетянина?

— Да потому, видимо, что спасённый когда-то бербером альпинист запомнил своего спасителя и нарисовал его, хотя мог и сфотографировать, и его рисунок или фото пошли бродить по свету — так думают наши ЖИВЫЕ. Мы знаем обо всём, что творится у подножия этих гор, стало быть, нам известно всё, что происходит в Большом городе.

— Большой город — это Алматы?

— Именно так.

— Но как можно жить внутри земли? И каким образом ты попал сюда?

— Меня вынес сель, когда я спасал зайца, которого схватил ястреб. Всё произошло неожиданно. Ураган, сель, ливень — всё пришло разом. Как видишь, мне оторвало кончик носа и лишило меня возможности выражать желания. Вот сейчас я мог потереться носом и произнести: “Хочу попасть к Чадающему Котлу, хочу домой”. И пространство перенесло бы меня немедленно.

— В таком случае вы являетесь роботами, оставленными астронавтами с далёких планет для обследования наших гор? Это так? И почему твой голос отдаётся внутри меня, но звучания я не слышу? И поняла я это только сейчас, потому что воспринимаю твою речь, но не вижу, как ты открываешь рот, чтобы произносить слова. И чем и как вы питаетесь?

— Я же сказал, что мы живы, когда заряжены.

— Заряжены чем?

— Энергией солнца, энергией земли, энергией камней. Для этого нам нужно уткнуться носом в объект, который излучает энергию, а мы это чувствуем. К сожалению, я теперь могу превратиться в сувенир, ежели мы с тобой немедленно не отыщем кончик моего носа. Когда ураган швырнул меня на эти камни, кончик моего носа и отлетел, чёрт побери.

— На кончике твоего носа имелась кнопка?

— Что-то вроде того. Однако ты весьма эрудированная девушка, милая моя спасительница. И как тебя зовут?

— Ида. Называй меня так, хотя полное моё имя — Аделаида. Я прочитала очень много книг, в том числе и фантастику, так что могу приблизительно представить, каким может быть робот с далёких планет. Признаюсь, что о таком роботе, каким являешься ты, Бербер, я никогда не читала и не видела в кино и должна тебе сказать, что планета ваша ушла очень далеко вперёд в развитии своей цивилизации. По сравнению с нашей Землёй, конечно. А ты сам разве не знаешь, как вы оказались в этих горах и кто вас сюда завёз?

— Такую информацию я пока не имею права выдавать.

— И часто вы вылезаете из-под земли? И что это такое — Чадающий Котёл?

— Наши ЖИВЫЕ говорят, что люди Земли называют это вулканом. Наша главная обязанность — не позволить вулкану прорваться сквозь землю, иначе будет беда, стихийное бедствие, как говорит человек.

— Но как вы можете сдерживать такую мощь?

— В том-то и дело, что Чадающий Котёл ещё не созрел, а мы изо всех сил сдерживаем, охлаждаем пламя, которое его согревает, подталкивает изнутри. Иначе беды не избежать.

— Значит, астронавты с далёких планет вычислили этот вулкан, нашли к нему ход и оставили своих роботов? И как вы можете его охлаждать?

— Дежурные берберы собирают энергию снега и льда и выплёскивают её из себя прямо на Чадающий Котёл. Ты знаешь, что на вершинах гор очень холодно? Должен тебе сказать, Ида, что мы не чувствуем ни тепла, ни холода. Самым главным сдерживающим фактором является плавающее над Чадающим Котлом плотное вещество, похожее по вашим понятиям на облако, вот его и питают энергией холода наши дежурные берберы.

— Как всё интересно и одновременно страшно — ведь вулкан может обрушиться на наш город в любой момент. А ты не боишься, что я вынесу эту небывалую сенсацию о вашем существовании в наших горах в свет? Разве горожане не должны знать о существовании Чадающего Котла? Уверена, что плавающее над вулканом вещество оставили ваши астронавты.

— Да, это так, но не будем об этом. В наших внутренних схемах приказ — информацию не выдавать. Думаем, что вся информация о планете Зета имеется лишь у ЖИВЫХ. Отвечаю на один из твоих бесчисленных вопросов. Если человек возьмёт бербера в плен, то он не станет заряжаться и превратится в сувенирную куклу. Видимо, именно поэтому в наших схемах нет информации о планете Зета, с которой, как говорят наши ЖИВЫЕ, нас сюда доставили. Ну а если ты побежишь к журналистам, то кто тебе поверит? Сочтут за полоумную.

— У вас есть знакомые земляне?

— Это закрытая информация, и я не могу её выдать. Самыми главными нашими друзьями являются снежные люди. Они не корыстны, не любопытны, не наделены злой воинственностью. И они не любят землян за все их нехорошие качества.

— Не все люди таковы, Бербер. Однако время идёт, не лучше ли нам прервать столь увлекательную беседу и поискать кончик твоего носа?

— Я только об этом и думаю, но из вежливости не решался прерывать поток твоих бесчисленных вопросов.

Ида с трудом удержала очередной вопрос, так и рвущийся с кончика её языка, и принялась ползать у тех камней, где ещё совсем недавно был зажат странный и как будто игрушечный робот Бербер.

— И всё-таки я задам тебе ещё пару вопросов, которые не дают мне покоя. С какой стати на меня нашло удивительное, просто сладостное состояние покоя и счастливого оптимизма? И что ты станешь делать, если кончик твоего носа найдётся или не найдётся? Ведь я скоро отправлюсь вниз, домой.

— Ида, в таком случае самая важная часть моего носа валяется где-то рядом и сдавлена в той точке, которая и распространяет в атмосферу умиротворение и дружелюбие. Таким образом мы, берберы, можем разоружить, подавить любую агрессию, будь это человек или зверь. Поняла? Что я стану делать, когда мы найдём потерю? Хорошая девушка Ида, тебе придётся забрать меня с собой, потому что оторванные части тела берберов врастают только при полной неподвижности. Если быть точнее, то я должен буду лежать неподвижно в каком-нибудь уголке твоего жилища, уткнувшись носом в его обрубок.

— Как? Как я тебя понесу, ведь ты не уместись в моём рюкзаке!

— А я гуттаперчевый, как и все берберы. Для того, чтобы уменьшиться в размере или, наоборот, увеличиться, нам не нужно выражать желание. Смотри!

И бербер Люп завертелся перед изумлённым взором Иды как круто закрученное веретено и через мгновение предстал перед ней настолько маленьким, что мог свободно возлежать в её рюкзаке, а от внезапного вихря, который он создал своим стремительным движением, откуда-то вынырнул крошечный комочек и застыл у его ног.

— Ну вот, кончик моего носа и нашёлся! И он автоматически уменьшился сообразно моему теперешнему росту. Всё в порядке, Ида, теперь нужно поскорее отнести меня в твой дом и куда-нибудь положить, иначе я стану сувениром, украшающим твою комнату.

— Не могу удержаться от вопроса, последнего вопроса, Бербер. И что, вмонтированная в тебя сложная схема так же уменьшается в размере? Ведь ты очень сложный робот, просто безупречный робот, обладающий такой чудесной разговорной речью и знающий так много о человеке.

— Это ерунда, ты ещё не видела всех чудес. Да будет тебе известно, хорошая девушка Ида, что в нас вмонтирована схема настолько маленькая, насколько мы сами можем становиться меньше в размере. Не беспокойся об этом.

— Хорошо. Беседа закончена, и я попрошу тебя помолчать, — заявила Ида, чувствуя, однако, что счастливое опьянение благостного покоя проходит и к ней возвращается её обычное состояние. Девушка осторожно завернула кусочек носа этого странного робота в платочек и раскрыла рюкзак, в который незамедлительно прыгнул и затаился её новый друг Бербер.

— Хотя бы не сойти с ума. Не сон ли это? — произнесла Ида и осторожно положила платочек в кармашек рюкзака. Общительный и разговорчивый Бербер молчал минут пять и внезапно тихонько запел песенку Винни Пуха, а встретившийся на пути Иды грибник удивлённо смотрел ей вслед, недоумевая, кто это поёт.

— Девушка молчала и не открывала рта. Голоса не слышно, но песенка из мультфильма так и звучит во мне, да и голосок детский. Не схожу ли я с ума? — удивлённо произнёс старичок и без сил опустился на землю.

Вернувшись домой, Аделаида решила не делиться сведениями о своём приключении в горах с Инессой, да и дома её не было — ушла к соседке. От души этому радуясь, Ида подумала о том, что ей ещё предстоит рассказать своей умудрённой жизнью прабабушке о своей поездке в Россию, а не сделала она этого до сих пор потому, что Инесса должна была окрепнуть, чтобы быть введённой в курс дела о непростых приключениях своей правнучки в далёком городе, среди незнакомых людей, вдали от родного дома.

“До поры до времени я не стану морочить голову Инессы рассказом об этом странном роботе Бербере. Старому человеку будет непросто переварить эту информацию, когда я сама едва жива от изумления и до сих пор шокирована этим знакомством. Сенсация века в нашем простом доме — не верится! Но хватит рассуждать и пора устроить Берберу уютное ложе”, — подумала Аделаида и раскрыла свой рюкзак.

— Моей прабабушки Инессы нет дома, можешь не прятаться, — сказала молодая хозяйка своему пронырливому гостю, который уже пробежался по всему домику и наконец остановился возле застеклённых рам с фотографиями, висящих на стене в самой большой комнате.

— Эта комната общая и можно называть её гостиной, что ли, хотя у нас дома всё просто и такое высокопарное название общей комнаты звучит немного смехотворно. Если ты бывал в большом городе, то должен знать, что земляне живут вполне цивилизованно, а мы обитаем в посёлке и лишены многих благ комфортной жизни, — произнесла Аделаида, но, удивившись тому, что Бербер перестал вертеться и притих, обернулась к нему и увидела в его лице большой знак вопроса. Иноземный гость не сводил глаз с портрета родителей Иды. По желанию Инессы вся стена была увешана фотографиями в застеклённых рамах и в данный момент Бербер ощущал великое удивление или шок, если такие ощущения могут быть вообще свойственны роботу, прибывшему на Землю даже с самой цивилизованной планеты. Аделаида тоже притихла и стала наблюдать за выражением больших глаз Бербера и прислушиваться к тому, что едва слышно бормотал про себя робот.

— Это они. Да-да, они, я их узнал. Это они, — бесконечно повторял Бербер, поражая и пугая осиротевшую дочь супружеской пары, на изображение которых он смотрел жадно и не отрываясь.

— Что ты хочешь сказать, Бербер? Это мои родители, и они погибли несколько лет назад. Погибли в горах, вернее, пропали без вести, совершая не в таком молодом возрасте восхождение на вершину. Они альпинисты, и потому завели меня будучи уже в довольно зрелом возрасте — не хотели засиживаться дома, привязанные к грудному ребёнку, — машинально объясняла Ида. — Почему ты на них так смотришь? — снова обратилась она к Берберу уже более решительно и громко, и тот, наконец, опомнился и оторвал свой упорный взгляд, устремлённый на стену, увешанную рамами.

— Я? Ничего, просто так, интересно, — суетливо отвечал робот совсем как человек, застигнутый врасплох.

— Ты знал этих людей? Это мои родители. Отвечай! — теряя терпение и забывая о правилах гостеприимства, настойчиво твердила Ида, наполняясь откуда-то взявшейся надеждой, безумной и вместе с тем несбыточной.

— Нет! Нет! У меня закончилась зарядка, — едва произнёс Бербер, упал к ногам девушки и застыл. Аделаиде не оставалось ничего другого, как унести странного гостя в свою комнату и положить его на подоконник под жаркие лучи солнца. Она не забыла подложить под опрокинутого вниз лицом робота кусочек его носа, похожий на поросычье рыльце. Аделаида тщательно сопоставила разрозненные кусочки берберовского носа, погрозила ему пальцем и занялась своими делами.

“Видно, Бербер никогда не видел такую выставку фотографий, потому и удивился. Это мода из молодости моей прабабушки — вешать на стены рамки с фотографиями, и не он первый удивляется”, — уже спокойно подумала она и постаралась забыть об этом эпизоде.

“Снежные люди? Они существуют и проживают в наших горах?” — удивлённо думала Ида, вспоминая слова робота Люпа.

“Для того, чтобы не сойти с ума, я должна хотя бы на время забыть обо всём, что услышала от иноземного робота”, — решила наконец Аделаида и занялась домашними делами.

г. Алматы.

Светлана НАЗАРОВА

“Натянуты годы,
как струны...”

Меня Россия не поманит.
Обиду горькую таю.
И лишь в статистике помянет
Как русскую в чужом краю.

Русь моя, твои светлые очи
Согревают надежду, пока
Однозвучно гремит колокольчик
И дорога пылится слегка.

Мой род

Мой древний разнолюдый род
Донёс свою историю в движенье
До дней моих. Хоть редкий сумасброд
Был мой прапрадед. Это — вне сомненья.

Дворяне, разночинцы и плебеи,
Купцы, актёры, бортники в артели —
В них куражу и всякого хватало:
Вольнолюбивость род мой отличала.

Но евнухов в нём не было и нет.
За то и держит каждый свой ответ.

О Русь моя неторопливая!
Тебе всегда не до меня!
А я, в разлуке несчастливая,
До судного намаюсь дня.

Всех ты жалеешь, всяких ропшущих
Вновь под защиту ты возьмёшь,
И, всепрощая, в добром поприще
Всех страждущих к груди прижмёшь.

И только нам, России пасынкам,
Нет места на твоей груди.
Глядишь с обидною опаскою
И вряд ли позовёшь: “Приди!”

Казаху, делящему нас на “коренных” и “некоренных”

(Монолог “некоренного”)

По воле по злой так не раз уже было:
Разбитые судьбы по свету носило,
Мотало, болтало, землёй засыпало —
Чужую землёй, на чужом берегу.

Уехать? Но я не хочу, не могу!

Да нет же, не только война убивает,
Не только она сединой убеляет:
Сразит наповал, будто пулей шальной,
Свинцовое слово — “некоренной”.

Столетиями радость и слёзы делили,
Растили сады и детишек растили,
Корнями вросли в эту землю с тобой —
Какой же я, к чёрту, “некоренной”?

Тут дедов могилы, тут дети родились,
Тут силы, умение в дела воплотились,
А наши отцы — побратимы войной,
Какой же я, к чёрту, “некоренной”?

Мой внук с твоей внучкой давно поженились,
И борщ с бешбармаком прекрасно ужились,
А ты — за своё, прямо как заводной.
Какой же я, к чёрту, “некоренной”?
Сирот эшелон из России
Казашки кормили кожей.
И их почитали своими.
Они не родные уже?..

Ты веришь в Аллаха по вере своей?
Уж Он-то плохому не учит людей:
Я суры в Коране не знаю такой,
Где сказано было бы: “некоренной”.
Да, разница есть и поныне:
Я — в церковь, а ты — в медресе.
Но даже свинина с кониной
Смешались в одной колбасе!..

Ты искру раздора посеять решил?
А детям пожар не придётся тушить?..
Проклятье повиснет тогда над тобой,
Которое скажет твой внук, коренной!

Тупой временщик твою душу смущает?
Но век его короток, — он это знает.
Чокан и Абай не согласны с тобой:
Они бы признали, что я — коренной.

Марине Грановой

Колокольчик русский,
Нежный и хрустальный,
Тишину разбрызгал
Тысячами брызг.
Во поле берёзка,
Церкви да погосты —
Свет души блаженной
И печальной вдрызг.

Задышала воля
Мне в лицо и спину,
Руки подставляю,
Чтобы впрок набрать.
Ах, голубоглазка,
Девочка Марина.
Или Василиса?
Сразу не узнать!..

На Руси извечно
Вместе с хлебом — песню
Дорого ценили.
Даже в год лихой.
Светлояр дремучий,
Китеж-град текущий,
Пусть не настоящий —
Всё равно родной.

Средь дубравы — скиты,
Озерца, молитвы,
Старец снежно-белый,
Как младенец, чист.
Жаворонок ранний
С простодушной песней.
Связь мирского с горним
Песнь твоя, артист.

Причёт

На салазках горюшко
Покачу я с горушки,
В берёсту зарюю,
Листьями прикрою,

Чтоб ни стар ни мал,
 Ни собаки злы
 Не разрыли его
 И не разнесли.

Замети, метель,
 Это местечко,
 Никому не дай
 Отыскать его!

Пусть скучает одно —
 Никем не глажено,
 Никем не плакано,
 Никого не оцарапав.

Летний дождь

Под маринадом летнего дождя
 Готовность к ласке обретать неспешно,
 Идти по горло вброд во тьме кромешной,
 В осколки в лужах фонари дробя.

Моя дикорастущая любовь
 Лишь этому поливу благодарна.
 Когда бы вовсе я была бездарна,
 Не верила б в неё я вновь и вновь.

Когда бы умною была,
 Легко бы шли мои дела:
 И в сани бы свои садилась,
 И на шестке б своём мостилась,
 Соломки впрок бы постилала,
 Чтоб мягче было, коль упала,
 И на семь бед, и на семь бед
 Я б знала правильный ответ.

Но я б давно с ума сошла,
 Когда бы умною была.

Натянуты годы, как струны,
 Поводья их держит сатрап.
 И — мистики полные луны,
 И — подан в грядущее трап.

Он шаткий, не выдержать может
 Толпу, что стремится в полёт.
 А время над миром ворожит,
 И нету дороги в обход.

г. Алматы.

Шакир а-МИЛ

Четыре рассказа

Братья

1.

Эшелон шёл уже седьмой день, практически без остановок.

Через маленькую щель в углу вагона Василь почти всё время смотрел на уходящий от эшелона мир, пытаясь запомнить приметные места.

Но на четвёртый день всё исчезло, и унылый однообразный вид снежной пустыни утомил его. Ни деревца, ни кусточка, кругом только снежная белизна, режущая глаза.

И когда эшелон в очередной раз остановился, а стук колёс сменил безудержный лай собак, стало понятно, — доехали. Василь снова заглянул в щель и увидел вдоль вагонов шеренгу солдат с собаками, а за ними лежала всё та же земная пустошь.

Их высадили. Построили в ровные шеренги, пересчитали поголовно. Затем взвод автоматчиков, сопровождавших этап, вернулся в вагоны. Паровоз свистнул, тронулся и вскоре скрылся, словно его и не было.

Этапников снова перестроили, теперь уже в колонны поплотней.

— Направо! Шагом м-арш! — скомандовал старший, и колонна медленно двинулась в сторону лагеря, который находился километрах в шести от железной дороги.

Люди в колонне оживились, надышавшись свежего воздуха. По отёкшим от бездействия ногам побежала кровь, и вскоре шагать стало легче и веселей, несмотря на холод.

Солдаты, в одинаковых тулупах, лениво брели вдоль колонны, позволяя собакам тащить себя за поводки.

Наконец показались бараки, окружённые двойной стеной колючей проволоки и вышками по всему периметру.

У Василя защемило сердце, он ещё раз оглянулся назад на смыкающуюся за колонной пустошь и подумал: “Отсюда не уйти!”.

2.

Ночью, на четвёртые сутки, кто-то тронул ногу Василя и потянул к себе.

Василь вскочил и в темноте силился разглядеть, кто его разбудил.

— Эй, хлопчик, слезай! Дело есть, — сказал шёпотом незнакомец.

Едва проникающий свет в барак осветил его лицо, и Василь признал в нём одного из воровских своего барака.

Василь спрыгнул с нар и встал напротив. Его друзья, соседи по нарам, проснулись и теперь, развернувшись, слушали их разговор.

— Чего тебе? — спросил Василь.

— Пойдёшь со мной, — сказал незнакомец. — С тобой хотят поговорить. Тут недалеко, через барак.

Василь вопросительно взглянул на своих друзей. Старший из них, по имени Андрей, спрыгнул и встал между ними.

— Никуда он не пойдёт! — заявил он. — А ну говори, кто его звал?

Незнакомец, переминаясь с ноги на ногу, было видно, что он испугался, жалостно ответил:

— А я почём знаю, хлопцы, кажись из ваших! У нас сам знаешь, лишних вопросов не задают! Да мне уплачено уже. Нет так нет! Вот пойду и скажу.

— Ты не крути! — сказал товарищ Василя. — Наши бы сначала знать о себе дали. Тут все по своим понятиям живут. А вот от кого ты, не пойму я!

— Не знаю я, не знаю, — занервничал незнакомец. — Не сказал он! Только я с него слово взял, что хлопец живым-здоровым к вам вернётся!

— Ну, тебе слово дать, не сильно обмажешься! Ладно, стой тут, — распорядился Андрей и повернулся к Василю. — Что, Василь? Пойдёшь, али как? Вообще-то тут словами не бросаются. Может, и правда кто из наших?

— Пойду я, — ответил Василь и без лишних слов ушёл с незнакомцем.

Они прошли к бараку. У самого входа, в закутке, стояли печка-“буржуйка” и самодельный на козлах стол. За столом сидел, полусогнувшись к печке, человек. Он обернулся, и Василь признал в нём своего старшего брата Степана.

3.

Степан был болен, его знобило.

Василь добавил ему в кружку кипятка, Степан обхватил кружку руками, словно пытался впитать тепло от неё в себя.

— Домашних давно видел? — спросил он.

— Давно, — ответил Василь. — Я как немцы отступать начали, старался быть подальше от наших мест. Придут ваши, загребут за пособничество братишку-то. Гришка один остался с родителями. От Ганки какая помощь, у неё своя семья.

— “Наши-ваши”, всё равно забрать могут. Ты — бандеровец, я — враг народа. Всё одно — передохнем мы здесь!

— Ну уж нет, браток! — возразил Василь. — Ты как хочешь, а я вот приглянусь и уйду отсюда!

— Куда уйдёшь? — усмехнулся Степан. — Здесь сотни километров полупустыни и птицы облетают эти места. Погоди, а чего это ты, Василь, седей уж весь?

— Не поверишь, за одну ночь поседел.

— Что так?

Василь опустил голову, помолчал и заговорил:

— Да так. Помнишь дядьку Петра, с соседнего хутора? Так его твои коммуняки в председатели определили. Мы в ночь туда зашли, вроде как за харчами, да потом командиры порешили и к дядьке Петру зайти, вроде как припугнуть. Не знаю, что там у них вышло, только сожгли они там всех. Живыми в печи, всех. И тётю Оксану, и детишек. Крики их до сих пор в ушах стоят, вот.

Степан сжал кулаки и опустил голову.

— Что же ты, Василь?! А помнишь, он всё как к батьке заходил, так завсегда тебя на колени сажал и гостинцами угощал?

— Не был я там! Я в оцеплении стоял! А ты, Степан, когда сельчан наших со своими дружками пострелял как пособников, вспомнил, что среди них двоюродный дядька твой?

Степан промолчал, а позже сказал, не поднимая головы:

— Да нешто нас мать с отцом родили кровь проливать, вот этими руками?

— Не знаю я, братка, да только гореть нам в пламени адском. Будь оно всё проклято!

— Да мне уж скоро, — отозвался Степан. — А ты уж побереги себя, Василь, авось свидишься с родными. Так ты передай им поклон от меня.

— Да что ты, Степан, — сказал и обнял брата Василь. — Вместе, вместе поклонимся родителям!

4.

Спустя два дня, на построении, Василь услышал за спиной знакомый голос, того самого, из воровских.

— Слышь, хлопчик! Велено передать. Знакомого твоего в лазарет отправили. Сказали, плохой он. Если хочешь увидеть живого, поспешай. После построения я буду ждать у барака. Иди за мной, я покажу как в лазарет пробраться.

После построения у барака Василь увидел знакомого. Тот заметил его, развернулся и пошёл вдоль барака. Василь поспешил за ним.

Поплутав по снежным лабиринтам, они, наконец, остановились, и его попутчик сказал, указывая на небольшой барак:

— Вот он, лазарет! Ползи к нему. Двери с другой стороны. Пройди незаметно, а внутри и персонал, и врачи из ээка, там спросишь, кого надо, давай!

Василь перемахнул через сугробы и где ползком, а где и пробежкой, согнувшись, подбежал к стене барака.

Почти у самого угла строения он натолкнулся на небрежно сваленные трупы и тотчас узнал среди них своего брата.

Степан лежал уже одеревенелый, с широко открытыми глазами и приоткрытым ртом.

Василь опустился на колени, положил на них голову брата и беззвучно заплакал, утирая от слёз и мелко падающего снега лицо Степана, отчего оно вскоре стало влажным и мягким.

Неожиданно из-за угла барака появился солдат. Он взглянул на Василю, отвернулся, скоро помочился на стену. Затем повернулся и, оправляясь на ходу, подошёл и спросил:

— Эй, ты чего тут?

— Это брат мой, — ответил Василь. — Можно я побуду с ним?

— Чего-о! — потянул солдат. — А ну марш отсюда!

— Братишка! — сказал Василь, поднимаясь с колен. — Я чувю, ты наш хлопец, с Украины. Позволь, а?

— Тебе, вражина, тамбовский волк — брат! — зашипел солдат. — Дуй отсюда, чтобы духу твоего здесь не было!

— Ах ты гад! — возмутился Василь. — Попался бы ты мне на воле, посмотрел бы я на тебя вояку!

Солдат оглянулся вокруг, чему-то вдруг улыбнулся.

— Не бойсь, не попадусь! — сказал он и, мелко перекрестившись, снял с плеча карабин. Почти не целясь, выстрелил прямо в сердце Василю.

Василь разве что лишь успел взглянуть на брата и упал рядом.

На выстрел тотчас прибежали офицер с двумя солдатами.

— Кто стрелял? Что случилось? — спросил офицер.

— Вот, товарищ лейтенант, — махнул в сторону Василю солдат. — Бросился на меня, хотел оружие забрать!

Офицер оглянулся вокруг и усомнился:

— Напал, говоришь? Что-то я следов борьбы не вижу.

— Да что же я должен был ждать, когда он мне на шею бросится, — обиженно ответил солдат. — Да гляньте, чего он тут делал!? Сидел и ждал, на кого напасть!

Офицер потоптался вокруг, махнул рукой и сказал стоявшему рядом солдату:

— Ладно! Сержант! Сейчас пройдёте с рядовым к дежурному офицеру и оформите труп.

— Есть! — ответил сержант. — А что, товарищ лейтенант, труп тоже до дежурного?

— Да на кой он ему нужен, — ругнулся офицер. — Запомни номер и оформляйте, вот как он всё рассказал. А труп бросьте к остальным.

Лейтенант ушёл. Сержант с солдатом подняли тело Василя и после короткого взмаха бросили поверх других трупов.

— Пошли! — сказал сержант и двинулся вперёд.

Солдат быстро оглянулся, взглянул на Василя, чему-то улыбнулся и, мелко перекрестившись, поспешил за ним.

5.

У ворот лагеря, на высоком столбу, нещадно скрипел прикрытый колпаком фонарь. Раскачиваясь, он освещал будку часовой и едва заметную, припорошенную снегом дорогу к лагерю.

По освещённой прожекторами дороге из-за барачков показались запряжённые лошадей сани-розвальни.

Они едва приблизились, как часовой без всякой команды распахнул ворота.

— Тпр-р-р! — скомандовал солдат, управлявший санями, и едва они остановились, легко соскочил с них.

— Здорово, Ваня! — приветствовал солдата часовой. — Давно я тебя здесь не видел!

— А у нас график не совпадал, — ответил солдат. — Сейчас зима, товар не портится, вот и вывожу раз в два, а то и в три дня.

— Понятно! — сказал часовой и, приблизившись, взглянул в сани.

На санях лежали не вдоль, а поперёк, аккуратно сложенные друг на друга трупы.

— А что, Вань, неплохо тебе служится, — сказал часовой. — Числишься тут труповозом, а домой придёшь, так бабам всё будешь рассказывать, что чуть ли не государственных преступников охранял!

— А чо!? — откликнулся солдат, указывая на трупы. — Чем они не государственные преступники? Какая разница, живые они, али мёртвые? Вот только званиями да значками меня обделяют.

Часовой рассмеялся, но, видимо привыкший донимать своих собеседников, спросил:

— А за что тебе значки-то? Ты вон сегодня на политзанятиях не мог вспомнить, на каком съезде Ленин меньшевиков разоблачал! Что ж ты так?

— А ну их! Разве всё упомнишь! — ответил солдат, и снова указывая на сани, прибавил: — Вон их до сих пор разоблачают! Не одному мне за службу возить хватит!

Они прошлись вдоль саней, и часовой вдруг сказал:

— Смотри! Смотри! А вот этот как похож вон на того!

Солдат взглянул и удивился:

— И впрямь похож, — сказал он. — Только вот этот вроде постарше. А которого помладше, стрельнул кто-то!

— Это Сахно его стрельнул! Уже третьего стреляет, как будто при попытке к бегству. Всё отпуск хочет заработать!

— Ты подумай! Не боятся-то люди греха! — покачал головой солдат и сказал: — Ну давай, принимай товар, а то мне ещё возвращаться.

— Это мы мигом! — согласился часовой.

Он прошёл за будку, достал из-за неё кирку, обрезанную для лёгкости с одной стороны, скоро и умело пробил ею черепа всех трупов.

— Нормально! — сказал он. — Послушай, Вань, а куда ты их возишь? Говорят, что та траншея, которую мы ещё по осени приготовили, уже полная.

— А зам по хозчасти нашёл немного дальше одну расщелину, так я туда свожу. А по весне землёй закидают! Ну, бывай, служба!

Солдат легко запрыгнул на сани, дёрнул за вожжи и скомандовал:

— Но-о-о! Вперёд, Сивка! За Родину! За Сталина!

Герой аула Ак-таш

1.

— Салеха-апай! Салеха-апай! — услышала крик у юрты Салеха и, выглянув из неё, увидела на молодом жеребце младшего сынишку Серикбая, который, завидев её, ещё пуще закричал — Суюнши! Салеха-апай! Суюнши! Ваш Кокен едет с войны домой! Суюнши!

Молодой жеребец то ли из норова, то ли испугавшись звонкого голоса своего юного наездника, нещадно копытил землю, подняв столб пыли, и никак не хотел останавливаться. Наконец Салеха поймала его за узду и, притянув к себе, успокоила коня.

— Что ты сказал, сынок? Откуда знаешь? — задыхаясь от волнения и борьбы с жеребцом, спросила Салеха.

— Вот, вот! Телеграмма! — закричал мальчик, и только теперь Салеха увидела в его руке клочок бумаги, которым он размахивал.

Салеха выхватила бумажку, всмотрелась и, испугавшись неровных, незнакомых и непонятных ей печатных рядов букв, поспешно сунула её обратно в руки мальчишке и взмолилась:

— Сыночек! Ты ведь знаешь, я не умею читать. Прочитай, что тут написано.

— Здесь написано, чтобы вы встречали Кокена восемнадцатого числа в одиннадцать часов с поезда, вот! С вас суюнши, Салеха-апай!

— Подожди меня, сынок! Подожди! — попросила Салеха и забежала в юрту. Там она быстро открыла сундук, выхватила среди прочего отрез материала и, выбежав обратно, вручила его мальчишке.

— На, сынок. Пусть мама сошьёт тебе хороший костюм.

— Спасибо, тётя! — сказал мальчик и, погоняя жеребца коленками, ускакал прочь вдоль юрт, размахивая дорогим подарком и крича:

— У Салехи-апай сын едет с войны домой!!!

И конечно, все, кто услышал эту добрую весть, поспешили поздравить Салеху и с удивлением вертели в руках телеграмму, которую многие из них увидели впервые.

В полдень в юрту Салехи заглянул председатель Ертай. Он, верно, не слышал новости о Кокене, поскольку, поздравившись, ни о чём не спрашивая, охотно принял приглашение попить чаю.

Он важно дул на пиалу с горячим чаем и, отпивая очередной плоток, сказал Салехе:

— Я по делу к тебе, Салеха. Скажи своим дочкам, пусть собираются, я хочу отправить их завтра на две недели в бригаду Куаныша, там не хватает рабочих рук.

— Ты бы подождал с этим два дня, Ертай, у нас Кокен возвращается с войны. Пусть хоть девочки увидят его.

— Да ты что, сестра! Поздравляю! — оживился Ертай. — Конечно, если так. А откуда знаешь? Письмо, что ли, прислал?

— Нет, — ответила Салеха. — Талегаму вот прислал.

И, поспешно достав из-за портрета Сталина аккуратно сложенную бумагу, развернула и подала председателю.

— “Талегаму” говоришь! Ха-ха! Да никакая это не “талегам”, а телеграмма!

Ты смотри, действительно — телеграмма! А ведь до войны-то он и писать-то толком не умел.

Ертай мельком взглянул на бумажку, потом ещё, зачем-то прочитал её, а потом и вовсе поднялся, встав под лучи света из приоткрытого шанырака, снова прочитал телеграмму.

— А скажи-ка мне, Салеха, — спросил он вдруг. — Давно ли ты от Кокена письмо получала?

— Да вот месяц как будто назад, — ответила удивлённая Салеха. — А что случилось, Ертай?

— Да ничего, ничего, — сказал Ертай. — А ну-ка дай мне это последнее письмо.

Он несколько раз внимательно прочитал его и, пожав плечами, вдруг промолвил:

— Ничего не понимаю!

— Да что случилось-то?! — запрочитала тут Салеха. — Не молчи, Ертай! Что написано в этой талегаме?

— Успокойся, сестра, всё нормально, — ответил Ертай.

Он ещё походил по юрте, перечитывая обе бумаги, затем подошёл к Салехе и заявил:

— Вот что, Салеха. Я возьму у тебя эту телеграмму, а вечером обязательно верну, хорошо?

Тут Салехе стало совсем плохо. Ничего не понимая, она молча опустилась на сундук.

Ертай взглянул на неё, раздумывая о чём-то, но потом выбежал с юрты, вскочил на коня и умчался прочь.

2.

В кабинет первого секретаря райкома партии Ертай вошёл буквально волоча за собой секретаршу, которой было указано никого не впускать в этот час к нему.

— Да пропусти ты его! — милостиво приказал первый секретарше, устав на сегодня от цифр и графиков для своего предстоящего областного доклада. — Ну ты даёшь, Ертай Махмудович! Надеюсь, ты так рвался ко мне, чтобы доложить об очередной трудовой победе?

— Нет, товарищ первый секретарь, я принёс вам новость получше! — ответил Ертай и аккуратно положил перед ним телеграмму.

Тот прочитал её, затем взял в руки и ещё раз прочитал вслух.

— “Встречайте восемнадцатого поездом. В одиннадцать часов. Герой Советского Союза Кокен Сарсенбаев”.

3.

Заседание в райкоме длилось уже второй час. Кабинет первого был задымлен донельзя. Участники заседания изрядно устали, и их фигуры стали напоминать фигуры жёстких стульев, на которых они сидели. Некоторые даже завидовали стоявшему всё заседание начальнику вокзала, которому уже раза три устроили разнос за состояние вверенного ему здания и прилегающих объектов, с вынесением выговоров в личное дело, да и не вспомнили, что он беспартийный. Ему так никто и не предложил сесть, и он с тоской поглядывал на свой стул, на котором успел посидеть лишь первые пять минут заседания.

Наконец первый указал огласить резолюцию заседания, и его секретарша, Ольга Ивановна, не вынимая папиросу из рта, монотонным голосом оповестила:

“В связи с прибытием с фронта Героя Советского Союза К.Сарсенбаева райкому провести следующие мероприятия:

1. Организовать торжественную встречу Героя К. Сарсенбаева.
2. Ходатайствовать перед командованием военной части 153746 о выделении на данное мероприятие до роты военнослужащих, а также военного оркестра части.
3. Всем нижеперечисленным организациям освободить от работы максимальное число людей 17 и 18 августа сего года.
4. Школе-интернату № 4 обеспечить 100 % участие в мероприятии школьников и учителей.
5. 17 августа провести три генеральные репетиции встречи поезда в 11.00, 14.00 и 17.00 часов.
6. Начальнику районной милиции майору Мадетову Н. обеспечить порядок и дисциплину во время проведения встречи Героя.
7. Начальника вокзала Козлова И. предупредить о служебном несоответствии. Обязать Козлова И. выполнить все указанные мероприятия, за неисполнение немедленно уволить”.

Тут все с сочувствием взглянули на начальника вокзала, который, однако, чувствуя, что заседание близится к концу, даже немного взбодрился.

Первый снова взял слово:

— Товарищи! — сказал он. — Я прошу вас как можно серьёзней отнестись к данному мероприятию, которое имеет важное политическое значение. Хочу вам напомнить, товарищи, что не во всяком районе есть Герои Советского Союза. Их по области-то по пальцам пересчитать можно.

И тут он, как вспомнил что, задумался. Потом взял телефонную трубку и сказал в неё:

— Соедините меня с обкомом партии.

Когда его соединили, он тихо доложил причины и итоги этого заседания райкома и, выслушав ответ, аккуратно положил трубку на место.

— Так, товарищи, — заявил он. — Восемнадцатого числа на встречу Героя прибудет сам первый секретарь обкома партии товарищ Шаханов Ильяс Есенович.

4.

Поезд прибыл вовремя. Пассажиры с удивлением разглядывали разукрашенный вокзал; новенькую трибуну; выстроившихся по всему перрону солдат; школьников в парадной форме и с цветами; толпы встречающих,

находившихся почему-то за спинами солдат; и, конечно, стрелочника, одетого в одинаковую с начальником вокзала форму и с такими же знаками различия, только в абсолютно новую.

Рассыпавшиеся по всему перрону милиционеры легко пропустили через свой строй сошедших с поезда пассажиров и слегка придержали человек семнадцать прибывших фронтовиков, которых они почти безуспешно уговаривали собраться вместе для проведения мероприятия по их встрече. Фронтовики уж были готовы прорваться к ожидавшим их родным, как прибежавший на место командир роты поставил всё на место.

Он живо построил их и громко огласил:

— Здравствуйте, товарищи герои-фронтовики!

— Здравия желаем, товарищ капитан! — умело ответили фронтовики.

— Поздравляю вас с возвращением на Родину! Ура!

— Ура! Ура! Ура! — воодушевились фронтовики.

— А теперь, товарищи фронтовики, прошу вас выслушать объявление товарища из райкома партии.

— Товарищи! — объявил второй секретарь райкома. — Мы убедительно просим вас, фронтовиков, поучаствовать в мероприятии по вашей встрече. Для этого вам необходимо строем пройти к трибуне, где вас будет приветствовать первый секретарь обкома партии. Понятно?

— Ну ладно, валяйте, — ответили ему с первого ряда.

— Вот и хорошо, — обрадовался второй секретарь и, подойдя ближе, спросил: — Товарищи, кто из вас Сарсенбаев Кокен?

Фронтовики переглянулись и закричали куда-то в задние ряды:

— Эй, Кокен! Выходи, тебя спрашивают.

Вскоре они выпихнули вперёд себя ничем не выделявшегося, разве что ростом поменьше, солдата.

— Так вот вы какой! — довольный, что Герой Сарсенбаев действительно прибыл этим поездом, сказал второй секретарь и, приглядевшись к его груди, добавил:

— А где звёздочка?

— Какая ещё? — буркнул в ответ Герой Сарсенбаев и почему-то попятился назад.

— Ну, эта — Героя? — не унимался второй.

— Нет у меня никакой звёздочки, — ответил солдат, пытаясь и вовсе скрыться среди фронтовиков.

— Э-э нет, стой! — схватил его за рукав майор Мадетов. — Ертай Махмудович! Где телеграмма?

— Вот она! — ответил Ертай, передавая телеграмму майору.

— Это твоя телеграмма? — ткнул майор бумажкой в лицо солдата.

Тот всё понял. Он молча кивнул.

Майор тоже понял всё.

— Взять его! — скомандовал он двум своим помощникам, и те привычно увели солдата из строя в сторону вокзала.

Пауза затягивалась. Выручил всё тот же капитан.

— Так, майор, — сказал он. — Скорее на трибуну. Скажете, что героя не будет.

Он махнул условным сигналом платком, грянул оркестр, и фронтовики браво, под его командой, пошли в последний раз в своей жизни строевым шагом.

5.

Когда всё кончилось, первый секретарь обкома вошёл в кабинет начальника вокзала, где всё это время майор вёл допрос солдата.

Кроме майора и двух его помощников в кабинете находился и председатель Ертай, явно напуганный и ожидавший своей очереди допроса.

— Ну что тут у вас? — спросил Ильяс Есенович.

— Он во всём сознался, — отрапортовал майор. — Говорит, что пошутил.

— И что думаете делать?

— Да что тут думать! Мародёр он. Вон посмотрите, сколько барахла вёз.

И майор ткнул на раскиданные женские вещи из рюкзака солдата.

— Ну, тебе был бы человек, а статья всегда найдётся. Кому вёз? — взглянув на вещи, спросил Шаханов солдата.

— Маме, сёстрам, — шмыгнув носом, трогая разбитую и опухшую губу, ответил Кокен.

— Видел, видел. Вон стоят за дверями. Ждут тебя, героя. — Шаханов обошёл солдата, поправил на его груди две медали “За отвагу” и “За взятие Вены”, сказал: — Такие награды зря давать не будут. Как воевал, солдат?

— Как все, — ответил тот.

— Правильно, — согласился с ним Шаханов. — Как все. И поэтому Победа наша — она общая на всех. И все — герои, все. Разве на всех наград хватит, а, майор?

Майор встал и развёл руками.

Шаханов подошёл к столу, аккуратно сложил вещи в рюкзак, завязал его, подобрал со стола ремень солдата и вместе с рюкзаком подал ему.

— Пошли, пошли, — поторопил он, похлопывая его по плечу.

Он вывел солдата из кабинета, подошёл к матери.

— Спасибо за сына, мать, — сказал Шаханов Салехе. — Ты уж прости, задержали мы его немножко. Мы тут всех героев, вроде твоего сына, персонально встречаем.

Тут он подозвал своего шофёра и приказал:

— Отвезёшь вот этого героя с семьёй прямо до дома. Я здесь тебя подожду.

И простившись ещё раз с солдатом, вернулся в кабинет.

— Ну что, Ертай, — обратился он к председателю. — Как дела? Сумеешь в этом году повторить прошлогодние показатели?

Ертай вскочил и, запинаясь, доложил:

— Обязательно, товарищ первый секретарь. Мы уже сейчас по показателям впереди всего района идём.

— Ну молодец, Ертай Махмудович. Ты у нас всегда на хорошем счету. Ладно, коли так. Ты свободен. И, пожалуйста, с этим героем поаккуратней. Давай, ждём от тебя новых трудовых успехов.

Ертай пообещал и юркнул за двери.

— Вот тоже неплохой парень, — сказал Шаханов. — Сколько у нас в районе хороших людей! А что, майор, не представить ли нам этого Ергая к званию Героя, а то мы по этому показателю отстаём от других областей.

И тут они оба рассмеялись.

Бригада

К небольшому сараю с инструментом первыми пришли Костя и Фриц. Вообще-то Фриц никаким “фрицем” не был, но обидная с детства дворовая кличка приросла к нему, и никто и не помнил, что настоящее имя его — Генрих.

На двери висел незатейливый замок, свидетельствующий, что бригадира Семёныча, который обычно на работу приходил первым, ещё не было. Ключ был только у него.

Солнце уже показало свой красный диск, и как обычно в это время суток стало чувствительно прохладно. Свежая роса на траве была до удивления омерзительно холодной. Костя, обутый в выдавшие виды сандалии на босу ногу, первым уселся на небольшую скамейку и старательно шевелил застывшими пальцами ног, с чёрными от грязи и давно не стриженными ногтями.

Фриц для убедительности подёргал замок на двери и спросил:

— А чего это старого нет?

— А хрен его знает, — буркнул Костя, но вдруг вскочил, побежал к ближайшим кустам, где его стошнило.

Фриц с отвращением отвернулся, но внутренне завидовал Косте, который мог позволить себе пьянствовать больше других, поскольку единственный из бригады получал пенсию за какую-то там болезнь.

На работе они были в последний раз три дня назад, а значит, у остатальной братвы деньги на выпивку вряд ли уже были.

— Бухал? — сочувственно спросил он вернувшегося Костю.

— Не-е! Похмелялся! — махнул рукой Костя. — Вчера один мужик знакомый подрядил шифер ему на даче разгружать и водкой расплатился, а водка дрянь, будь он неладен!

На тропинке показался Корнюков, бывший интеллигент, спившийся после развода с женой и несколько лет назад прибившийся к бригаде. От него было мало толку и его недолюбливали, и Фриц уже несколько раз открыто предлагал Семёнычу сократить долю Корнюкова, но старик только отмахивался. Ему было приятно, что в его бригаде есть образованный человек. А что не любили Корнюкова, то это понятное дело, тот никогда не сбрасывался со всеми на выпивку и всегда после работы спешно уходил, зажав в руке свою долю. “Алкаш-одиночка”, — презрительно называл его Костя и всячески поддерживал Фрица, когда тот требовал урезать деньги Корнюкова.

“Подумаешь, интеллигент! — говорил он Семёнычу. — Вон у нас смена ему подрастает, аж двое вместо одного!”

Это он говорил о двух приятелях-студентах. Они вот уже два года были в бригаде. Андрюха и Дима, или, как они сами себя величали “Чип и Дейл”, которые, спешат на помощь”.

Неизвестно, как они учились, но на работу приходили исправно и без лишних уговоров скидывались на выпивку, хотя пили мало, а больше покупали “травку”, для покупки которой и подрабатывали в бригаде.

Корнюков приблизился, аккуратно положил в сторону всем уже намозоливший глаза пакет, который всегда таскал с собой, но никто не знал, что у него там.

Он молча за руку поздоровался с мужиками и, присев в сторонке, принялся заниматься любимым делом — протирать стёкла своих древних очков, перемотанных в сердёжке синей изолентой.

В кустах, шагах в десяти от сарая, неожиданно показалась голова Димы-студента.

— Эй! Старче! Мы давно тут, если что, не теряйте нас! — крикнул он.

— Тьфу ты, напугал, чёрт! — ругнулся Фриц.

— А я сразу понял, что они здесь, — откликнулся Корнюков.

— Это как? — спросил Фриц.

— А по запаху, — пояснил Корнюков. — У меня сосед снизу “травкой” балуется. Как затынет, так у меня по квартире этот запах стоит.

Вскоре показался и Семёныч. Он подошёл к сараю, что-то буркнул себе под нос, типа “здравствуйте вам”, и молча стал ковыряться в замке.

— Вы чего, старый, опаздывать изволите? — с ехидцей спросил Фриц.

— Да живот прихватило, — сморщился Семёныч, снимая замок. — Съел вчерась какой-то дряни!

— Не все йогурты одинаково полезны! — передразнил известную рекламу Фриц. — Теперь вас в бригаде, вместе с Костей, двое больных. Давайте на больничный, а то всё равно в полсилы работать будете, а с получкой мы уж сами разберёмся!

— А на что она тебе, получка? — буркнул Семёныч. — Всё одно детям алименты не платишь. Я бы таких как ты, и вовсе не кормил.

Это Семёныч наступил Фрицу на любимую мозоль — тот, чтобы не платить алименты бросившей его жене, официально не работал и подрабатывал где мог.

Дима и Андрюха подошли к сараю и аккуратно, зная, что Семёныч не любит лишней суеты и шума, вынесли инструменты и загрузили, как обычно, на Корнюкова, таскать которые стало с некоторых пор его обязанностью.

Семёныч, убедившись, что ничего не забыли, выдал каждому по паре новых рукавиц. Запирая дверь на замок, он сказал Косте:

— А ты чего опять нажрался? Я сколько раз говорил тебе: не пей перед работой!? Вот выгоню отсюда, так будешь знать! Или, как там, стипендии лишу, вот!

Услышав про “стипендию”, Дима и Андрюха весело переглянулись, а Костя хотел было что-то сказать, но ему стало снова плохо, и он, прикрыв рукой рот и смешно задирая ноги, побежал к своему кусту.

Семёныч покачал головой, махнул рукой и двинулся вперёд, и все пошли за ним. За Семёнычем шёл Корнюков с инструментами, затем Дима с Андрюхой, смеявшиеся меж собой по всякому поводу, и далее Фриц, который оглядывался назад, поджидая вроде бы оклемавшегося Костю.

Они караваном обходили оградки, стараясь пройти там, где трава пониже, которая и без того неприятно мочила штанины.

Наконец остановились у старой могилы.

— Так! Будем знакомиться, — сказал Фриц.

Он открыл калитку, прошёл внутрь и прочитал надпись на памятнике.

— “Самохин Н. Н.”. Понятно, значит клиент женщина. На сколько же она пережила мужа? Ого! Целых семнадцать лет! Слышишь, Семёныч, однако живучие ныне бабы пошли!

Костя обошёл вокруг могилы и заявил:

— Вот с этой стороны оградку надо снять, землю бросать некуда.

— Валяй! — согласился Семёныч, и пока мужики разбирали оградку, разметил размеры будущей ямы.

— А что, отец Серафим, прихожан своих решили навестить? — спросил его уже бойкий Фриц.

— Нет, сын мой, теперь уж они не мои прихожане, а Господа нашего, — ответил отец Серафим и перекрестился. — А что, вы уже закончили?

— Да, и перед хозяином отчитались, — пояснил Семёныч. — Вы бы, отец Серафим, откушали с нами. Это нам на поминание оставили.

— Ну, сие не грешно, помянуть, — сказал отец Серафим и без промедления уселся на место, которое уступили ему Андрюха и Дима, после чего ушли, попрощавшись.

У отца Серафима и без того был хороший аппетит, а после прогулки на свежем воздухе был вдвойне, и поэтому он очень скоро расправился с предложенным ему большим куском окорочка. Шумно отдышавшись, он хлебнул из стакана с кока-колой, поморщился и выплеснул содержимое на землю. Нагнувшись, взял со стола бутылку с водкой, налил почти полный стакан и без раздумий выпил.

Восхищённые Костя и Фриц одобрительно закивали головами, а Фриц немедленно разлил всем в стаканы, не забывая и про отца Серафима. Тот взглядом проследил за этой процедурой и первым, подняв стакан, молча принял “на грудь”.

Солнце пригрело сидевших у сарая. Корнюков в ожидании, когда нальют в очередной раз, читал старый журнал “Огонёк”. Фриц и Костя в невпопад распевали песни своей молодости. Семёныч поменял черенок на лопате Фрица и пригрозил вычесть стоимость черенка с очередной “получки”. Отец Серафим, подбрасывая кости приبلудившейся собаке, принялся доедать баклажанную икру, а когда снова выпили, стряхнул крошки с густой бороды и пропел могучим и красивым голосом вместе с Фрицем и Костей:

А сни-иит-ся нам трава, трава у дома,
Зелё-ё-ё-ная, зелё-ё-ё-ная трава...

Елизавета Ланская

1.

Они познакомились в Москве, перед самой войной, в “читалке” одной из библиотек.

Она заметила его, высокого и худого, не по сезону обутого в лёгкую обувь, укутавшего лицо в длинный шарф, словно это могло помочь ему, простуженному.

Он бесконечно кашлял, виновато оглядываясь вокруг, пытаясь заглушить этот кашель шарфом. И когда она предложила ему горячий чай с молоком из термоса, несколько застенчиво согласился.

Чай действительно помог ему, и он, случайно встретив её в гардеробе, поблагодарил и вызвался помочь донести книги, которые она набрала для чтения дома. Вернее, в комнатухе, которую снимала.

По дороге они познакомились.

Он, Василий Суворин, студент технического вуза, и она, Елизавета Ланская, тоже студентка, без пяти минут хирург.

Оказалось, Василий промочил ноги, и она, не уверенная, что это не повторится, буквально затащила его к себе и отдала ему новые, тёплые стельки для обуви. И пока он подгонял их под свои туфли, вскипел чайник,

и они просидели ещё пару часов за скромным студенческим столиком, пили чай и говорили о современной поэзии.

Василий знал наизусть стихи многих известных поэтов, чем удивил Елизавету, которая не ожидала такой лирической души у технаря.

А он, уходя, пригласил её на вечер с известным поэтом в свой институт.

Она согласилась. Так начались их встречи, и через полгода он признался ей в любви.

Елизавета первой закончила учёбу и уехала, а он учился ещё два года, забрасывая её пачками писем о любви и проклятиями разлуки. Елизавета в ответ почти с каждой полочки присылала ему маленькие посылки со сладостями и тёплыми вещами.

Когда Василий закончил институт и в другом городе определился с работой, Елизавета немедленно переехала к нему, хотя у неё к тому времени была уже своя квартира.

Они поженились и были счастливы. Но это счастье длилось недолго. Началась война.

2.

Война всё перевернула с ног на голову.

Завод, на котором работал Суворин, с полуоборонного мгновенно превратился не только в военный, но в сверхсекретный объект. А сам Василий стал лицом с бронью от призыва в армию.

С Елизаветой же получилось всё наоборот. Её призвали через два месяца после начала войны.

На вокзале, провожая Елизавету, Василий с удивлением разглядывал её шинель, скрывающую стройную фигуру жены.

Он виновато шептал, что так не должно быть, что это не она, а он должен ехать туда, навстречу ужасам войны.

Он жаловался ей, что не понимает, как будет теперь жить без неё.

Она ласково, словно была его матерью, гладила по голове, разглаживала сморщившееся, готовое заплакать лицо, и утешала, что всё будет хорошо и они скоро снова будут вместе.

Эшелон уже тронулся, когда она, оторвавшись от мужа, с трудом догнала свой вагон в сапогах на два размера больше её маленьких ножек.

Война началась для Елизаветы с окружения, из которого остатки армии, в которой она находилась, выбирались два с половиной месяца. Затем снова передний край и снова окружение. И теперь её саму, тяжело раненую, вывезли последним самолётом на Большую землю. Через полгода госпиталей она вернулась на фронт.

За это время Василий получил лишь несколько весточек от неё. Он отвечал ей длинными письмами о любви и о неустроенности своей жизни без неё.

Она тоже писала о любви, опуская подробности об ужасах войны.

О том, как с начала войны ей уже несколько раз пришлось участвовать в боях. А однажды, под Сталинградом, прорвавшийся в тыл немецкий танковый десант передал гусеницами весь полевой госпиталь. И один из танков промчался через её операционную палатку, разметав и превратив в месиво весь её обслуживающий персонал, оставив в живых её одну, прикрывшую собою раненого солдата на операционном столе.

И спустя несколько минут, когда едва осела пыль и гарь от танка, она с помощью двух легкораненых продолжила операцию.

Один майор, которого она буквально вытащила с того света, на прощание оставил ей пистолет, подарочный трофейный “вальтер”, стрельба из которого вдруг стала её единственным любимым занятием.

В конце войны на устроенной по случаю какого-то праздника вечеринке, красавец капитан, вызвавшийся помочь Ланской отнести посуду на кухню, вдруг схватил её там и стал целовать, лихорадочно расстёгивая пуговицы её гимнастёрки. Но едва луна осветила красивую, ещё девичью грудь и голубые, холодные глаза Елизаветы, как он почувствовал возле сердца дуло того самого “вальтера”.

— У-убь-ёшь? — спросил, заикаясь, капитан.

— Убью! — спокойно ответила она.

Капитан отпустил её, виновато понурил голову и ушёл.

3.

Война закончилась для неё неожиданно, под Прагой, за операционным столом, когда вдруг началась беспорядочная стрельба и раздались восторженные крики: “Победа!”, а выбежавшая на шум и снова забежавшая в палатку молодая сестричка со слезами на глазах подтвердила: “Победа!”. Елизавета лишь на секунду закрыла глаза и вместо очередной команды обратилась к ней: “Нужна тишина!”. Сестричка снова выскочила из палаты, и через некоторое время наступила тишина.

“Продолжаем”, — распорядилась Елизавета, и все, уняв заметную дрожь в руках, продолжили выполнять её команды.

Через час, когда Ланская вышла после операции наружу, то увидела, что весь госпиталь и все раненые, которые могли стоять на ногах, толпились вокруг в ожидании её появления.

Елизавета устало шагнула к ним, снимая маску, и все увидели её красивую улыбку и счастливые глаза.

“По-бе-да-а-а!!!” — снова выкрикнул кто-то. А потом подхватили все. И эти крики потонули в бесконечной пальбе из оружия. словно люди хотели навсегда отстрелять все патроны, которые у них остались после этой войны. И застывшая на бинтах кровь, размокшая от слёз радости, каплями росы опадала на траву. Люди, словно сумасшедшие, качали и носили на руках друг друга. Тяжелораненые выползали с палаток и беззвучно плакали, глядя на ошалевшее от счастья столпотворение.

Вскоре Елизавету демобилизовали. Сначала она ехала на Восток воинскими эшелонами, а потом и просто пассажирскими поездами. В одном из поездов она уснула, положив голову на колени старого солдата, который тихо гладил её волосы и шептал соседям: “Яка гарна дивчина, а воюе!”.

Родной город встретил Ланскую едва заметным рассветом, и она прошла к своему дому по пустынным улицам. У двери она уже подняла руку, чтобы постучаться, как вдруг увидела, что в замочной скважине с обратной стороны нет ключа. Елизавета опустила с плеч вещевой мешок, развязала его и достала из самой его глубины свёрток, в котором лежали “вальтер”, ордена и медали, и ключ от квартиры, который она хранила как талисман. Ключ послушно вошёл в скважину. Из квартиры пахнуло незнакомым или просто забытым ею запахом. Елизавета закрыла дверь и тихо прошла из прихожей в спальню.

На кровати она увидела спавшего на спине мужчину и прикорнувшую рядом толстую девицу, чья жирная ляжка бесстыдно выглядывала из-под одеяла.

Елизавета выронила из рук вещмешок, он гулко стукнулся об пол, и девица проснулась. Увидев незнакомую женщину, она страшно завопила.

Елизавета испугалась этого крика и схватила лежавший на самом верху открытого вещмешка пистолет, рассыпав из свёртка ордена и медали.

Девица, увидев пистолет, завизжала от страха, и Василий — а это был он — проснулся. Он мгновенно присел на кровати, схватил с тумбочки очки, пытаясь разглядеть едва заметную тень человека в глубокие комнаты.

Елизавета повернула пистолет в сторону визжавшей девицы, но, видя, как Василий прикрывает её, выстрелила в него. Пуля пробила его очки и размозжила голову, разбрызгав кровь по стене. Василий медленно осел на подушку. А Елизавета, не спуская с него глаз, не глядя, стреляла в толстую девицу, пока не кончились патроны и та не смолкла.

Она так и стояла там, пока не приехала милиция. И потом, сидя на стуле у стены, молча наблюдала, как эксперты вытаскивают из лужи крови пистолет и её награды.

Так началась другая жизнь Елизаветы Ланской.

3.

Освободившись, она осталась в этом северном городе, где отбывала срок. Буквально через год стала лучшим хирургом округа. И поняла, что её руки, чудо-руки, ничего не забыли и всё помнили. Даже не разучились стрелять. Как-то на одном пикнике она разглядывала неизвестную ей модификацию карабина. И когда один из мужчин что-то пошутил по этому поводу, попросила его подбросить в воздух пустую банку и пробила её первым же выстрелом. Все мужчины наперебой безуспешно пытались повторить это, а она оправдывалась и говорила, что это случайность. И после этого уже никогда не брала в руки оружия.

Красивая и самодостаточная, Елизавета как магнитом притягивала к себе мужчин, но все они получали сухой отказ в ухаживаниях. А через пять лет неожиданно для всех родила сына, которого воспитывала весьма сурово и требовательно.

Однажды в Москве, где Ланская была в командировке, в дни майских праздников она случайно проходила около Большого театра, где собирались ветераны войны. И многие узнали её, ибо редко какой фронтовик прошёл войну без ранения. Все окружили Елизавету, благодарные и счастливые. Обнимали и целовали руки. И она помнила всех. Нет, не по фамилиям, а по ранениям. И скромно улыбалась им, обязанным ей жизнью. Но обласканная и обожаемая, Елизавета при первой возможности ушла отсюда. Война всегда была для неё тягостным воспоминанием, которая, как ей казалось, забрала у неё всё, что можно забрать у женщины. Забрать, чтобы уже никогда не вернуть.

г. Сатпаев Карагандинской обл.

Юрий ПОМИНОВ

Хроника СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Записки редактора

Книга вторая

(Продолжение. Начало в № № 1-11 за 2009 год)

14 ноября

Опубликовали, наконец, “Вагон особого назначения”. Скажу без ложной скромности: такие материалы в нашей газете появляются не часто. И дело не в каких-то его литературных достоинствах — просто сам по себе факт уникальный. Спасибо А. С. Саркыншакову за подаренный сюжет и за согласие на публикацию, к чему я склонял его не один месяц.

Начинаем жить по законам дикого Запада. В обед на лестничной площадке, у своей квартиры, выстрелами в грудь и в голову был убит местный предприниматель — директор малого предприятия. Убийство квалифицируется как заказное: хватило бы и выстрела в грудь, второй по терминологии киллеров, то есть наёмных убийц, оказывается, был “контрольным”.

15 ноября

Казахстанский премьер С. А. Терещенко рассказал по ТВ о некоторых деталях переговоров с россиянами, закончившихся появлением тенге. По его словам, Россия запросила с Казахстана за вхождение в рублёвую зону нового типа полтора миллиарда долларов, включая весь золотой запас, плюс обязательство в течение пяти лет не вводить свою валюту.

Н. А. Назарбаев в интервью “Комсомолке” сказал, что, если бы Казахстан принял и эти кабальные условия, нашлись бы другие — ещё более неприемлемые. И далее Н. А. открытым текстом заявил: высшее руководство России в данном случае поступилось стратегическими интересами во имя сиюминутных экономических.

Получили в банке новые деньги для сотрудников. Завтра будем выдавать. Много звонков в редакцию, люди возмущаются и тем, что возникают сбои с обменом, и тем, что одновременно с вводом своей валюты повысились цены — на хлеб, макароны и крупы, в среднем в пять раз. Будут регулироваться цены на мясо, молоко, некоторые другие товары. Премьер С. А. Терещенко сказал, что будут введены ограничения на неоправданный рост зарплат.

Приходил В. Галенко — бывший “экомовец” и бывший депутат облсовета, а теперь активист “Славии”. Теперь он и его сподвижники борются за институт двойного гражданства в Казахстане. Галенко, ссылаясь на прогнозы неких солидных социологов-политологов, на полном серьёзе говорил, что спокойная жизнь в Казахстане скоро закончится — таковы уж реалии; национальная валюта, как и строительство национального государства, — это ненадолго... И, в

конец концов, северные области Казахстана отойдут к России... А посему каждому из нас надо определяться...

Уж от кого я только это не слышал — про то, что надо определяться, начиная от коммунистов и заканчивая новоявленными демократами и национал-патриотами с обеих сторон... Отвечая Галенко, сказал: передел границ — это всегда кровь, жертвы, война... Сказал, что не собираюсь становиться рупором движения, к которому он примкнул, но информировать читателей газеты о тех или иных шагах “Славии” мы будем; если потребуется — и с комментариями. Он напоследок сообщил: в области собрано уже десять тысяч подписей за введение в Казахстане двойного гражданства.

В минувшее воскресенье специально ходил на барахолку. Записал некоторые цены: валенки — 50-100 тысяч рублей, банка растворимого кофе — 70 тысяч, блок американских сигарет (десять пачек) — 120 тысяч, женские зимние сапоги — от миллиона рублей. Понятно, что люди избавляются от старых российских рублей, ставших ненужными. Но торговцы-то куда их девать будут? Или есть каналы?

16 ноября

Публикуем снимки национальной валюты — 1, 3, 5, 20, 50 и 100 тенге, на которых изображены выдающиеся предки казахов (от 100 до 1 тенге) — Аблай-хана, Абулхаир-хана, Абая, Чокана Валиханова, Курмангазы, Суинбая (акын), Аль-Фараби.

Есть ещё разменная монета, но не металлическая, а тоже бумажная достоинством 50, 20, 10, 5, 2 и 1 тиын.

Сегодня — вторник, а в воскресенье на барахолке всю меняли деньги — старые российские — на новые: сначала — один к пяти, а к концу дня — один к десяти. Предлагались к обмену доллары и немецкие марки, но втихаря, из-под полы, по какому курсу, — я так и не узнал...

17 ноября

Получили новые деньги. У нас на двоих с Ольгой вышло аж 260 тенге. О. уже прошла по магазинам и кое-что прикупила...

Вчера Эльдар Рязанов выдал очередную авторскую передачу, героем которой стал Б. Н. Ельцин. Это натужное представление под названием “Мужской разговор” оставило у меня тягостное впечатление. По меньшей мере неуклюжими выглядели попытки Рязанова расшевелить своего собеседника, как-то обострить разговор. На большинство вопросов ответов не последовало, да, наверное, их и не могло быть. И хотя прославленный режиссёр не раз подчёркивал, что он совсем не боится Бориса Николаевича, выглядело это подобострастно-неубедительно.

Запомнились слова Ельцина о Горбачёве, к которому у Б. Н. нет уважения — ни как к человеку, ни как к политическому деятелю. Говоря о себе, Б. Н. заметил: для поддержания его самого в хорошей рабочей форме надо создавать ему экстремальные ситуации — образно говоря, чтобы кто-то время от времени регулярно ширял ему в зад шилом.

Рязанов спрашивает: не надо ли, как в Чехословакии, объявить коммунистический режим преступным? Спрашивает человек, ставший всесоюзно (и даже отчасти всемирно) известным именно в пору коммунистического правления... Ельцин, тут надо отдать ему должное, заметил: он не собирается применять к своим оппонентам подобных мер.

Рязанов спрашивал: почему Ельцин не обратился к народу в ночь с 3 на 4 октября (перед штурмом парламента), почему Москва оказалась безоружной

перед бесчинствующими сторонниками Верховного Совета, зачем были награждены высшими наградами России “герои-победители” захвата “Белого дома”? Ни на один из этих вопросов ответа не прозвучало... Как и слов покаяния, хотя в ходе тех октябрьских дней только по официальным данным в Москве погибло 142 человека.

Зато Б. Н. всерьёз уверял, что в случае победы Руцкого с Хасбулатовым они бы его непременно расстреляли.

Думаю, всё же не должен такой деятель искусств, как Рязанов, делать подобное... Его место — быть подальше от власти, тем более — такой власти. По-человечески мне понятно желание режиссёра поддержать президента, которому он симпатизирует. Но это неуклюжее порхание Рязанова вокруг Ельцина, эти выдавливаемые из себя неудобные вопросы, на которые не было и не могло быть ответов, выглядели по меньшей мере недостойными мастера и любимца народа. И результат передачи, по-моему, получился прямо противоположный задуманному.

Сегодня республиканское радио несколько раз передало информацию — самораспустился (то есть сложил полномочия) Алатауский райсовет Алматы. Не есть ли это начало конца Советов вообще?

Б. В. Исаев вручил мне Почётную грамоту Республики Казахстан, подписанную Н. А. Назарбаевым. Б. В. заметил при этом: бывали времена, когда он только в одном Иртышском районе вручал по итогам уборки более 300 наград за раз, а тут — всего три на всю Павлодарскую область.

18 ноября

Авария с человеческими жертвами в Экибастузе. На дренажной шахте, на глубине 400 метров, произошёл сильный взрыв метана. Часть людей успела подняться на поверхность, но внизу ещё остаются шесть проходчиков. Обнаружено и поднято тело только одного. Судьба остальных — неизвестна. Подобных аварий в Экибастузе не было 35 лет.

Оказывается, в предыдущие ноябрьские дни 10, 11, 12 ноября был побит, выражаясь языком специалистов, абсолютный минимум температуры за все годы наблюдений. Зафиксирован мороз, соответственно, 31,1; 31,6; 31,1 градуса. Нечто подобное фиксировалось лишь в 1953 году. А наблюдения ведутся метеостанцией с 1933 года. Хотя вообще-то, объясняют в нашей газете метеорологи, ноябрьские 30-градусные морозы в эту пору обычное дело, 25-30 ноября 1952 года температура понижалась до 35-40 градусов.

Россия озаботилась, наконец, судьбой соотечественников, помимо собственной воли оказавшихся за пределами исторической родины. Председатель комиссии по вопросам гражданства при президенте РФ А. Микитаев заявил о том, что Россия несёт моральные обязательства перед этническими россиянами, оставшимися за её границами. Она заинтересована в том, чтобы “наши соотечественники стали полноценными гражданами тех бывших союзных республик, где они проживают, но при этом должны быть обеспечены все условия для тех, кто пожелает вернуться в РФ”. Кроме того, отметил А. Микитаев, необходимо иметь международные соглашения о двойном гражданстве. В качестве примера он привёл Канаду и Францию, подчеркнув: “Институт двойного гражданства — путь к доверию между государствами”.

У руководства Казахстана на этот счёт прямо противоположная точка зрения: если все этнические русские, да и не только русские, захотят получить, кроме казахстанского, ещё и российское гражданство, то в Казахстане окажется до 30 и более процентов людей с двумя паспортами. Что это будет за государство?

20 ноября

Все эти дни рассылаем журналистов по присутственным местам, где меняют деньги, разбираются с нестандартными случаями, а также по магазинам, базарам и т. д.

У одной женщины оказалось на руках 53 миллиона старых российских рублей. В Павлодаре они с мужем продали всё, что имели: квартиру, дачу, гараж, лодку, часть мебели, причём почти на всё есть документы. Намеревались перебраться жить на Алтай. Хотели на эти деньги купить там дом, а им говорят: везите справку, что не принимали казахстанского гражданства. Пока они ездили туда-сюда, в России запретили хождение старых денег, а у нас ввели новые... Теперь комиссия при Индустриальной райадминистрации будет разбираться с этим случаем особо. Но то, что эти люди уже пострадали и ещё пострадают, очевидно...

Тяжело приходится и тем, у кого кто-то умер в эти дни. Установленных для обмена ста тысяч рублей не хватит даже на самые скромные похороны... Кому-то дают разрешения на обмен большей суммы, но не всем.

В остальном обмен происходит более-менее ровно, спокойно. Что-то стало появляться в магазинах. Вот некоторые цены, зафиксированные нашими журналистами в коммерческих магазинах: женские сапоги (отечественные) — 340 тенге (меняли, напомним, всего по 200 тенге на человека); костюм мужской — 242, ликёр “Амаретто” — 35, сигареты “Астра” — 3, водка “Пшеничная” в фирменном магазине нашего винно-водочного завода — 4,6 тенге.

Некоторые банки, не дожидаясь установления официального курса, продают тенге за доллары и рубли: по 250 российских рублей за тенге и по 4,7 тенге за доллар.

Наша газета также попала в щекотливую ситуацию. Мы не смогли вовремя начать продавать её в розницу, потому что установили стоимость номера 50 тьынов, а разменной монеты ещё не было... Теперь она появилась, и газету по этой цене люди берут...

Столичные райсоветы — Алатауский, а за ним Ленинский и Октябрьский — заявили о прекращении своих полномочий... “Советы во многом остаются синонимом прежнего режима и идеологии...”. “Инициаторы” призывают сделать то же самое другие Советы. Желаящие “поддержать коллег” наверняка найдутся...

Из сегодняшней криминальной хроники... В Павлодаре задержали машину с омскими номерами, в которой обнаружили 72 миллиона старых российских рублей. На них хозяин дорогой иномарки — джипа собирался купить в Павлодаре ещё одну машину. Деньги у него изъяли, а самого посадили в изолятор (нашли в машине ещё и холодное оружие).

А из здания Павлодарского райсуда таинственным образом исчезла уникальная коллекция холодного оружия — 20 ножей — вещественных доказательств по разным уголовным делам. В суде даже не знают, когда была совершена кража, но подозревают неработающего (!) гражданина...

Установлены курсы национальных валют по отношению к тенге: 10 долларов — 47 тенге 04 тиына; французский франк — 0,8 тенге; 10 японских иен — 44 тиына; 100 российских рублей — 40 тиынов...

22 ноября

Н. А. Назарбаев освободил сразу четырёх глав облдминистраций, ещё один сам подал в отставку.

Складывается впечатление, что Н. А. поддерживает идею самороспуска Советов, хотя публично никак на эту тему не высказывается. Мне был звонок из пресс-службы президента — просят подготовить материал о необходимости реформирования Советов.

Позиция Верховного Совета на этот счёт изложена в заявлении его пресс-службы — парламент против досрочного добровольно-принудительного роспуска местных Советов.

Председатель облсуда прислал мне официальное письмо, в котором предупреждает уже об уголовной ответственности за невыполнение решения суда. Публикация комментария в одном номере с опровержением, пишет он, фактически дезавуирует решение суда, а посему оно остаётся невыполненным. Нам предписывается опубликовать опровержение... Но этот раз, насколько я понял, нашего собственного комментария...

Наш адвокат Г. А. Дворникова тоже считает, что я поспешил с комментарием — надо было дать его в следующий номер, после опровержения. А пока собираемся с ней писать надзорную жалобу в Верховный суд. Но надо будет, наверное, и лично объясниться с председателем облсуда.

Ещё одна гадость: узнал сегодня, что в учредителях некоего ТОО «Полимакс» состоит наш бывший заведующий рекламно-коммерческим отделом и ещё два журналиста. На счету у ТОО один миллион 150 тысяч рублей и выполняет оно все те же услуги, что делали по договорам с одной новосибирской фирмой мы — визитки, штампы, оснастку для печатей и т.д. Вот что творилось у меня под носом.

Идут неплохие отклики о моей книжке «Помню и люблю». Жена Побережниковой, Вера Кирилловна, говорит: «Запустила из-за тебя всё хозяйство, читая...». И добавила: сам П. А. читал ночью и даже ходил курить, растроганный и взволнованный...

Зашёл Ю. А. Ковхаев: «Ты меня приятно удивил — хороший язык, образно, согрето любовью и искренностью...».

Впрочем, наш Димка уверял меня, что ковхаевская книжка всё равно лучше — у него настоящие герои, а у меня почти одна родня да знакомые.

Пашка (наш, ему четыре года): «Я ненавижу белый цвет и ненавижу чёрный цвет!».

23 ноября

Прочитал в «Комсомолке»: в Грузии для очень многих семей хлеб становится не просто главной, но едва ли не единственной пищей... Люди по многу часов выстаивают в очередях за хлебом, который продаётся по норме 300-400 граммов на человека.

В Армении, кроме продовольственной, ещё одна неразрешимая проблема: некому и негде приводить в исполнение смертные приговоры. Раньше “смертников” возили для этого в специальные расстрельные тюрьмы Союза. Союза теперь нет, и приговорённые к смертной казни ждут своей участи уже по нескольку лет. Один из них за это время успел убить сокамерника и теперь ещё поживёт — по меньшей мере до тех пор, пока не закончатся следствие и суд по этому новому уголовному преступлению.

Даём в следующем номере письмо “Славии”, отстаивающее идею двойного гражданства, и интервью с прокурором области по этому поводу, скорее, поддерживающим “Славию”. Опять будет скандал...

Российские СМИ сообщили, что Центральный музей В. И. Ленина закрыт на демонтаж экспозиции. Здесь планируют разместить Московскую городскую думу.

В Павлодаре уже с неделю простаивают более сотни лифтов в подъездах многоэтажных домов. В том числе — и в нашем подъезде. Причина — сильные морозы, оборудование замерзает. Но холода — не единственная причина: подъезды, лестничные клетки нашего и других 12-этажных и 16-этажных домов являют собой жуткую картину. В нашем подъезде есть глухая лестница, предусмотренная на “всякий случай”, когда нельзя (или кто-то не хочет) воспользоваться лифтом. Большинство окон между этажами на этой глухой лестнице выбито, а сама она превращена в общественный туалет — здесь гадят не только “по-малому”, но и “по-большому”. Теперь, когда лифты остановились, вся эта дикость видна невооружённым глазом. Окна на этой лестнице срочно закладывают кирпичами, оставляя лишь небольшие просветы наверху. Без них, наверное, нельзя по технике безопасности, но не только: все лампочки на лестнице давно разбиты, как, впрочем, и патроны, в которые они когда-то были ввинчены... Ночью на лестнице непроглядная темень, ходить в эту пору по ней — занятие не для слабонервных.

25 ноября

День рождения Даньки. Помню, как Ольга показала мне его — в окно Михайловской больницы, где она рожала. О. говорила потом: “У тебя было такое глупо-счастливое выражение лица...”. А про Даньку говорила, что когда она его увидела, у него сразу было осмысленное выражение лица, хотя обычно у только что родившихся детей взгляд рассеянно-блуждающий: где это, мол, я, куда попал? Теперь ему уже шестнадцать, ростом с меня, на следующий год заканчивает школу. Почти взрослый... Будем отмечать: приедут тёща Александра Яковлевна, все Лихановы, брат Петька...

Распад советской системы набирает обороты. У нас “инициаторами” самороспуска выступили щербактинцы. Конечно же, это организованная инициатива. Роберт Штарк написал по моей просьбе материал на эту тему: “Вместо власти советской — представительная”. Суть: не надо препятствовать самороспуску Советов, но и подталкивать этот процесс не надо... Хотя процесс уже давно пошёл... И речь уже не только о местных Советах. В “Казправде” жёсткий по тону и содержанию материал без подписи “Верховный Совет как зеркало нашей демократии”. Цель очевидна: подтолкнуть к самороспуску и Верховный Совет. И хотя в ответ группа парламентариев выступила с резким заявлением протеста в “Советах Казахстана”, наверное, сочтены дни и Верховного Совета.

В. Г. Семерьянов написал хорошую частушку на введение национальной валюты:

*Я люблю вино и бражку,
Пошататься по пурге,
А ещё люблю казашку,
У которой есть тенге!*

Я предложил заменить “казашку” на “милашку”, а Ольга придумала самый лучший вариант — “Кульпашку”. Это наша журналистка-нештатница, настоящая красавица Кульпаш Конырова. Теперь она будет увековечена в русском народном творчестве.

Моя книжка появилась в киосках “Созпечати”. Стоит 50 тьинов (полтенге), из которых нашему малому предприятию достанется всего 20, остальные забирают продавцы. Глупо, несправедливо, но таковы их условия. Гонорара за эти книжки нам, их авторам, также не полагается. Но я не переживаю — главное есть книжка и, кажется, неплохая.

27 ноября

Самолёт из Павлодара в Москву, ещё недавно летавший ежедневно, теперь летает всего три раза в неделю. Не набирается пассажиров... А два с половиной-три года назад летом на Москву было два рейса в сутки и невозможно было взять билет.

В Качирском районе вторую неделю не ходят по сёлам автобусы — нет бензина, запасных частей, и полсотни машин стоят на приколе... И никому нет дела до того, что сельские жители не могут попасть в райцентр, навестить родственников в соседнем селе — добраться туда, куда им нужно.

Группа пенсионеров из Баянаула прислала письмо: живём как на необитаемом острове — радио давно не работает, газеты приходят на второй или третий день, пользуемся слухами...

Наша В. С. Богормистова, действуя наперекор всем тяготам бытия, решила отыскать среди наших земляков тех, кто ощущает себя счастливым. Дали её заметку под заголовком-призывом “Счастливые, откликнитесь!”.

Я не особенно верю в эту затею, но и мне интересно — отзовётся ли кто-нибудь?

Из рецензии Л. Гришиной на мою книжку “Помню и люблю”: “Работа в газете — тяжёлый труд. Должность редактора — и подавно, особенно сегодня. Написать, будучи редактором, не дежурную брошюрку, не конъюнктурную книжицу-однодневку, а нормальную, запоминающуюся и радующую человеческую вещь — это очень непросто. Но это, к счастью, случилось...”.

1 декабря 1993 года

Сегодня впервые в жизни менял в банке деньги — тенге на новые российские рубли. Это продолжение всё той же предпринимательской эпопеи — Ольги-на сестра Лена привезла из Новосибирска всякую мелочёвку, практически за день продала. Но как раз в этот день Россия отменила обращение своих старых рублей, и Лена с ними “зависла”: менять их по грабительскому курсу на новые — значило полностью прогореть, и после долгих мытарств я на свой страх и риск всучил их знакомому предпринимателю — пусть, мол, у тебя крутятся, а там

видно будет... В конце концов он отдал мне их в тенге — практически по номиналу, и теперь я должен был обменять эти тенге на новые российские рубли.

Казалось бы, чего проще! Курс тенге к рублю официально объявлен, иди в банк — покупай рубли. Но в том-то и дело, что свободной купли-продажи дефицитных рублей в банках нет... Обращаться к базарным “менялам” опасно... Поэтому-то и попросил о помощи одного из высших чинов обл администрации, который, в свою очередь, “передал” меня одному из “крутых” банкиров.

И вот я у него в приёмной, где, кроме меня, уже с десяток человек. Сообщил секретарше — кто я и что у меня назначена встреча с её шефом. На неё это не произвело никакого впечатления. Она объявила: первым пойдёт такой-то, остальные только — в порядке очереди... Названный первым был представителем скандально известного концерна, замешанного в финансовых махинациях, как раз в эти дни шло судебное разбирательство... “Хороши же тут порядки”, — подумал я... Но тут в приёмную вышел из своего кабинета директор банка, увидел меня и сразу отвёл в какую-то комнату, отдал соответствующие распоряжения...

Мне было велено заполнить анкету отъезжающего на постоянное место жительства в Россию — именно это обстоятельство служило основанием для обмена. Я, чертыхаясь про себя (“Не хватало ещё, чтобы эта анкета попала в обл администрацию...”), стал заполнять... Вся процедура оформления заняла с полчаса... Потом ещё с час ждал кассиршу, зато в итоге получил за тысячу тенге 238 тысяч российских рублей. Эта сумма с лихвой оправдывала Ленкин предпринимательский вояж к нам. Но чего всё это стоило!

На работе новый скандал. Позвонил прокурор области — намерен прислать мне официальное письмо по поводу неэтичного поведения одного из наших журналистских мэтров. Тот позвонил ему по “вертушке” от замредактора, попросил о конфиденциальной встрече, а говорил на ней о деле своего сына, которого обвиняют в хулиганстве — на его взгляд, предвзято. Прокурор сказал мне, что поставил мэтра на место, и тот, представившись известным журналистом, ушёл от него, потеряв лицо. Что же до сути дела, то сын нашего мэтра, оказывается, ранее уже привлекался за хулиганство.

В “ЗП” издавна действовало правило: никогда не использовать свою принадлежность к газете для решения личных проблем... Вполне понятно желание отца помочь в трудную минуту сыну, но вся эта история дурно пахнет, о чём я сказал нашему мэтру, добавив, что не собираюсь применять к нему никаких санкций...

Верховный Совет Украины отменил собственное решение о сокращении срока службы с двух до полутора лет. Причина в том, что служить некому. И теперь тем, кто уже демобилизован, предписано дослуживать. Командиры частей ломают голову — как их вернуть в армию обратно? Чем не театр абсурда?

2 декабря

Опять заболел: то ли простуда, то ли грипп меня сломали. Не помог, а скорее усугубил процесс позавчерашний поход в бассейн и сауну. Теперь у меня опли по колено, в горле будто наждаком прошлись, а глаза — слезливо-красные, как у разъярённого быка.

Болезнь — и хорошо, и плохо. Плохо, потому что дел, как всегда, много, а хорошо потому, что есть возможность выпасть из дикой, часто противоестественной круговерти, именуемой работой.

Л. Гришина написала хороший материал по поводу волны “добровольного” самороспуска Советов — полустественного-полунасильственного... Заголовок — “Опять на зеркало пеняем?”. Суть: то партия нам мешала жить хорошо, то теперь Советы... Когда, наконец, научимся расставаться с прошлым по-людски?

Да, давно ли демократы шли на выборы под лозунгом “Вся власть Советам!”. Теперь и эти “органы народовластия” спешно отправляют на свалку истории. Хотя неизвестно ещё, что родится взамен.

Перечитал кипу газет. Примечательное интервью в “Независимой газете” с Никитой Михалковым: о недавних октябрьских событиях, Руцком, демократах — бывших коммунистах, интеллигенции... Глубокий, умный, трезвый взгляд на вещи... И ни малейшей боязни о том, что о его позиции подумают или напишут другие. Богата русская земля талантами.

4 декабря

Суббота. Почти оклемался. Даже погулял немного по сухому приятному морозцу.

Вчерашний день провёл в консультациях по поводу всё того же злосчастного опровержения — сперва с прокурором области, потом с председателем областного суда. Первый сказал мне, что ничем помочь не может. Разговор со вторым был нелёгкий, тягучий: какие-то мои аргументы он принял и заметил, что, если бы я пришёл раньше, этой тупиковой ситуации не было бы. Договорились: даём заметку в несколько строк о том, что наш комментарий в одном номере с опровержением публиковать было нельзя, ибо он дезавуирует решение суда.

Потом К. М. Мейрамов довольно интересно рассказывал мне о своей работе в Москве — в качестве члена Верховного Совета СССР.

Вчера же встречался со знакомым чиновником из пресс-службы правительства и лишний раз убедился: за “добровольным” самороспуском Советов стоит хорошо срежессированный сценарий. В частности, пресс-служба дирижирует “хоровым пением” в республиканских СМИ, обеспечивая всей этой кампании надёжное идеологическое прикрытие. И вот уже помаленьку самораспускаются и областные Советы.

Ю. Ковхаеву, по-моему, удалась его повесть из недавно изданной нами книги “Волька Баклан”, особенно её довоенная часть — яркая, сочная, ароматная... Хотя её герой и по-своему ущербен...

“Шагом отчаяния” назвал действия высшего советского руководства в августе 1991 года бывший председатель КГБ СССР В. Крючков в своих показаниях по делу ГКЧП.

В Павлодаре прошёл митинг “Азата”, который осудил провокационное предвыборное выступление по “Останкино” лидера ЛДПР В. Жириновского и потребовал его привлечения к суду — как разжигателя межнациональных конфликтов.

Досталось и “ЗП” — за публикации, посвящённые проблеме двойного гражданства, хотя мы за эту идею не агитировали, а лишь излагали позиции её сторонников и противников.

6 декабря

... Дочитал в “Дружбе народов” переписку композитора Исаака Дунаевского с Людмилой Головиной. Поразительный человеческий документ — роман в письмах. Он — преуспевающий человек, имеющий всё, о чём только можно мечтать: славу, почёт, деньги... Она — сперва студентка МГУ, потом — женщина с несложившейся судьбой, затурканная жизнью: дети от разных мужей, постоянные лишения, безденежье...

И вот между ними завязывается переписка: оказывается, баловню судьбы, всенародно любимому композитору (хотя на самом деле в его жизни всё было гораздо сложнее, чем большинству виделось) нужна была подпитка, некое “интеллектуальное взбадривание” со стороны подчас незнакомых ему людей, которые делились с ним самым сокровенным, открывали ему свои души, затрагивая при этом и струны его собственной души.

Эта переписка с Головиной, прерванная войной, продолжалась не одно десятилетие. Она то затухала, то нарастала... Временами казалось: эта духовная дружба вот-вот перерастёт в новые отношения. Казалось, Дунаевский сам провоцирует на это свою корреспондентку... А когда она со всем жаром сердца заявляет о своём интересе к нему как к мужчине, он начинает уверять её, что их отношения неизмеримо выше, но они совсем иного свойства...

А на неё обрушиваются несчастья одно за другим, ей невероятно тяжело просто сводить концы с концами с тремя детьми... В письмах же — высочайшие порывы души... Как всё же безмерен человек во всех своих проявлениях!

Думаю, этому “роману в письмах”, который увидел свет благодаря исследователю творчества И. О. Дунаевского Науму Григорьевичу Шаферу, уготована долгая жизнь. Тем более что эта переписка должна выйти и в книге — в популярнейшем приложении к журналу “Дружба народов”.

8 декабря

Заседание редколлегии “по делу” В. Б. Тягучий неприятный разговор, когда стороны решительно не понимают друг друга. Меня члены редколлегии упрекали в мягкотелости, в том, что я создал В.Б. особые условия, вот он и возомнил... А сам он больше говорил о кознях, что против него строят (хотя ничего этого нет), чем о своих промахах. Некоторые настаивали на его увольнении по статье, но я уже решил (и это моё право) подписать его заявление об уходе по собственному желанию.

Опять поругался с чиновником обладминистрации, который, как принято говорить, нас курирует. Мы дали заметку о конференции республиканского общества “Лад”, обсуждавшем проблему двойного гражданства (только в нашей области собрано 14 тысяч подписей “за”) и не дали (просто не успели в номер) консультацию наших же чинов УВД о процедуре принятия казахстанского гражданства... Ну и пошло-поехало — слово за слово... Я наговорил резкостей, надо полагать, теперь доложат “куда следует”...

Понимаю — надо как-то по-иному с ними говорить, но терпения не хватает выслушивать их претензии или нравоучения...

Сегодня должна открыться сессия Верховного Совета республики. Если, конечно, вообще откроется...

Накануне группа народных избранников высшего законодательного органа власти, заявивших о сложении депутатских полномочий, попросила Н. А. Назарбаева о встрече. И во время её все выступавшие наперебой призывали с трибуны к самороспуску Верховного Совета. Поскольку разнообразием аргументов они не

блистали, всё это походило на дурную пьесу. В результате президенту ничего не оставалось кроме как согласиться с ними (что же тут делать, коли сами так просят!), и предложить провести досрочные выборы побыстрее — 7 марта, а не 28 мая, как некоторые предлагали. Ведь новый парламент нужен срочно, а в мае — сев, другие заботы.

О нынешнем Верховном Совете Н. А. говорил уже как о покойнике — только хорошее: работали дружно, без распрей, приняли новую Конституцию и т.д. Как будто не было критических залпов по парламенту в “Казправде” и других республиканских СМИ...

Уже самораспустились пять областных, несколько городских, более сотни районных Советов. У нас в области в “передовиках” щербактинцы, успенцы, иртышане, краснокутцы. Остальные затаились и ждут. Кстати, ни один депутат облсовета не пришёл ни в Совет, ни к нам в редакцию с предложением о самороспуске. И дело тут отнюдь не в приверженности народных избранников власти Советов, скорее, им глубоко плевать на его судьбу, хотя многие и не одобряют устроенного верховной властью соревнования — кто кого опередит в стремлении к самороспуску.

Куда честнее было бы издать один-единственный государственный акт для Советов всех уровней — о досрочном завершении их полномочий, однако же надо форму соблюсти — вот и устроили кампанию-фарс...

Заготовил речь на случай нашего депутатского собрания:

“У нас похороны — хороним Советы. Во все времена, у всех народов считалось долгом провожать усопшего в последний путь достойно, с почестями или если без них, но по-человечески. Мы же вместо отпевания или мусульманской молитвы, иначе говоря, без просто доброго слова, выбрасываем его на свалку... Пусть даже это свалка истории... Поэтому я голосую против такого обращения с покойным!”.

9 декабря

Из информации КазТАГ (публикуем): Казахстан выполнил все межправительственные соглашения по поставкам зерна. Всего странам СНГ отправлено его 8,2 миллиона тонн — на миллион с лишним больше, чем планировалось. Почти половину этого хлеба купила Россия.

Остановилось производство на некогда процветающей мебельной фабрике “Арай”. Причины всё те же: нет сырья, 90 процентов которого прежде поступало из России.

Большой хороший материал П. В. Лефлера из колхоза имени 30-летия Казахской ССР. За последние пять лет отсюда уехали в Германию 3018 человек. Это 646 семей из 960 (67 процентов). Уехали председатель и большинство главных специалистов.

Никто из эмигрантов в Германии не бедствует, но тоска по оставленной родине берedit многим душу и там. Прошлым летом 43 бывших колхозника купили (или наняли) автобус и своим ходом добрались до родных Константиновки и Равнополя. Повидались с односельчанами, побывали на своих прежних рабочих местах и на кладбище... Один из приезжих уже на следующий день пришёл в МТМ и стал просить знакомых механизаторов: “Дайте на “Кировце” проехать! Понимаете — руки чешутся!”.

Погостив чуть больше недели, бывшие колхозники уехали обратно... А в колхоз едут на постоянное место жительства люди из Киргизии, Южного Казахстана и даже из России — преимущественно немцы, но не только они. Бывших они, конечно, полностью не заменят, и потому меркнет высокая слава колхоза —

падает производство, нет тех доходов. Труднее стало содержать обширную социальную сферу.

Тем не менее жизнь продолжается, недавно в отделенческом селе Равнополь сдали в эксплуатацию большой новый Дом культуры, и даже местный зоосад в Константиновке ещё цел. Но нет того особого полёта, который ощущался всеми, кто приезжал в знаменитый колхоз... И нет уверенности в том, что завтра не станет хуже...

11 декабря

Вместо Советов у нас теперь будут районные и областные маслихаты — собрания депутатов. Так записано в новом законе о местных представительных и исполнительных органах.

Джохар Дудаев заявил, что российские парламентские выборы не будут иметь каких-либо юридических последствий для Чечни, то есть ей до них нет никакого дела.

Суббота... Вечером мне домой позвонил Б.В. Исаев и нарочито бодрым голосом представился:

— С вами говорит бывший товарищ, а ныне “господин никто!”.

Я уже знал, что сессия Верховного Совета приняла решение о досрочном прекращении деятельности местных Советов и Верховного — тоже. Новые выборы назначены на 7 марта.

На преждевременную кончину Советов Б.В. Исаев откликнулся актуальными виршами своего поэтического двойника Василия Лукова, которые мне тут же продекламировал. Там есть и понравившиеся мне строки. Например:

*Мы самый читающий в мире
И самый нетрезвый народ.
Кто жил в коммунальной квартире,
Тот самый большой патриот.
И спутник был первый — советский,
И Юрка Гагарин — “совок”.
Своею улыбкой простецкой
Сердца очаровывать мог...
И там, где сегодня стреляют,
А где не стреляют теперь?
“Калашникова” уважают
И девок советских, поверь...*

И, наконец, концовка:

*Коммерцией заняты дети,
Голодные мрут старики.
Мы сами сплели эти сети —
Советских вождей дураки...*

Стихи я пообещал опубликовать...

В России парламентские выборы завтра.

Пришёл пятый номер “Нивы” с моими “Блестками”. Журнал ими открывается, это большая честь. Вечером перечитал — вроде ничего...

14 декабря

Независимый центр по изучению общественного мнения (институт Гиллера) провёл блиц-опрос русскоязычного населения в Павлодаре на предмет его иммиграционных настроений. Большинство как жили, так и собираются жить в Казахстане (60,7 процента). И всё же наш Павлодар отнесён к наиболее “миграционно” настроенным городам. Здесь ещё в “рублёвые времена” подумывали об отъезде 12 процентов русскоязычных. После введения тенге к ним добавилось ещё столько же. Эта тенденция характерна и для всего Казахстана. И ещё: 16 процентов опрошенных в Павлодаре хотели бы, живя здесь, получить ещё и гражданство России, 29 процентов ещё не определились, а 50 — твёрдо решили подтвердить гражданство Казахстана. Считают, что сама Россия вытолкнула Казахстан из рублёвой зоны и поступила при этом недальновидно, — 39 процентов. И столько же уверены, что Россия самым безнравственным образом поступила по отношению к русским в Казахстане.

Результаты опроса напечатаны в “Труде”, мы их перепечатали.

Любопытная заметка в “Неделе” о правовом регулировании семейных дразг в древней Руси. Княжеская власть чаще всего признавала виновной в семейных конфликтах женщину. Муж не нёс за избиение жены никакого наказания, но расплачивался за это перед церковной властью, которая могла ему назначить до шести лет принудительного поста. А жена, побившая мужа, платила митрополиту три гривны (гривна равнялась фунту серебра) — столько же, сколько, например, платили за кражу княжеского коня.

Церковь вообще оберегала семью от развала. За её распад муж и жена платили митрополиту 12 гривен солидарно — большие по тем временам деньги.

16 декабря

Правительством принято постановление о чрезвычайных мерах по регулированию средств, направленных на потребление, в условиях введения национальной валюты... Оплата труда отныне жёстко увязывается с ростом объёмов производства. Расписаны показатели по отраслям. Я читал-читал и единственное, что понял — тут без бутылки не разберёшься. Скорее всего, постановление работать не будет. А если будет, то только на предприятиях, где всё жёстко контролируется и учитывается, да ещё в структурах, которые финансируются из бюджета.

Выходной, вернее, праздничный день — вторая годовщина принятия декларации о суверенитете Казахстана...

Вчера нас, теперь уже бывших депутатов распущенного областного Совета, собирал глава администрации Д. К. Ахметов — благодарил за работу, призывал к сотрудничеству перед новыми выборами.

Вчера же получил письмо за подписью председателя областного Совета (теперь точнее бывшего) Б. В. Исаева: “В связи с досрочным прекращением деятельности облсовета выражаю Вам искреннюю признательность за годы совместной работы...”. Такие письма разосланы всем бывшим депутатам облсовета.

А Исаеву, конечно, не позавидуешь: вернулся в область работать, а остался не у дел: сперва похоронили обком, который он возглавлял, а теперь и Советы, где он председательствовал... И оказался Б. В. не у дел, что для его сверхэнергичной натуры вдвойне тяжело.

Напросился на приём к Д. К. Ахметову. Дело в том, что газета лишилась учредителя, каковым был областной Совет. Его функции временно, до избрания

нового представительного органа, переданы по указу президента главе облминистрации. Вот я и пытался убедить его не спешить с вступлением в права соучредителя, говорил, что в период выборов ему политически выгоднее иметь дела с хотя бы формально неподконтрольной власти газетой (в учредителях её теперь лишь коллектив редакции), а если возникнут какие-то непредвиденные обстоятельства, мы всегда сможем договориться. Д. К. Ахметов от прямого ответа уклонился, сказал — должен подумать...

“Казправда” дала информацию: две чимкентские областные газеты стали выходить по два раза в неделю, форматом и объёмом “районки”. Причина всё та же: нет бумаги. У нас её осталось на месяц, но к концу года “Облместснаб” обещает поставить ещё вагон — 35 тонн, уже оплаченный нами. Хотя полной уверенности, что бумага скоро придёт, у меня нет..

Решил пойти в отпуск. Отдыхать собираюсь в профилактории “Строитель”. Мать с Ольгой ругаются: знаем мы твой отпуск — опять писать будешь!

Результаты российских выборов просто обескураживают. Среди партий и блоков лидирует ЛДПР (либерально-демократическая партия) некоего Жириновского. Того самого, что накануне выборов переполошил Казахстан своими дурацкими заявлениями (даже наш МИД опубликовал по их поводу свой протест). У ЛДПР — 24 процента голосов. На втором месте — президентский “Выбор России”, который лишь благодаря административному ресурсу набрал 15 процентов. Буквально следом идут коммунисты с 14 процентами, затем — аграрии, “Женщины России”, блоки С. Шахрая, Г. Явлинского, Н. Травкина.

В ночь выборов один из российских телеканалов устроил шоу — в Кремле собрали видных политиков, “звёзд”, других известных людей. Они непринуждённо общались и закусывали в прямом эфире, а телеведущие отслеживали ход выборов. Надо полагать, этот балаган затевался как наглядная демонстрация всему миру победы российской демократии. А на деле вышел всемирный пшик... Нетрезвый литератор-демократ Ю. Карякин, обескураженный предварительными итогами всенародного волеизъявления, изумлённо заявил прямо в микрофон:

— Россия, ты одурела?!

Между тем, если поразмыслить, удивляться особенно нечему. Замордованный народ решил наконец показать своим вождям фигу. Это было голосование протеста — протеста особого рода, по принципу — как вы с нами, так и мы с вами. Голосовали против бездарной политики нынешних правителей России, как, впрочем, и против коммунистов — отсюда и лидерство политического клоуна Жириновского. Разогнав прежний — “плохой” — Верховный Совет, Ельцин, похоже, получит взамен нечто ещё похлеще. В Думу прошли по округам Юрий Власов, Сергей Бабурин, Анатолий Лукьянов (тот самый — бывший председатель Верховного Совета СССР, а ныне подследственный по делу ГКЧП). Это всё — бойцы в публичной политике, и бойцы со стажем. Такие никому не дадут спуску.

Чего только не бывает в жизни... Зашёл ко мне пенсионер — давний знакомый. Как всегда, аккуратно одетый, жизнерадостный... А когда я стал допытываться, как ему удаётся соблюдать душевное равновесие и оставаться оптимистом в столь смутное время, он вдруг поведал мне такое... Оказывается, они с женой (живут вдвоём в двухкомнатной квартире) уже около двух лет не разговаривают

друг с другом. Вообще. Каждый сам себе готовит, обстирывает себя и т. д. А началось всё с каких-то мелочей: она упрекнула его в прижимистости (Он: “А как же иначе, я ведь на пенсии — вынужден экономить”), покритиковала сваренный им суп (Он: “Не нравится — готовь сама”)... И замолчал, обидевшись, — не стал отвечать ей, даже если она обращалась к нему. И она ответила ему тем же. У них двое взрослых детей, которые живут отдельно и редко посещают родителей. Он известный человек в городе, и вне дома не обделён общением... Она — одинока и к тому же неизлечимо больна. Прощать он её не хочет, так и живут формально вместе, а по сути — врозь.

Я много лет знаю этого человека и никогда не считал его конфликтным или злопамятным... Но, оказывается, не зря говорят: чужая душа — потёмки...

18 декабря

Публикуем комментарий к новому Кодексу о выборах. В новом Верховном Совете будет 177 депутатов. 135 из них избираются по одномандатным территориальным округам, а 42 — по государственному списку, представленному президентом. Будущим кандидатам, избираемым в территориальных округах, необходимо собрать не менее трёх тысяч подписей избирателей в свою поддержку. Кроме того, кандидат вносит залог в размере пяти своих окладов. Залог вернут, если кандидат наберёт не менее пяти процентов голосов всех избирателей его округа. То есть многие вполне могут лишиться этих денег, которые поступят в республиканский бюджет.

22 декабря

Наконец-то в отпуске. Подарил главврачу профилактория свою книжку, и он до того растрогался, что выделил мне одноместную комнату: “Вы же, наверное, и писать будете!”. Но я не знаю — буду ли писать, да и удастся ли отдохнуть вообще...

Вчера позвонила замглавы облминистрации В. В. Шершнёва и попросила срочно зайти. Опять, думаю, проблемы у Валентины Васильевны... Но, оказалось, проблемы, скорее, у меня, и я даже не знаю — как к ним относиться.

В. В. сообщила, что власти намерены продвигать мою кандидатуру в депутаты вновь избираемого Верховного Совета. Мотивы: это будет первый профессиональный парламент, которому нужны эрудированные, ответственные люди, обладающие к тому же жизненным опытом... “Мы тут посоветовались, — сказала она, не уточняя, кто это “мы”, — и пришли к выводу, что ты вполне подходишь для этого...”.

Я даже не удивился и тут же отвечал: у меня и в мыслях ничего подобного не было, к тому же парламент — это политика, а я знаю — насколько это грязное дело, я уже давно сыт ею по горло. К тому же я не чувствую ни призвания, ни просто интереса к подобной работе — я наши-то сессии облсовета с трудом высиживал, а тут заседать по 12 месяцев в году. Поэтому благодарю, как говорится, за доверие, душевно тронут, однако не хочу, не могу, не буду... Да и семья у меня немаленькая, я не вправе её оставлять...

На В. В. моя пылкая речь никакого впечатления не произвела. Её ответ был таков: иди и хорошо подумай, посоветуйся дома.

Дома сказали: дурак, другие из кожи лезут, чтобы попасть туда, а тут предлагают, может, единственный раз в жизни... Это — мать с Ольгой. А О. добавила, что всегда мечтала жить в Алма-Ате... И на все мои возражения (“Не хочу... Не моё дело... И вообще — надо ли искать на свой зад приключений...”) отвечала, что, дай мне волю, я бы до сих пор сидел в своей Железинке... Тут же — пять лет в Алма-Ате, потом, может быть, ещё и за границу работать пошлют — в какой-нибудь Люксембург...

Затем все дружно посмеялись над тем, что дурак думкой богатеет, и Данька солидно добавил: сам же, мол, всё время жалуешься, что газета тебе кишки вымотала, хоть отдохнёшь от неё за пять лет..

Оставшись таким образом в одиночестве со своими сомнениями, пошёл советоваться к С. П. Шевченко. Сергей Павлович, слегка покручившись (“Жаль мне, конечно, будет расставаться с тобой, да и у кого теперь буду добывать дармовые талоны на бензин?”), процитировал Ольгу: “Всё, что подбрасывает жизнь, ты принимай без сожаления...”. Сослался на свой собственный опыт, когда он много раз решительно и круто менял жизнь.

Другие его резоны: это не просто новый, но совсем другой уровень общения, а, значит, богатейший материал для будущих литературных занятий; это признание твоих заслуг и безусловного авторитета; плюс твой возраст, когда такие повороты не только возможны, но и желательны...

Словом, однозначно посоветовал рискнуть... После чего мы откушали отменного зелья, только что изготовленного им из браги, заквашенной по какому-то особому рецепту с использованием кефира, гороха и сахара...

Утром я согласился на сделанное мне предложение... Вернее, выдал из себя согласие, абсолютно не будучи уверенным в том, что я делаю то, что мне следовало бы делать.

Опять у меня чувство, как в первое время моего “замства”, когда я завидовал Побережникову, чьё место занял — лежал по ночам и думал: “Ну почему это не я, а он ушёл на пенсию?!”. Не люблю я резких перемен в жизни, побаиваюсь их.

Ольга говорит, что я паникёр. Сама же она в этом смысле до сих пор полна романтической дури (без чего, на мой взгляд, нет и не может быть настоящего поэта): “Да что ты всё переживаешь — в Алма-Ате проживём, в горы будем ходить, ты же любишь... А в свой любимый Павлодар на корреспондентскую должность всегда успеешь вернуться... Димку и Пашку возьмём с собой, а Данька с бабушкой пусть живут... Дачу вот только жалко, но её на время отдадим кому-нибудь...”.

О. аж “тащится” (по выражению наших детей) от возможных перемен в нашей жизни: и не моё гипотетическое новое высокое положение ей надо, а именно сами эти перемены. У меня же на душе маета и всё время вертится в голове дурацкая фраза: “Не в свои сани не садись...”. Хорошо бы посмеяться через какое-то время над всеми этими треволнениями.

В нашу область прилетел Н. А. Назарбаев. Его визит приурочен к пуску в эксплуатацию второго блока Экибастузской ГРЭС-2. Даже в бытность Союза пуск энергоблока-“полумиллионника” (500 мегаватт) был событием всесоюзного значения. А тут блок ввели в условиях суверенитета — это не только экономика, но ещё и политика, поэтому из Алма-Аты в довершение к президентскому прибыл спецрейсом другой самолёт с 60 журналистами. Я, сославшись на отпуск, увильнул от почётного права освещать визит, перепоручив это дело Роберту Штарку.

Усердие наших и алма-атинских чиновников, обеспечивающих визит, истине превосходит разум: перекрыто движение в части города, прилегающей к обладминистрации; оцеплена гостиница “Адмира”, в которой остановился высокий гость. Президентский самолёт должен был приземлиться в одиннадцать утра, а накануне вечером мы не смогли на редакционной “Волге” с полублатными номерами подъехать ко мне домой. На следующий день были перекрыты все подъезды к нашему и соседскому домам — по несчастью они находятся на территории, прилегающей к “Адмире”... Было нарушено автобусное движение, изменены маршруты, многие горожане не смогли вовремя добраться на работу... Воистину, услужливый дурак опаснее врага.

Мы, как ни старались, не смогли всунуть нашего фотокора Валерия Бугаева в “Рафик” с журналистами, сопровождающий президента. Сказал ему — действуй по обстановке: там ведь всюду и наши будут — они же тебя знают... Но в аэропорту, куда Валера отправился на свой страх и риск, его к съёмкам не допустили. Поехал заранее во Дворец тракторостроителей, где к президентскому визиту приурочили выставку наших достижений, и тоже получил от ворот поворот: “Вас нет в списках!”. В конце концов смиловались: “Вот если ваш редактор лично удостоверит, что вы это вы, тогда пустим...”. Сначала я взбесился, а потом всё же поехал — удостоверил, пустили Валеру... И снимки он хорошие сделал, хотя ещё неизвестно, что из них получится на газетной полосе.

Через день состоится встреча глав государств СНГ в Ашхабаде. Российский вице-премьер заявил, что блок вопросов об экономическом сотрудничестве Россия будет жёстко увязывать с правами русскоязычного населения в бывших республиках. Не исключено, что будет поставлен вопрос о русском языке в этих республиках как о втором государственном. Уже можно прогнозировать и однозначно негативную реакцию казахстанских верхов на этот счёт... Н. А. Назарбаев, в частности, жёстко реагирует на любые попытки защитить русских в Казахстане, высказываясь в том смысле, что это не ваша, а наша (т.е. Казахстана) забота. И его можно понять: не он ли до последнего ратовал за сохранение Союза, в то время как “славянская тройка” тайно договаривалась спешно похоронить его. Назарбаев изо всех сил боролся за единую рублёвую зону, а российские “партнёры” (кавычки тут вполне уместны) попросту “кинули” его и тут, едва не превратив Казахстан в мусоросборник старых российских рублей.

А теперь некоторые из высших российских чинов спохватились: наломали дров и пытаются делать хорошую мину при плохой игре, играют в защитников “этнических россиян” за рубежом... Отбирают хлеб у пресловутого Владимира Вольфовича Жириновского. Чистейшей воды популизм, политическое ханжество... Есть, разумеется, и языковая проблема, и идея двойного гражданства не на ровном месте родилась... Но все эти реальные сложности российские власти только усугубляют своими неуклюжими действиями...

И в Ашхабаде вряд ли до чего договорятся. А если даже что-то и решат президенты, то после перерешат — с точностью до наоборот — их блудливые помощники.

Кого только не винят российские демократы в собственном провале на недавних парламентских выборах... И всё ту же прессу, и бестолковых избирателей... “Это не народ голосовал, а чернь” — Валерия Новодворская... “Беда демократов в том, что они не смогли воспитать из толпы граждан” — это Елена Боннэр... “Россия, ты одурела?!” — это уже упомянутый Ю. Карякин.

Всё правильно: не повезло России с народом — неподходящ он для таких реформ, не понимает, дурень, что для его же блага стараются...

Позвонила Татьяна Конобейцева из Киргизии — получила мою книжку. “Как будто с тобой наговорила...” Завтра всем семейством навсегда улетают в Германию — будут жить где-то в окрестностях Ганновера. Вот и ещё одна близкая душа меня покидает... Увидимся ли когда-нибудь?

Роберт Штарк дал в газете объявление о продаже квартиры. Тоже скоро отправится с семьёй на историческую родину.

23 декабря

На днях получили письмо из Чубаровки от материной младшей сестры Екатерины Тимофеевны. Живут они в соседней Новосибирской области, рядом с Купино. В этой деревне у деда Тимофея и бабушки Акулины я провёл в детстве не одно лето и даже написал о тех временах небольшую и, как мне кажется, проникновенную новеллу, которая вошла в книжку “Помню и люблю”.

Письмо матери пролежало у них в сумке, в прибитой к калитке и заменяющей почтовый ящик, больше месяца. Газет тётка с мужем не выписывают (не на что), писем им никто не пишет — вот и не заглядывали в сумку...

Тётка Катя (так я её всегда звал) работает дояркой. Зарплата у неё 13 тысяч российских рублей, но и ту по несколько месяцев не платят; телевизора в доме нет (старый сломался, а новый взять не на что), радио не работает. Выживают они за счёт огорода да подворья с коровой и несколькими овцами...

Так живёт сегодня сельская российская глубинка. Да они за какого хочешь чёрта-дьявола проголосуют, лишь бы вылезти из этой беспросветной нужды...

Вчера смотрел по ТВ пресс-конференцию Б. Н. Ельцина. Толпа журналистов, вопросы — главным образом по итогам выборов. Неприятно поразило то, что Б. Н. временами не улавливает сути задаваемых ему вопросов, и пресс-секретарь В. Костиков вынужден ему их разжёвывать... Затем он сам же первым заразительно смеялся над редкими натужными шутками своего патрона...

Думаю, не один я заметил, что ответы президента на некоторые вопросы совершенно неадекватны... Либо вопросы вовсе оставались без ответа, как было, например, когда его спросили, как он относится к требованию ряда депутатов создать думскую комиссию по расследованию всех обстоятельств, предшествовавших кровавым событиям минувшего октября...

... С экрана телевизора на меня смотрел пожилой уставший человек, весьма вяло реагирующий на происходящее вокруг него. И это — президент России? Впрочем, одно Б. Н. заявил твёрдо: на своём посту он останется до конца срока, то есть до июня 1996 года.

У “Останкино” — новый начальник, уже шестой за последние пять лет. Большинство из его предшественников, наверное, как следует не успевали даже в курс дела войти за месяцы своего правления. Теперь вот не угодил даже любимец демократов Егор Яковлев. Его сменил однофамилец Александр Николаевич Яковлев — тот самый, один из “архитекторов” горбачёвской перестройки. Недавно его чествовали в связи с 70-летием. Человек он, бесспорно, образованный и умный. Но ведь не профессионал...

Вчера А. Н. Яковлев заявил: телевидение — это власть, и распорядиться ею можно как для созидания, так и для разрушения; и сам он пришёл строить... Хотя какой А. Н. архитектор — хорошо видно по результатам перестройки, у истоков которой они с М. С. Горбачёвым стояли. И потом — возраст, жизнь, можно сказать, прожита, да и здоровье, судя по всему, далеко не отличное. Зачем ему садиться на этот огнедышащий вулкан, ведь А. Н. совсем не из тех людей, которые готовы руководить чем угодно, лишь бы руководить...

Павлодарскими тракторами заинтересовалась Северо-Американская импортно-экспортная корпорация. Её представители побывали на заводе и подписали протокол намерений, по которому корпорация должна закупить в первом квартале будущего года 50 наших тракторов, включая бульдозеры. Но работать они

будут не в США, а в странах третьего мира — Мексике, Колумбии, Венесуэле, проходя там своего рода обкатку. Если, конечно, контракт удастся реализовать...

24 декабря

Напрочь испортил весь лечебный эффект, полученный от первых дней, проведённых в профилактории... Дома опять стал делиться сомнениями насчёт депутатства: "Вы, наверное, думаете, что всё произойдёт само собой — раз и в дамки. А мне ведь надо будет встречаться с избирателями, отвечать на их вопросы, давать обещания... Что я скажу, например, по поводу двойного гражданства, второго государственного языка, если и сам ещё толком не определился? Если подыгрывать публике и говорить: да, я "за", то как потом строить отношения с властями, у которых позиция совсем иная, и к тому же они продвигают мою кандидатуру?"

Мать с Ольгой стали на меня "наезжать", критиковать за нерешительность и за мягкотелость на работе. И у всех — своя правда...

Ельцин с Ниязовым подписали договор о двойном гражданстве, и Туркменбаши тут же вручил "российскому брату" зелёный паспорт гражданина Туркменистана.

А Н. А. Назарбаев в Экибастузе вновь подчеркнул, обращаясь к так называемым некоренным: не уезжайте из Казахстана, пройдёт два-три года, и мы пригласим к нам ещё 40-50 тысяч специалистов из России... Аплодисменты...

Пуск второго энергоблока Экибастузской ГРЭС-2 — первого подобного объекта в бывшем СССР — Н.А. увязал с необходимостью создания странами СНГ экономического союза. А 23 декабря отныне будет праздноваться в Казахстане как День энергетиков.

Наш Димка продолжает заниматься коммерцией. Торгует субботними номерами "ЗП". Начиная с 20 экземпляров, потом стал брать по 40, а теперь заказывает уже 80. Газеты берёт на молодёжной бирже труда — по договору. Встаёт в шесть утра, идёт за газетами, приносит домой. Потом — в школу, а после занятий — торговать.

Из этого делаю вывод, что наши дети могут и хотят подрабатывать и зарабатывать, просто мы не даём им такой возможности...

Димка говорит, что у них есть своя бойкая точка, у продмага по улице Дзержинского, где газеты "уходят в лёт", и что они никого больше туда не пускают. Конкуренция!

25 декабря

Какой замечательный вид открывается из окна моей комнаты в профилактории! Сегодня ясно: хорошо виден торопливо текущий Иртыш, который у Павлодара, к сожалению, и зимой не замерзает; темнеет пойменный лес на том берегу, курится паром вода и, кажется, что уже весна...

А позавчера вечером был свирепейший буран. Я еле дошёл из профилактория домой. Около областной администрации на дороге образовались перемёты, машины буксуют. Оборвало ветром один из фонарей освещения на столбе, ветер крутит и раскачивает его, бросая из стороны в сторону, и он светит беспорядочно — то туда, то сюда, то в небо, то на землю. Во всём этом — беснующемся буране, беспорядочном свечении — было нечто, напоминающее конец света...

Побывал дома у Б. В. Исаева. Он сам меня зазвал, угощал виски со льдом, нахваливая: "Разводить можно в любой пропорции...". Виски я пил первый раз в

жизни и не могу сказать, чтобы оно мне понравилось. Видно, не распробовал — к хорошему ведь тоже привыкать надо.

Б. В. читал свои стихи, в которых есть и хорошие строки. Одно стихотворение — “Летний день в детстве” — посвящено мне, чему я немало был удивлён и попросил на память.

Шёл я к Б. В. не без умысла — хотел ещё с ним посоветоваться о предлагаемом депутатстве.

— Чего тут думать — надо идти, — сразу сказал он. — Помните, я рассказывал как одного “деятеля” назначили министром? Он знает, что бездарь и неумеха, но как рассуждает: “Пару лет буду входить в курс дела, ещё пару лет пройдёт, пока поймут, что я не на своём месте, да год снимать будут.. Итого пять лет в министрах... Опять же из министров в дворники не посылают...”.

Посмеялись, и Б. В. продолжил:

— И потом, посмотри на многие лица вокруг: на них же, как говорил один наш преподаватель в мореходке, неизгладимая печать тупой провинциальности. Да и что такое сегодняшний Верховный Совет — это же хоровое пение, когда у большинства ни голоса, ни слуха.

— Что же мне тогда там делать? — спросил я.

— Для умного человека и это школа, — отвечал Б. В. Помолчал, как будто думая о чём-то своём, и добавил: — Надо идти, ведь тут они тебя всё равно сожрут.

Кто такие “они”, Б. В. уточнять не стал.

Живут Исаевы в старом — “обкомовском” — доме и довольно скромно. В гостиной, где мы беседовали, просторно; из мебели — два больших кожаных кресла с гнутыми спинками, большой диван, также обшитый мягкой кожей, и стенка. Всё не новое, но основательное, с печатью благородной старины.

Дома Б. В. совсем не такой, каким его привыкли видеть на работе. Показывал мне фотографии — детские, юношеские, “мореходские”, семейные. Познакомил с женой — Ириной Валерьяновной, которая и впрямь была в молодости красавицей и отнюдь не утратила женской привлекательности.

Б. В. говорил по моей просьбе с Д. К. Ахметовым о будущем газеты: “Зачем она вам — станет чем-то вроде “Вестей обл администрации”. — “Не вижу в этом ничего плохого”, — отвечал Д.К. Так что и мои увещательные беседы с ним вряд ли возымеют силу.

Ходили с Ольгой на “Ургу” Никиты Михалкова. Фильм — совершенно замечательный. Семья монголов-скотоводов: муж, жена, трое маленьких детей, бабушка... Их жизнь в условиях дикой природы, напоминающей нашу баянаульскую... Непростые взаимоотношения мужчины и женщины, которые в их возрасте ещё полны естественных желаний, но жена не даёт волю чувствам мужа, поскольку семья уже исчерпала лимит на детей, определённый государством. Случайно оказавшийся в этих местах русский шофёр — человек с совершенно иным менталитетом... Их совместное застолье за дастарханом... И всё это — жизнь — настоящая, глубокая, правдивая, которую не просто понял, прочувствовал, но и мастерски показал нам Михалков. Вот что значит — профессионализм, мастерство.

27 декабря

Вчера, в воскресенье, ходили с Ольгой на рынок. Всё дорого, и цены продолжают расти. Несуразица в них подчас просто дикая. Например, килограмм яблок стоит 45 тенге, бананов — 80, а мешок муки всего в несколько раз дороже. И мы ещё хотим, чтобы село у нас встало на ноги.

Спрашиваю у матери наедине: “Ну ладно Ольга, у неё романтическая дурь в голове... Но тебе-то зачем моё депутатство?”. — “Как это зачем? — отвечает, — это гордость для всей семьи, это ведь повышение”.

Вот и поговори с ними!

Н. А. Назарбаев издал указ, согласно которому определиться с гражданством можно будет до 1995 года (то есть даётся дополнительное время на раздумья). И ещё: близкие родственники казахстанцев, живущие за пределами республики (матери-отцы, дети, братья-сёстры, дедушки-бабушки) также могут получить казахстанское гражданство без всяких проволочек. Это своеобразный ответ Н. А. тем, кто добивается института двойного гражданства.

Никак не могу подступиться к очередной порции “блёсток”. Есть не только неплохие задумки, но и наброски... Хотел бы написать отдельный цикл, посвящённый пословицам и поговоркам, которые часто употребляет мать. Кажется, они у неё есть на все случаи жизни. Задача — не переписывать их в чистом виде, а увязать каждую с конкретными жизненными ситуациями. Придумал уже название для этого цикла — “Золотое слово”. Но эта работа не на один месяц, а с моей нынешней раздрозганной жизнью разве сосредоточиться...

28 декабря

В Чубаровке умерла материна тётка, сестра отца матери — тётка Полька. Мать всегда выделяла её из всей родни — та жалела её в детстве, чем могла помогала в годы войны, когда мать была девчонкой...

Теперь мать плачет:

— Тётка Полька просила меня: “Ты, Тонька, обязательно приезжай меня хоронить, а то по мне и поплакать некому будет...”.

Чубаровка от нас в 300 километрах, в Новосибирской области. Похороны завтра. Дорога большей частью отвратительная, к тому же на автобусе уже не успеть... Да и не пустил бы я мать на “ПаЗике” в такой холод (утром было 32 градуса). Наверное, мать рассчитывала, что я отправлю её на редакционной машине, но она в командировке... В любом случае я бы побоялся отправлять мать одну в такую даль по такой погоде. А сам поехать не могу. Вот какая гадская жизнь — даже самых дорогих людей не можем проводить в последний путь.

А тётку Польку я тоже немного знаю. Судьба её поистине трагическая — как и у большинства женщин её поколения. Смолоду осталась без глаза, но замуж всё-таки вышла... И тут — война, мужа призвали, и вскоре он пропал без вести. Хорошо ещё сын остался — всю оставшуюся жизнь тётка Полька посвятила ему и его семье. Сыну тоже не повезло — недавно отрезали обе ноги (гангрена), и они с тёткой Полькой, как могли, держались друг за друга. Он говорил ей: “Ты у меня одна на земле осталась — без тебя мне жизни не будет”.

Надо хоть по весне в Чубаровку мать свозить.

Приглашал Д. К. Ахметов, был деловит и строг, устроил своего рода экзамен на политическую благонадёжность: разделяю ли политику нашего президента, как отношусь к идее двойного гражданства и т. д. Говорил ещё: “Мы не можем пустить выборы на самотёк, дать возможность событиям развиваться по российскому сценарию... Задача — отсечь всех “крайних” как на юге, так и на севере республики... Мы должны сформировать устойчивое большинство сторонников

президента в парламенте. Действовать будем открыто, используя все законные средства для достижения цели, включая и СМИ. Мы должны обеспечить прохождение наших кандидатов. Мы знаем вас как ответственного человека, центриста, видим — как вы ведёте газету, потому и предлагаем вам, обеспечим всю возможную поддержку”.

“Надо готовиться к борьбе”, — напутствовал меня Д. К. Ахметов. К какой борьбе и с кем? Я это себе слабо представляю. И не внутреннюю мобилизацию испытываю, а, скорее, растерянность и опустошённость... Такая вот дурацкая натура...

Вчера Роберту Штарку вручили официальную бумагу, удостоверяющую, что областная администрация, временно принявшая на себя функции упразднённого Совета, принимает и его бывшую роль учредителя газеты. Просто ставят перед фактом и всё. Может быть, если бы я по собственной инициативе не завёл недавно разговор с Д. К. Ахметовым, это бы не произошло так быстро. Наивный я всё же человек: пытаюсь всех вышестоящих обратить в свою веру, хотя это, наверное, невозможно в принципе.

Бумаги осталось на десять номеров... Будут нам выборы в условиях полного “безгазетья”.

Начал вчера очередную порцию “блесток”. Так, наверное, начинает бег застоявшийся конь — неуверенно, временами взбрыкивая, как будто не очень веря в свои силы... Словом, пока получается не очень.

Постановлением президента бывшему председателю Верховного Совета Казахстана С. А. Абдильдину установлена государственная пенсия — 500 тенге. На такую не сильно разгуляешься...

В первом полугодии будущего года казахстанцы смогут получать по подписке только четыре российские газеты — “АиФ”, “Известия”, “Комсомолку” и “Труд”. По остальным газетам и журналам России, уже оплаченным нашими подписчиками, платежи не прошли — Центробанк России всё время возвращал подписные суммы.

Вот бы где власть употребить президентам, так неустанно пекущимся о благополучии собственных граждан и о сохранении веками складывавшихся экономических и культурных связей между народами бывшего СССР... Помимо прочего, теперь людям если и вернут деньги за неполученные издания, то многократно “похуевшие” — ведь они за несколько месяцев успели подешеветь в разы.

29 декабря

Чем тяжелее на душе — тем больше тянет к “Хронике”. Я не раз замечал: это вроде какой-то отдушины, когда уже и воздуха не хватает. Да и стыдно близким бывает жаловаться, а бумага стерпит...

Мать вчера говорит: “Я как-то сразу не поняла, думала — ты в депутатах дома жить будешь... А теперь боюсь: как же мы без тебя тут останемся?”.

И только Ольге всё нипочём: “Люблю, — говорит, — весну в Алма-Ате, когда всё цветёт, теплынь, такие запахи...”.

Позвонил Б. В. Исаев, читал новые стихи... Я ему — сомнения, мол, по-прежнему одолевают.. А он: “Да я всю жизнь сомневаюсь — своё ли место занимаю... И часто говорил себе: нет, не своё, это просто стечение обстоятельств, просто так вышло!”.

И это — Исаев, всегда собранный, уверенный в себе (иногда мне казалось — даже чересчур), казалось, не знающий сомнений... Сразу даже не поверил, но с какой стати ему передо мной рисоваться?

Кульпаш Конырова водила нас с Ольгой в ресторан при гостинице “Сарыарка”. Думаю, делала Кульпаш это не без умысла, и я на неё не в обиде: директриса, специалист-технолог по общепиту, поразительно интересно рассказывала о своей профессии, её тонкостях и хитростях... Подумываю встретиться с ней ещё раз и написать обо всём этом. Во всяком случае, я ничего подобного пока нигде не читал...

Прочитал несколько новелл В. Лакшина (литературовед, критик, работал в “Новом мире” с А. Твардовским) и очень ему за них благодарен: лишний раз убедился в том, что в жизни не бывает неинтересного материала, всё дело в умении автора подмечать детали, находить в обыденном вечное, по-человечески рассказать об этом. Две его новеллы поразительным образом переключаются с моими собственными — о непредсказуемости и прихотливости человеческой памяти: то, что когда-то казалось наиважным, уходит без следа, а какой-нибудь пустячок, мелочь, помнятся всю жизнь. В. Лакшин это блестяще показывает.

Из Чимкента нам шлют областную газету. В только что присланном пакете обратил внимание на номер с “иконостасом” на первой странице: новый глава администрации заменил всех замов своего предшественника — двух в связи с переходом на другую работу и ещё троих — согласно поданным заявлениям. И ни строчки объяснения... Такова у нас теперь кадровая политика.

КазТАГ распространил информацию о здоровье бывшего руководителя республиканского “Туранбанка”. С чего бы это вдруг? Оказывается, он арестован, а “Казправда” (Т. Квятковская) выступила с заметкой: почему арестован без предъявления обвинения, что за спешка, ведь он ещё и болен?

И вот прокуратура республики разъясняет: банкир вполне здоров, обвинение ему будет скоро предъявлено, мера пресечения избрана в интересах следствия и ввиду серьёзности обвинения.

А перечисляю я все эти подробности вот к чему. Какое-то время назад, наверное, года полтора, один из частных алма-атинских телеканалов ошибочно назвал фамилию главы “Туранбанка” в числе подозреваемых в нарушении закона. И хотя тут же, через несколько минут, диктор принёс извинения, подчеркнув, что речь шла не о “самом”, а о заместителе, руководитель подал в суд на канал, оценив моральный ущерб в 50 миллионов рублей. Иск был удовлетворён, а телекомпания, не успевшая встать на ноги, разорена... И вот — как будто возмездие, пусть и несколько запоздалое...

30 декабря

Помню “когдатошнее” свое состояние — времён обострения отношений с Мещеряковым — противной пустоты внутри... Мерзостное ощущение, от которого отходил только в парной, да в иные мгновения жизни, о которых не принято

распространяться... Нечто подобное испытываю и сейчас, с той лишь разницей, что тогда это была, скорее, физическая, а теперь душевная маета. То накатит, то отпустит.

Смотрел вчера репортаж местного ТВ о встречах Н. А. Назарбаева с павлодарцами. Иногда он говорил с моими земляками языком улицы. О двойном гражданстве: это, мол, всё провокаторы-поджигатели, им не нравится, что у нас тут мирное, спокойное сожительство людей разных национальностей... “А вот по российским “Вестям” говорят...” — начинает кто-то. “Не верьте, — сразу отвечает Н. А., — они в Москве, а мы с вами и здесь и лучше всё знаем...”.

Такие вот аргументы... Хотя были и более серьёзные: представьте себе, говорил Н. А. что все неказахи, или около 60 процентов казахстанцев, будут иметь двойное гражданство... Как это будет выглядеть по отношению к казахам? Н. А. предложил Ельцину такой вариант: казахстанец, решивший перебраться в Россию, должен быстро и без помех получить российское гражданство, а россиянин, переехавший жить в Казахстан, — казахстанское. Тоже вариант, и очень неплохой.

Диалог двух журналистов в “Экспресс-К” о судьбе нашего бывшего Верховного Совета; о том, почему с ним так обошлись и надо ли было это делать. Звучит намёк, что всё сделано если не под диктовку, то и не без совета США. Тут же слова посла США с верой в наши будущие свободные выборы, ожидаемом визите вице-президента США.

Проводится некая параллель с российскими октябрьскими событиями: мол, наш президент устранил мешающий ему Верховный Совет, но по восточному — более тонко и умело.

Строятся прогнозы относительно будущего парламента, который может быть непредсказуемее прежнего... И о возможном введении чрезвычайного положения при таком развитии событий.

Так и не понял, зачем они всё это опубликовали, хотя местами читать было любопытно...

Вчера поставили дома ёлку, повесили гирлянду. Пашка счастлив, встал сегодня ни свет ни заря — так ему нравится ёлка.

Объявил своим замам о том, что собираюсь идти в депутаты. Они отнеслись к этому с пониманием... Конечно же, их больше всего занимает — кто придёт мне на смену, если меня изберут. Я отвечал: будем думать вместе, ведь и моё слово в таком случае тоже будет что-то значить...

Сходил напоследок в баню, от души попарился и совершенно неожиданно попал в гости, что после бани было весьма кстати.

31 декабря

Отметили Новый год в редакции. Это — впервые, по моему предложению. Получился очень хороший, весёлый “капустник”. Я, правда, был грустен, но к концу праздника чуть-чуть отошёл. Да и вообще недовольных в тот день в редакции не было.

Шёл домой и думал: вернусь ли я сюда в прежнем качестве или уже нет?

Восточный гороскоп, опубликованный в родной газете, сулит в будущем году большие перемены в моей судьбе, уверяя, что он станет для меня переломным.

Продолжение следует.

Сапаргали ЖАГИПАРОВ

Приняв огонь на себя...

“За успешное выполнение задания по оказанию международной помощи в Республике Афганистан и проявленные при этом мужество и героизм, присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали “Золотая Звезда” Кременишу Николаю Ивановичу”.

(Из Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1988 года)

*Мы с тобой подрывались на минах,
Снайпер нас в прицеле держал.
По вискам пробежались седины,
На телах расписался металл.*

Сегодня эти строки из песни невольно взывают нас к памяти. А сама песня, ставшая символом, объединяет разные поколения солдат, которые принимали участие как в Великой Отечественной, так и в Афганской войне. Она — правдива, волнует, тревожит души, кристаллизует дух, очищает сознание от всего наносного. “Афган” — в мыслях и чувствах каждого, кто прошёл боевую школу, сражаясь с отрядами оппозиции. Настоящее испытание почти за десять лет войны выдержало целое поколение наших солдат, сержантов, прапорщиков, офицеров, проявив при этом мужество и героизм. Не случайно их нынче уважительно называют “афганцами”. 20 лет минуло с того дня, как бывший Советский Союз, выполняя международные договорённости, официально стал выводить свой Ограниченный контингент войск из Афганистана. 15 февраля 1989 года — важная веха окончания войны, когда последняя колонна воинов, последний бронетранспортёр (БТР) прошли по Термезскому мосту.

Сколько матерей, узнав об этом значимом событии, облегчённо вздохнули: “Наконец-то!”. А сыновья, переступив порог отчего дома, произнесли долгожданные слова: “Мама, я жив, как видишь, вернулся!”. Эти же слова произнёс Николай Кремениш, вернувшись в свой родной город Экибастуз.

Конечно же, родители и родственники Кремениша-младшего встречали не без волнения. Когда к перрону подошёл скорый поезд, Николай показался в проёме дверей вагона. Широкоплечий, высокий, возмужавший, в ладно подогнанной форме, он шагнул навстречу родителям. От его белозубой широкой улыбки, от слов: “Здравствуйте, родные, я вернулся в отчий дом!”, в глазах мамы выступили слёзы, а у отца что-то дрогнуло в сердце. Что ж, такие минуты запоминаются навсегда. Что и говорить, всем смертям назло он выжил, выстоял. А мне невольно вспомнились стихотворные строчки известного поэта Николая Доризо: “Его звезда счастливой оказалась — он с ней с войны живым вернулся в дом”.

Скажу откровенно, с Кренишем хотел встретиться давно. Много тёплых слов доводилось услышать о нём в Экибастузе, в средней школе, а нынче лицее, где он в своё время учился. Педагоги с гордостью рассказывали о том, что Николай Крениш, Герой Советского Союза, воин-интернационалист, их воспитанник. Этого высокого звания он удостоился совсем молодым — в двадцать лет. Родился и вырос Николай на экибастузской земле. По душе ему пришёлся этот суровый и величественный край, сам красивый шахтёрский город, вставший среди безбрежных степей. Экибастуз всего-навсего на десять лет старше Николая. Если город в 2007 году отпраздновал 50-летие со дня образования, то Крениш в том же году отметил в кругу дружной семьи своё 40-летие.

Теперь Николай со своей супругой Ольгой и тремя сыновьями Даниилом, Ярославом, Ильёй живёт в Алматы. До переезда в южную столицу трудился в Экибастузе на шахте.

Среди тех, кто учил его жизни, первой Крениш назвал классную руководительницу Надежду Николаевну Джапсарбаеву. «Именно Надежда Николаевна была тем педагогом, к которой дети тянулись, души в ней не чаяли, — рассказывает Николай Иванович. — Она всегда находила доброе слово, дельный совет, учила нас жить по совести, прежде всего быть требовательным к себе, не фальшивить ни в большом, ни в малом». Потом заметный след в его жизни оставили и другие преподаватели, когда он обучался в городском профессионально-техническом училище. Здесь он получил профессию машиниста-экскаваторщика.

«Работая экскаваторщиком на разрезе «Северный» треста «Экибастузуголь», — признаётся Крениш, — получил хорошую трудовую закалку. То, что старался трудиться честно и добросовестно, конечно же, в этом большая заслуга моих родителей. Они с детства прививали нам, сыновьям, качества, необходимые в жизни. Мы во всём брали пример с отца и матери, стремились не подводить их».

Отец Иван Савельевич, мать Мария Семёновна были скромные, трудолюбивые и уважаемые люди в городе. С их именами связаны закладка первого камня города, да и само строительство Экибастуза. Дед Семён, защищая Родину, героически погиб на одном из фронтов Великой Отечественной войны.

Если Крениш-младший отзывался о родителях с теплотой, их черты называл как примерные, значит, он сам взял от них всё хорошее, доброе. Правильность постигнутой истины подтвердила служба в армии, а вернее, в Афганистане при выполнении интернационального долга в период 1987-88 годов.

Знакомясь с молодыми воинами, прибывшими в отдельный инженерно-сапёрный батальон, командир внимательно всматривался в их лица, пытаясь найти ответ для себя: оправдают ли надежды, справятся

ли с теми боевыми задачами, которые возложены на часть, не дрогнут ли под вражеским огнём? Когда ознакомительная беседа завершилась, офицер попросил остаться младшего сержанта Николая Крениша.

“Я знаю, что вы окончили сержантскую школу, приобрели специальность минёра, проходя службу в одной из частей Московского военного округа. Но отделение, возглавляемое вами, будет заниматься разминированием. Так что в боевой обстановке придётся осваивать смежную профессию сапёра. Надеюсь, что не подведёте”, — сказал офицер.

Теперь уже на примерах командира взвода лейтенанта Алексея Жилияка, его заместителя сержанта Виктора Тамчишина учился Крениш разминированию боеприпасов, фугасов, выполнению иных вводных, заимствуя у них не одну человечность, но и отвагу, твёрдость характера. Кроме непосредственных командиров у него было ещё на кого равняться, ведь в мотострелковой дивизии, куда входил отдельный инженерно-сапёрный батальон, проходил службу Герой Советского Союза полковник Руслан Аушев. О чём думал Николай, встречаясь с Героем? Вероятно, быть похожим на него и делами заслужить высокую честь, как он.

При встречах с Николаем я не раз спрашивал его о том, чем же запомнились ему первые дни службы в “Афгане”. Мой собеседник из-за скромности умалчивал о многом, отнекиваясь лишь одной фразой: “Вроде ничего примечательного”. Знакомясь с документами Крениша в отделе по делам обороны Жетысусского района города Алматы, где он стоит на воинском учёте, встречаясь с воинами-“афганцами”, узнал, что он кроме высокого звания Героя имеет ряд и других наград, но не любит себя выпячивать, не терпит заискивания, принципиален. Не о таких ли людях гласит поговорка: “Не место красит человека, а его дела”?

Среди других солдат, сержантов, кто с ним прибыл в часть, Николай выделялся бойцовскими качествами, стремлением идти вперёд, наперекор любым трудностям. С первых дней службы командиры заметили, как тщательно Крениш готовит своих подчинённых к бою. Сразу было видно: в батальон пришёл способный специалист, но в то же время заботливый, требовательный младший командир.

В первом же бою Крениш понял, как важно действовать собранно, решительно, не терять присутствия духа, не поддаваться эмоциям. Это стало его непреложным правилом в последующем.

Та боевая операция, которая прошла в провинции Баграм, сделала его взрослее, проверяя, на что он способен. Не зря говорят, что бывают обстоятельства, которые высвечивают человека за один миг. Этот миг — испытание, выпавшее на личный состав подразделения, подтвердило хладнокровие, сноровку, взаимовыручку воинов.

Было раннее утро, когда сапёры получили задачу обезвредить мины, тем самым обеспечить проход колонне автомашин с продовольствием, топливом для афганских кишлаков. Солнце медленно поднималось из-за скалистых гор. Вдали висела тёмно-фиолетовая мгла. Медленно вырисовывались очертания зубчатых горных кряжей. Когда рота вышла на чистую поляну, кругом тишина была настолько напряжённой, что казалось, скажи слово — и эхо, подобное грому, тут же разнесёт твой голос по всей окрестности. “Странно, никто не стреляет, — удивлялся командир взвода лейтенант Алексей Жилияк, — значит, душманы что-то затеяли”.

Офицер хоть молодой, но опытный, ни при каких обстоятельствах не теряется. По характеру Алексей дерзкий: надо будет — пойдёт в огонь, не побоится прикрыть товарища от вражеской пули. Для него долг, честь офицера превыше всего. За такими, как Жиляк, подчинённые, образно говоря, как за каменной стеной. К тому же, Алексей отличный спортсмен. Даже солдаты поражались тому, когда он с собой на боевую операцию брал штангу. Откуда в нём было столько энергии, задора? Кренишицу и его подчинённым было у кого учиться и чему учиться.

Алексей, молча кусая губы, издал бросил взгляд на большую и красивую поляну, почувствовав некую опасность, скомандовал: “Всем замечать!”. Личный состав залёг около небольшого арыка. Один из сержантов, прощупывая землю, заметил торчавший провод, который был вкопан в песок. Когда сапёры приподняли провод и стали идти по нему, то уяснили, что вся поляна заминирована. Вот оно, понял Николай, то самое заветное место — открытая поляна, где должны были бы подорваться на фугасах, танковых снарядах разведчики, рота сапёров, советская колонна автомашин с продовольствием и горючим.

“Впились, как пиявки в тело, теперь берегитесь”, — крикнул кто-то из солдат.

Ему тотчас ответил младший сержант Кренишиц:

“Вперёд — без страха и сомненья!” — его голос утонул в грохоте плотного огня. Кишлак, куда должны были доставить груз, выглядел отнюдь не дружелюбно. Оттуда душманы начали стрельбу из гранатомётов. Не прекращался лай пулемётов. Николай не раз убеждался, что в кишлаки часто приходят непрошеные гости — душманы, требуя у дехкан деньги, пищу. Голод и холод — союзники “духов” в борьбе с народом. Пытают мирных жителей, якобы вы должны нам помогать, ведь мы ведём джихад — священную войну. Избивали людей, сжигали жильё. Угоняли безоружных в горы. Видел Кренишиц и другое, как с большой радостью встречали советских воинов в разграбленных кишлаках седобородые старики и дети. Перед его глазами вставали картины первой встречи с дехканами. В глазах — тревога. Советский солдат, как его называли “шурави”, стал первым, в ком афганцы увидели не врага, а друга. Наши воины спасали людей из пожарниц. Обо всём этом Николай после возвращения из “Афгана” будет рассказывать молодёжи.

Дети, как всегда, с интересом будут задавать вопросы, расспрашивать о том, с чего начинается любовь к Родине? О его командирах, сослуживцах, о том, где и когда вручили ему Звезду Героя? С кого он берёт пример? Кренишиц и здесь, проявляя скромность, не выпячивая себя, будет отвечать вкратце, но по существу: “Любовь к Родине начинается с любви к своей семье. Если человек не готов на жертвы ради любви к своим родным и самым близким, вряд ли от него можно ожидать жертвенного служения Отечеству. Награду получил 10 мая 1988 года в Москве, в Кремле из рук тогдашнего Председателя Президиума Верховного Совета СССР Андрея Громыко. А что касается моих командиров, скажем, Алексея Жиляка, Игоря Петрова, то они были высокопорядочными, мужественными офицерами, для которых честь всегда была превыше всего. А из младших командиров я бы назвал сержанта Виктора Тамчишина. Словом, настоящий герой. Примеров тому немало. Безусловно, они для меня были и есть ориентиры в

жизни, на сегодняшний день отчасти смотрю с точки зрения тех событий — не теряться, без суеты решать насущные проблемы”.

... Солнце белым диском висело над поляной. Стояла жара. Кремениш, вытирая капельки пота с лица, проявляя осторожность, работал аккуратно, обезвреживая танковые снаряды. Самым трудоёмким оказался фугас. Он был мощным — управляемым. Сапёры трудились до поздней ночи, очищая всю поляну, обеспечив проход колонне. И на этот раз автомашины прошли спокойно, доставив груз в кишлаки.

За этот подвиг сапёры были удостоены государственных наград. У лейтенанта Жилияка на груди засиял орден Красной Звезды, а у Кремениша — медаль “За отвагу”.

После завершения одной из операций, вернувшись в часть, сержант Виктор Тамчишин, преклоняя голову перед храбростью Кремениша, с удовлетворением скажет:

“Николай, готовься, ты достойная мне замена, будешь замкомвзвода. Знаешь, я “дембель”, скоро укачу в свой родной Курск, оттуда буду писать тебе письма”.

“Не спеши, Виктор, мне есть ещё чему поучиться у тебя. Давай, не будем торопить время, лучше поговорим о чём-нибудь другом”.

Но не суждено было дослужить Виктору до увольнения в запас, в одном из боёв он погиб. За мужество Тамчишин был удостоен ордена Красного Знамени посмертно.

С волевым лицом, открытый душой, предельно собранный, энергичный, заменивший Тамчишина Кремениш пришёлся, как говорят, ко двору командирам, подчинённым. Позже все ещё раз убедились, что именно эти качества располагают к нему людей взвода, заставляют беспрекословно повиноваться, идти за ним в огонь и воду.

Не в его правилах было отсидиваться за спинами других. Тот бой произошёл в августе 1987 года. В Афганистане в этот период самый разгар сбора винограда, то есть когда день кормит год. Стояла сорокаградусная жара, хоть “робу” выжимай. У взвода, возглавляемого старшим лейтенантом Игорем Петровым, было очередное задание — обеспечить провод колонны грузовиков с горючим, рисом для горных кишлаков. Времени было в обрез. Сапёры торопились, в руках щупы, словно сабли, отполированные пылью афганских дорог. Они скрытно и быстро заскочили в виноградник. Неожиданная встреча для бойцов взвода с “духами” как снег на голову. Столкнулись они лицом к лицу. Когда раздалась вражеские автоматные очереди, Кремениш, мгновенно среагировав, бросился к командиру взвода. Николай, свалив его, загородил грудью от пуль. В данный момент никто не мог оценить всё точно, что же на самом деле произошло. Острота опасности пришла в следующие минуты. К командиру взвода и его заместителю подбежали солдаты, переживая, с расспросами: “Живы ли? Нужна ли помощь?”. Кремениш стоял в нескольких шагах от командира, всматриваясь в бледное лицо старшего лейтенанта Петрова. Ещё не веря, что остались живыми. Болело в груди, в ушах звенел треск автоматных очередей.

Игорь, не сдержав радости, просиял, заулыбался во весь белозубый рот. Он обнял своего заместителя по-братски.

“Коля, — обратился не по-уставному Петров, — ты спас мне жизнь, век буду помнить. Представить не могу, но знаю точно, что эти гады стреляли в меня, в офицера”.

Николай посмотрел на стройную, подтянутую фигуру старшего лейтенанта, словно оправдываясь в чём-то перед ним, сказал:

“Товарищ командир, ничего, живы будем, не помрём. Жизнь-то одна, и второй не будет. На моем месте каждый поступил бы так же. Я родился в рубашке, благодаря судьбе и, конечно же, бронезилету, остался невредим”.

Кремениш, суеверно сплюнув трижды через плечо, потрогав пальцами свой “броник”, с сапёрами приступил обезвреживать вражеские мины. И на этот раз задача будет выполнена точно в срок.

Старший сержант запаса и сейчас, рассказывая про те события, удивляется, как он не погиб на чужбине. Были такие бои, когда жизнь висела на волоске. За полтора годы службы в Афганистане Кремениш принял участие в пяти крупных общевойсковых боевых операциях.

Николай о себе говорил скупой. Когда речь коснулась командиров, товарищей по оружию, оживился. Без особого труда можно было догадаться, что мысленно он вновь сейчас там, среди солдат, сержантов, офицеров, среди горных хребтов, пыльных дорог, глинобитных кишлаков.

Десятки, сотни раз прав Николай Иванович, когда говорил о своих подчинённых — кто они. Казалось бы, на первый взгляд, особые парни, специально отобранные для выполнения важной задачи в “Афгане”. Но нет. Ни в одном военкомате при призыве не делили, якобы этот будет служить только в Афганистане, а другой — нет.

“Приходили в нашу часть разные, словом, обыкновенные парни, — продолжает Николай Кремениш. — Например, со мной в батальоне проходил службу рядовой Алишер Кулов, черноволосый крепыш, выросший в степях Атырауской области. Алишер из простой семьи, немногословный, скромный, но самый выносливый, я бы сказал, настоящий боец. Я до сих пор поддерживаю с ним связь, у него семья, трое детей”.

Мой собеседник на какое-то мгновение задумался, а затем произнёс: “А каким парнем был Виктор Тамчишин! Презирал смерть, ничего не боялся, подорвался при разминировании. В честь его я назвал своего племянника. Родился Виктор в местах, славящихся звонкоголосыми соловьями. Будет возможность, съезжу в Курск, поклонюсь его матери. Таким же смельчаком в батальоне был сибиряк сержант Михаил Недоливко, к тому же очень способный, мастер на все руки. Почему же таких простых мальчишек, которые становились необыкновенными в критические минуты боя, касалась судьба далёкого афганца, как своя собственная? Почему же спешил тот же украинец, водитель бронетранспортёра Юрий Михайленко, призванный из Днепропетровской области, к афганцам? Или русский сержант Сергей Саблин — весельчак, душа коллектива, никому не давал унывать. Сергей не только поднимал нам настроение, но как детям, так и белобородым афганским аксакалам. Видимо, судьба далёкого афганца интересовала потому, что в родном краю их собственная судьба была предметом заботы всех тех, кто их окружал, будь то казахи, русский, украинец, белорус, грузин, узбек... Неслучайно поэтому они приходили в “Афган” интернационалистами”.

Хоть нынче разбросало парней по странам Содружества, но “афганское” братство накрепко связывает их. Они встречаются, делятся воспоминаниями. Такие минуты встреч не стереть, не разделить никакими границами.

Да, таких же парней в 90-е годы я видел на таджикско-афганской границе среди казбатовцев, которые не только охраняли границу СНГ от моджахедов, но и делились последним куском хлеба с местным населением. “Парни что надо, на них всегда можно было положиться...” — таковы были отзывы жителей Таджикистана, защищённых от пламени войны.

Как известно, в любое сражение, в любой бой человека ведёт убеждение, вера в справедливость, потом — всё остальное. Есть, как говорят, победа силы, а есть победа справедливости. Что долговечнее? Ответ на это — в одной из восточных притч. На вопрос, что благодатно, мудрец ответил: “Время”. Что скрыто? — “Будущее”. Что надёжно? — “Земля”... А ещё мудрец добавил: “С неизбежностью и боги не спорят”.

Мне приходилось не раз бывать в Германии, США, встречаясь с ветеранами второй мировой войны, убеждался в том, что они были правы, отмечая храбрость, выдержку, силу духа советских воинов. Что ж, как сказал мудрец: “С неизбежностью и боги не спорят”. Сама история свидетельница: кто творит верную правду, а кто — низкую кривду.

Сколько бы лет ни прошло с тех пор, когда Кремениш был в “Афгане”, снятся ему те же парни, с кем делил горбушку хлеба, глоток воды, их бесстрашие. Бесспорно, это на всю жизнь. Наверное, прав был лейтенант Александр Стомба, погибший на афганской земле, оставивший такие поэтические строки:

*У офицера и солдат
в бою тяжёлом время сжато...
Вот, подготовив автоматы,
твои товарищи лежат.
Их жизнь зависит от тебя.
О, подвига полёт бессмертный!
Ты бросился под выстрел первым,
друзей и Родину любя!*

Да, лучше не скажешь.

Экибастуз — Алматы.

К 100-летию Павла Васильева

Наум ШАФЕР

Максим Горький и Павел Васильев

(К проблеме контекста в литературе и жизни)

В год столетия Павла Васильева вновь стали появляться статьи, в которых то мимоходом, то с “остановками” муссируется имя Алексея Максимовича Горького как одного из главных виновников трагической судьбы самобытного русского поэта. Кажется, это уже стало традицией, а пожалуй, и модой: ну как можно пройти мимо и не дать очередного пинка великому пролетарскому писателю? Иной и уважать себя перестанет, если не окажется сто первым.

Когда-то Евтушенко написал прекрасные строки:

*И если сотня, воя оголтело,
кого-то бьёт, — пусть даже и за дело! —
сто первым я не буду никогда!*

Ну — Евтушенко есть Евтушенко. Нам уже не привыкать к сногсшибательным парадоксам самого знаменитого поэта второй половины XX века: хорошо скажет, а потом даст отбой. Его стихотворение о Горьком заканчивается тем, что романтические герои презрительно отрекаются от своего создателя:

*И на огонёк забредя с того света,
С вопросом одним: “Как живёшь ты, покажьсь...”,
Уходит и тает в неведомом где-то,
Презрительно сплёвывая, Челкаш.*

Так кто же здесь оказался “сто первым”? Я уже не говорю о другом стихотворении Евтушенко — “Кондратий Рылеев”, стихотворении ужасном (другого определения не нахожу), где поэтический кумир XX столетия чуть ли не в третий раз вешает своего дважды повешенного собрата XIX века, автора русской народной песни “Ревела буря, дождь шумел”, — и тем самым опять выполняет функцию “сто первого” в числе тех, кто ныне с конъюнктурным энтузиазмом порочит чистое и весьма благородное движение декабристов (пусть и отдавших некоторую дань пресловутому экстремизму). Теперь со страхом жду, что наш кумир вдруг возьмёт да и отречётся от своего гениального творения “Казнь Стеньки Разина”. А что? Ведь Стенька вздумал восстать против Богом данной царской власти, да ещё и персидскую княжну утопил. Очень модная тема для нынешних демократов и либералов!

Но вернусь к основной теме данной статьи. Лично для меня особенно невыносимо, когда Горького принимают “костерить” казахстанские литераторы. И тут я подхожу к главной проблеме — к проблеме контекста не только в художественном творчестве, но и в реальной социально-бытовой жизни. Голый факт, вырванный из контекста художественного произведения или из реальной жизни, превращается в стопроцентную ложь. Именно такие факты трудней всего опровергнуть, потому что они действительно

имели место в жизни. Гораздо проще опровергнуть заведомую ложь — скажем, если кому-то пришлось бы в голову объявить Горького немецким шпионом. Тут все аргументы сразу же превратятся в прах. А вот то, что Горький усугубил трагическое положение Павла Васильева — от этого никуда не денешься: вас сразу же побьют цитатами из его публицистических выступлений и писем, а потом пригвоздят к стенке.

Давайте же обратимся к некоторым фактам из живой действительности и рассмотрим их в контексте, так сказать, времени и пространства.

Начнём с того, что невозможно опровергнуть даже дружным хором: почти вся русская литература Казахстана вышла на широкий простор благодаря инициативе и активному содействию Максима Горького. Доказательства? Пожалуйста.

Александр Новосёлов. Его смело можно назвать первым классиком русской литературы в Казахстане. Основываясь на лучших традициях бытовой прозы XIX века, он создал серию произведений, в которых сурово и безжалостно развенчал старообрядцев, спекулирующих на идее патриархальной идиллии. Восхищаясь рассказом “Жабья жизнь”, Горький в 1916 году напечатал его в своей “Летописи”, благодаря чему Новосёлов стал известен всей читающей России.

Антон Сорочкин. Этого экстравагантного писателя Горький любил за нетерпимость к культу денег и за умение создавать духовные ценности при помощи нестандартного мышления и удивительной работоспособности. Хорошо известен “наказ” Горького: “Собрать всё, что написано о Сорочкине, издать, а потом издать и его сочинения”.

Всеволод Иванов. Уроженец села Лебяжье Павлодарской области стал всемирно известным писателем опять-таки благодаря внушительному “толчку” Горького, настоявшего, чтобы первый номер первого “толстого” советского журнала “Красная новь” открылся бы повестью Всеволода Иванова “Партизаны”. И в дальнейшем великий писатель постоянно опекал своего выдвиженца, о чём Всеволод Иванов занимательно и с колоритной скромностью поведал в своей книге “Встречи с Максимом Горьким”.

Николай Анов. Полностью обязан М. Горькому своей литературной карьерой, хотя интенсивно писал и до знакомства с ним. Познакомившись с рукописью романа “Азия”, Алексей Максимович пригласил его на работу в журнал “Наши достижения”, а затем рекомендовал на ответственную должность заведующего редакцией в журнал “Красная новь”. Свои лучшие произведения первой половины 1930-х годов Николай Анов опубликовал именно в этом журнале, благодаря чему приобрёл массового читателя.

Сергей Марков. 16-летним юношей он начал свой творческий путь в Акмолинске, в газете “Красный вестник”. Затем его рассказ “Голубая ящерица” попался на глаза Горькому, и тот, помогая ему составить первую книгу прозы, посоветовал так и назвать её: “Голубая ящерица”. На протяжении всей своей жизни, уже будучи известным прозаиком и поэтом, а заодно действительным членом Географического общества СССР, Сергей Марков с любовью вспоминал “пленительную сладость” общения с Максимом Горьким.

Иван Шухов. Это — особая страница во взаимоотношениях Горького с русскими писателями Казахстана. Даже подчас остро критикуя Шухова за компоненты стилистической вычурности, Горький неизменно ставил его на самое первое место среди других казахстанских писателей. Прочитав роман “Горькая линия”, Алексей Максимович поразился мужеству

писателя, который “будучи казаком, нашёл в себе достаточно смелости и свободы для того, чтобы изображать казаков с беспощадной и правдивой суровостью...”.

Что же касается романа “Ненависть”, который был переведён на все главные европейские языки, то Горький считал его едва ли не самым лучшим романом на колхозную тему и в частных беседах ставил его по некоторым параметрам выше даже “Поднятой целины” Шолохова. Следует добавить, что ни над чьими другими рукописями Горький так тщательно не работал, как над рукописями Шухова, правя их таким образом, чтобы они были достойны блистательного таланта автора и высокого уровня его проникновения в тайные глубины фольклорной языковой эстетики.

Павел Васильев. Вот тут Алексей Максимович Горький и споткнулся... Вспомнить бы известную поговорку: “Конь и об четырёх ногах спотыкается”... Так нет же. Наши васильеведы как с цепи сорвались. Факт был с апломбом вырван из контекста всей жизненной и творческой судьбы прославленного писателя и добрейшего человека. Как будто бы не было гигантской личности, чей вдохновенный творческий труд сыграл огромную преобразующую роль в общественном и культурном сознании не только России, но и всего человечества. Как будто бы не было творца, воспевшего созидательную мощь свободного человека и красоту его романтического подвига. Как будто не было художника, раскрывшего антинародную буржуазную сущность бескрайнего хищничества и наглого насилия... А был просто смирившийся приспособленец, сталинский подпевала, который, пользуясь своим высоким положением, помог властям окончательно “добить” великого русского поэта Павла Васильева.

Последний довод, похожий на произнесённый приговор, более всего непростителен в первую очередь, повторяю, для казахстанских васильеведов (о российских пока умолчу). Непростителен прежде всего потому, что именно Горький фактически выпестовал всю русскую литературу Казахстана, поставив её на крепкие ноги и наделив орлиными крыльями. Даже если он и жестоко ошибся по отношению к Павлу Васильеву, то об этом следует говорить не со злобой и разоблачительным пафосом, а с горечью и извинительным сожалением.

А ещё разумней было бы не просто горевать и сожалеть. В данном случае истина (в отличие от голой правды) может раскрыться только в контексте конкретных событий и мировоззренческих позиций Максима Горького. Обратимся же к контексту.

О Павле Васильеве М. Горький высказался в своих знаменитых публицистических заметках “Литературные забавы”, которые в 1934-35 годах печатались одновременно и в “Правде”, и в “Известиях”, и в “Литературной газете”, а часть из них вдобавок и в “Литературном Ленинграде”. Так что заметки эти действительно были широко разрекламированы, а публикации в “Правде” и “Известиях” приравнивались к правительственной оценке всего того, о чём там шла речь. Дело было очень серьёзное.

Но что упускают из виду нынешние васильеведы? Целиком сосредоточившись только на Павле Васильеве и вырывая слова Горького о нём из контекста заметок, они (вольно или невольно) придают им искажённый смысл. А между тем весь пафос заметок Горького состоял в том, чтобы

вынести на справедливый суд дикие факты, которые с каждым днём учащались и становились типичными для литературной среды, приобретая весьма опасный характер: бескультурье, зазнайство, насильственное обобщение сомнительных достижений в творческой деятельности, подмена истинного гуманизма абстрактной добродетелью и т. д. Но более всего писателя возмущало возрождение в писательской среде богемного образа жизни с непререкаемыми пьянками и драками. С точки зрения Горького, возрождение подобных обычаев компрометирует идеи социализма, при котором должны господствовать честный труд, чистая совесть, высокая нравственность в личной жизни, общественная активность, дисциплинарное поведение и чувство ответственности за всё, что творится в стране. А теперь, с точки зрения сказанного, попробуем внимательно перечитать всего один абзац из “Литературных забав” Горького:

“Жалуются, что поэт Павел Васильев хулиганит хуже, чем хулиганил Сергей Есенин. Но в то время, как одни порицают хулигана, — другие восхищаются его даровитостью, “широтой натуры”, его “кондовой мужицкой силой” и т. д. Но порицающие ничего не делают для того, чтоб обеззаразить свою среду от присутствия в ней хулигана, хотя ясно, что, если он действительно является заразным началом, его следует как-то изолировать. А те, которые восхищаются талантом П. Васильева, не делают никаких попыток, чтоб перевоспитать его. Вывод отсюда ясен: и те и другие одинаково социально пассивны, и те и другие по существу своему равнодушно “взирают” на порчу литературных нравов, на отравление молодёжи хулиганством, хотя от хулиганства до фашизма расстояние “короче воробьиного носа”.

С формальной точки зрения, слова Горького конечно же производят гнетущее впечатление. Но с другой стороны, попробуем себя поставить на место писателя. Он не настолько был хорошо знаком с Павлом Васильевым, чтобы понять эмоциональное состояние поэта, чья душа, как у Есенина, требовала широкого простора, а её, душу, постоянно укладывали в “прокрустово ложе”. Бунт Павла Васильева, сопровождаемый, так сказать, “хулиганскими поступками”, на самом деле представлял собой отчаянное сопротивление бытовому и социальному догматизму, который нивелировал уникальность человеческой личности. Горькому же докладывали “голые” факты, абсолютно вырванные из контекста вихревого состояния мощной поэтической натуры: кому-то дал в морду, кого-то обозвал “жидом”, в кого-то запустил пивную кружку и т. д. и т. п. А подобные факты буквально выводили писателя из себя. С самых ранних детских лет он возненавидел драки, мордобой, сквернословие, которые, с его точки зрения, превращали человека в тупое звероподобное существо. Вид невинно избитого вызывал у Горького чувство глубокого сострадания и тоскливую боль за его униженное человеческое достоинство. Вот фрагмент воспоминаний писателя о своих молодых годах:

“Для меня жизнь была серьёзной задачей, я слишком много видел, думал, я жил в непрерывной тревоге. В душе моей нестройным хором кричали вопросы...”

Однажды на базаре полицейский избил благообразного старика, одноглазого еврея, за то, что еврей, будто бы, украл у торговца пучок хрена. Я встретил старика на улице, — вываленный в пыли, он шёл медленно, с какой-то картинной торжественностью, его большой чёрный глаз строго смотрел в пустое знойное небо, а из разбитого рта по белой длинной бороде текла тонкими струйками кровь, окрашивая серебро волос в яркий пурпур.

Тридцать лет тому назад было это, и я вот сейчас вижу перед собой этот взгляд, устремлённый в небо с безмолвным упреком, вижу, как дрожат на лице старика серебряные иглы бровей.

Не забываются оскорбления, нанесённые человеку.

И — да не забудутся”.

Знаменитая горьковская фраза “Человек — это звучит гордо!” не была пустой декларацией. В ней сконцентрированы его мысли и чувства, связанные прежде всего с размышлениями о русском народе, который он хотел воспринимать как олицетворение духовной силы и красоты, а не как чахлого раба, покоровшегося гнёту и насилию и способного лишь на то, чтобы выплёскивать свои эмоции в бурных бытовых драках. Пусть сочтут моё суждение парадоксальным, но, жестоко критикуя Павла Васильева, Горький исходил не просто из абстрактной любви к человеку вообще, а конкретно из любви к самому поэту. Наши васильеведы почему-то постоянно забывают, что именно по рекомендации Горького Павел Васильев был принят в Союз советских писателей. Теперь поставьте себя на место пролетарского писателя, который размышлял примерно в таком роде: я рекомендовал его в Союз писателей, ну а он что вытворяет? Это же элементарная логика, объясняющая моральное состояние человека, оскорблённого в своих лучших чувствах.

Вместо того чтобы разобраться в этих сложных нюансах, мы сосредоточиваемся на глаголе “обеззаразить”. Ну а дальше-то, дальше... А дальше: “А те, которые восхищаются талантом П. Васильева, не делают никаких попыток, чтоб перевоспитать его”. Значит, всё-таки перевоспитать?

Не в тюрьму посадить, не к стенке поставить, а пе-ре-вос-пи-тать? Как по-хозяйски писатель оберегал даровитых людей, как страстно он мечтал, чтобы “талант” и “душевная развитость” стали синонимами!

Те, которые особенно рьяно упражняются в “разоблачении” Горького, всегда нападают на то, что писатель, осуждая Васильева за хулиганство, уподобил его фашистам. Но ведь тут опять явное “выдиране” слов Горького из контекста его размышлений. И хотя выше я привёл целиком абзац из “Литературных забав”, считаю нужным снова воспроизвести содержание его второй части. Одинаково порицая и тех, кто восхищается поэтом, и тех, кто его осуждает, Горький резюмирует: “Вывод отсюда ясен: и те и другие одинаково социально пассивны, и те и другие по существу своему равнодушно “взирают” на порчу литературных нравов, на отравление молодежи хулиганством, хотя от хулиганства до фашизма расстояние “короче воробьиного носа””.

Позволю себе тоже сделать некий вывод. Почему мы решили, что слова о фашизме относятся персонально к Павлу Васильеву? Попробуем истолковать тезис Горького в его, так сказать, “чистом виде”, безотносительно к Васильеву. От хулиганства до фашизма — очень большое расстояние? Или оно всё-таки “короче воробьиного носа”?

Горький писал эти строки в дни кошмарного разгула озверевших гитлеровцев, которые очумели от собственного прихода к власти: на площадях публично сжигались книги, устраивались дикие еврейские погромы, на улицах то и дело возникали хулиганские самосуды, сопровождаемые зубодробительными действиями и беспорядочной стрельбой... Было бы просто не логично, если бы у художника, обладавшего высшей мерой типизации, не пробудились бы различные ассоциации, связанные не только с современными событиями, но и с картинами детства из дореволюционной России.

Дмитрий Быков в своей оригинальной, но, увы, наспех написанной книге “Был ли Горький?” приводит отзыв Корнея Чуковского о повести “Детство”. Попробуем перечитать эти строки в контексте отношения Горького к “хулиганским выходкам” Павла Васильева:

“Когда читаешь книгу “Детство”, кажется, что читаешь о каторге: столько там драк, зуботычин, убийств. Воры и убийцы окружали его колыбель, и право, не их вина, если он не пошёл их путём. Мальчику показывали изо дня в день развороченные черепа и раздробленные скулы. Ему показывали, как в голову женщины вбивать острые железные шпильки, как калечить дубиной родную мать, как швырять в родного отца кирпичами, изрыгая на него идиотски-гнусную ругань. Среди самых близких своих родных он мог бы с гордостью назвать нескольких профессоров поножовщины, поджигателей, громил и убийц. Оба его дяди по матери — дядя Яша и дядя Миша — оба до смерти заколотили своих жён, один одну, а другой двух, убили его друга Цыганка — и убили не топором, а крестом! В десять лет он и сам уже знал, что такое схватить в ярости нож и кинуться с топором на человека”.

Казалось бы, Д. Быков мог сделать вывод, что Горький в подобных поступках видел не столько гнусное растление других, сколько собственное саморастление буянов: человек с тупым упорством вытравливал в себе последние остатки человечности. Ведь когда Горькому “докладывали” о буйствах Павла Васильева, Бориса Корнилова, Ярослава Смелякова, то он ужасался не столько тому, что они совершали по отношению к другим, сколько тому, что они убивали в себе Богом данный талант.. Так нет же! Дебоши и пьяные драки Д. Быков сводит к “довольно невинным даже по тогдашним временам забавам”, а Горький, мол, и в литературных дискуссиях “выступал с церберских охранительных позиций”. Думаю, что в солидной монографии Павла Басинского, вышедшей в серии ЖЗЛ, противоречивые качества Горького охарактеризованы значительно точнее и обстоятельней: все видимые явления изображены в тесной связи с внутренними переживаниями писателя. Я уже не говорю о Вадиме Баранове, который в начале “перестройки” был едва ли не единственным защитником чести пролетарского писателя и, несмотря на спорность некоторых концепций, сумел своим голосом перекрыть невообразимую шумиху, поднятую либералами и демократами.

... Но возвращаюсь к статье Горького “Литературные забавы”. Внушительный кусок представляет собой длинную цитату, и писатель это особо подчёркивает: “Недавно один из литераторов передал мне письмо к нему партийца, ознакомившегося с писательской ячейкой комсомола”. После чего цитируется объёмное письмо... О чём речь? О литературных талантах среди комсомольцев. О недисциплинированности отдельных лиц. Об их некультурности, которая порой возводится в добродетель. О том, что дезорганизирующим началом является отсутствие твёрдого заработка. (Очень верное замечание!). А далее критикуется “откат” в либеральную богему, с перечислением писательских имён, причём больше всех достаётся Павлу Васильеву.

И здесь мне снова хочется напомнить о недостойных приёмах подтасовщиков, которые, ссылаясь на статью “Литературные забавы”, приписывают Горькому слова, вовсе им не сказанные, а лишь процитированные:

“Конкретно: на характеристике молодого поэта Яр. Смелякова всё более и более отражаются личные качества поэта Павла Васильева. Нет

ничего грязнее этого осколка буржуазно-литературной богемы. Политически (это не ново знающим творчество Павла Васильева) это враг”.

Что и говорить — мерзкие и подлые слова! Но они принадлежат не Горькому, а безымянному партийцу. И, конечно, было бы лучше, если бы писатель их не огласил: ведь написанные или произнесённые слова начинают жить и действовать уже помимо нашей воли и — главное — безотносительно к тому, насколько они соответствуют правде... Зачем же Горький их цитировал? Ответ содержится опять-таки в контексте письма партийца, вернее, в описанном эпизоде, который потряс писателя:

“А вот — Васильев Павел, он бьёт жену, пьянствует. Многое мной в отношении к нему проверяется, хотя облик его и ясен. Я попробовал поговорить с ним по поводу его отношения к жене.

— Она меня любит, а я её разлюбил... Удивляются все — она хорошенькая... А вот я её разлюбил...”.

Вот такого Горький никогда никому не прощал. Человек легендарной доброты, он мог со временем простить любые тяжкие оскорбления в свой собственный адрес, но здоровый мужчина, бьющий слабую женщину, тем более жену и мать, вызывал у него омерзение на всю жизнь. “Прославим женщину — Мать, неиссякаемый источник всё побеждающей жизни!” — восклицал Горький в “Сказках об Италии”. А тут его информируют, что Васильев бьёт свою жену Галину Анучину, родившую ему замечательную дочь Наташу — ту самую Наталью Павловну Фурман, которая до сих пор преданно и самоотверженно служит памяти своего гениального отца и делает всё возможное, чтобы новые поколения слушали его звонкий поэтический голос.

И здесь, надо полагать, Горький снова оказался во власти ассоциаций, чьи истоки мы снова обнаруживаем в дореволюционной России. В 1895 году он написал страшный очерк “Вывод” — на основе увиденного собственными глазами:

“К передку телеги привязана верёвкой за руки маленькая, совершенно нагая женщина, почти девочка. Она идёт как-то странно — боком, ноги её дрожат, подгибаются, её голова, в растрёпанных тёмно-русых волосах, поднята кверху и немного откинута назад, глаза широко открыты, смотрят вдаль тупым взглядом, в котором нет ничего человеческого. Всё тело её в синих и багровых пятнах, круглых и продолговатых, левая упругая, девичья грудь рассечена, и из неё сочится кровь. Она образовала красную полосу на животе и ниже по левой ноге до колена, а на голени её скрывает коричневая короста пыли. Кажется, что с тела этой женщины содрана длинная и узкая лента кожи. И, должно быть, по животу женщины долго били поленом, а может, топтали его ногами в сапогах — живот чудовищно вспух и посинел”.

Давайте мысленно снова представим себе, какие чувства испытал Горький и какие мысли стали его одолевать, когда ему рассказали о несчастной жене Павла Васильева. В чём же смысл Октябрьской революции, раскрепостившей женщину? В чём нравственное превосходство социализма над дикими нравами прежней деревенской Руси, если даже не мещанин — нет! — а член Союза советских писателей глумится над беззащитной женой? Имеет ли он право называться поэтом, несмотря на талант? И мужчина ли он в конце концов, если бьёт слабую женщину? Читая очерк “Вывод” дальше:

“А на телеге стоит высокий мужик, в белой рубахе, в чёрной смушковой шапке, из-под которой, перерезывая ему лоб, свесилась прядь яркорыжих

волос: в одной руке он держит вожжи, в другой — кнут и методически хлещет им раз по спине лошади и раз по телу маленькой женщины, и без того уже добитой до утраты человеческого образа. Глаза рыжего мужика налиты кровью и блещут злым торжеством. Волосы оттеняют их зеленоватый цвет. Засученные по локти рукава рубахи обнажили крепкие руки, густо поросшие рыжей шерстью; рот его открыт, полон острых белых зубов, и порой мужик хрипло вскрикивает:

— Н-ну...ведьма! Гей! Н-ну! Ага! Раз!..

Сзади телеги и женщины, привязанной к ней, валом валит толпа и тоже кричит, воет, свищет, смеётся, улюлюкает, подзадоривает”.

Горький сам ужаснулся тому, что написал. И решил, что читатель может не поверить прочитанному. Поэтому в конце добавил:

“Это я написал не выдуманное мною изображение истязания правды — нет, к сожалению, это не выдумка. Это называется — “вывод”. Так наказывают мужья жён за измену; это бытовая картина, обычай, и это я видел в 1891 году, 15 июля, в деревне Кандыбовке, Херсонской губернии, Николаевского уезда. (...) И вот — видел, что всё это — возможно в среде людей безграмотных, бессовестных, одичавших от волчьей жизни в зависти и жадности”.

Как мог приблизительно рассуждать Горький впоследствии — в советские времена? Мол, так в старину мужья наказывали жён за измену...А в случае с Павлом Васильевым и измены-то никакой не было. Наоборот: “Она меня любит, а я её разлюбил”. Мужчина бьёт женщину за верную любовь к нему! Причём не безграмотный мужик, одичавший от волчьей жизни, а всесоюзно известный поэт! Что же такое творится? Это в нашем-то социалистическом обществе! И при советской власти! Если писатель — хулиган, то как он сможет соотносить себя с моральными и духовными ценностями? И как он сможет воспитать нового читателя — человека с возвышенными духовными устремлениями?

Не претендую на стопроцентную правоту, но именно так представляется мне ход рассуждений Алексея Максимовича Горького, решившего публично “проучить” Павла Васильева, своего выдвигенца в Союз советских писателей, выдвигенца, который не оправдал его доверия.

Это понимал и сам Павел Васильев, который не только не рассердился на Горького, а наоборот, испытал тоскливое чувство смутного стыда от сознания, что подвёл своего благодетеля. В черновом варианте письма к нему, написанном в июне 1934 года, он искренно признаёт серьёзность проблемы о быте писателей, которую поднял Горький. Васильев пишет, что статья “Литературные забавы” заставила его глубоко задуматься над своим бытом и над своим творчеством. И что он абсолютно согласен с формулировкой, что от хулиганства до фашизма — расстояние короче воробьиного носа:

“Я пришёл к выводу, что должен коренным образом перестроить свою жизнь и раз и навсегда покончить с хулиганством, от которого, как правильно Вы выразились, до фашизма расстояние короче воробьиного носа. Свою перестройку я покажу на деле”.

Вот над чем следовало бы задуматься кое-кому из нынешних васильеведов! Сам Павел Васильев уразумел, что эти слова, действительно ставшие потом для него роковыми, вовсе не относились персонально к нему: термины “хулиганство” и “фашизм” писатель употребил в обобщённом смысле, и не его вина, что ловкие конъюнктурщики использовали их на свою потребу, чтобы окончательно погубить поэта.

Соглашаясь с Горьким, Васильев в то же время протестует по поводу огласки письма безымянного партийца:

“Но, Алексей Максимович, в письме, которое Вы публикуете в своей статье, неизвестный автор называет меня прямо политическим врагом. Это глубоко неправильно и голословно. Имея в своих произведениях отдельные политические срывы, политическим, то есть сознательным, преднамеренным и расчётливым врагом советской власти я не являлся и никогда являться не буду”.

... Здесь я хочу прервать тему “Максим Горький и Павел Васильев” и сделать необходимое отступление: с одной стороны, оно продолжит проблему контекста в реальной жизни и в художественной литературе, с другой — дополнит её “побочными” примерами, касающимися мировоззренческой позиции Павла Васильева.

Поводом для данного отступления послужил следующий случай. Однажды у меня в гостях побывал поэт Иван Кандыбаев, которого я мысленно называю “павлодарским Кольцовым”, поскольку, как мне кажется, ни у кого из других местных поэтов так сильно не обнаруживаются интонации из деревенского русского фольклора. Кандыбаев к тому же и прекрасный чтец: декламируя свои собственные стихи, а также стихи Сергея Есенина и Павла Васильева, он буквально “зажигает” слушателей ответным чувством, поскольку умеет эмоционально высветить поэтическую мысль художественного произведения. Так вот — я попросил Ивана Ивановича “начитать” на магнитофон несколько стихотворений Павла Васильева, в том числе “Павлодар”. И Кандыбаев проникновенно начал:

*Сердечный мой,
Мне говор твой знаком.
Я о тебе припомнил, как о брате,
Вспоённый полносочным молоком
Твоих коров, мычащих на закате.*

И далее он с нежностью оттенял зримые приметы старого Павлодара: и кланяющиеся низко тополя, и рябые утки, ныряющие, как тяжёлые ковши, в утреннюю воду, и костистые хриплые телеги, прыгающие в овсах, и амбары, палисадники, старые дома, в чьих распахнутых окнах цветёт герань... И вдруг Кандыбаев остановился:

— Дальше я читать не буду.

— А что случилось?

— Дальше уже пошло советское... Мне посоветовали это не читать.

Да, дальше действительно пошло советское. Поэт, влюблённый до боли в знакомые с детства приметы старого Павлодара, пытается убедить и себя, и других, что во имя индустриального расцвета родного города нужно вытравить в своей душе любовь к старине. Но сделать это безумно трудно: мешают память. А как поступить с памятью? Очень просто:

*Так для неё я приготовил кнут —
Хлещи её по морде домоседской,
По отроческой, юношеской, детской!
Бей, бей её, как непокорных бьют!*

Пусть взорван шорох прежней тишины
 И далеки приятельские лица, —
 С промышленными нуждами страны
 Поэзия должна теперь сдружиться.
 И я смотрю,
 Как в пламени зари,
 Под облачную высоту,
 Полынные родные пустыри
 Завод одел железною листвою.

Да это же мучительное и явное преодоление есенинской трагедии! Вспомним: Сергей Есенин, с одной стороны, приветствовал реформирование старой деревни, то есть её “смычку” с промышленным городом, понимая, что только таким путём можно избавить Русь от вековой темноты и нищеты; с другой — он страшно боялся, что индустриальный лязг и грохот, который ворвётся в деревню вместе с агитационными лозунгами, стихами и песнями, уничтожит поэзию печали русских полей, осквернит чистую и светлую любовь сельчан к родной природе и к священным старинным обычаям, связанным с религией, традиционными посиделками и девичьими хороводами при ясной луне. Эти чувства с особой горечью выражены в стихотворении “Русь советская”:

*С горы идёт крестьянский комсомол,
 И под гармонику, наяривая рьяно,
 Поют агитки Бедного Демьяна,
 Весёлым криком оглашая дол...*

*Вот так страна!
 Какого ж я рожна
 Орал в стихах, что я с народом дружен?
 Моя поэзия здесь больше не нужна,
 Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.*

Нет, Павел Васильев считал, что он нужен советской стране! Мало того, в одном из своих стихотворений он прославляет — кого бы вы думали? — того самого Демьяна Бедного, который был так ненавистен Есенину своим богохульством и плакатной грубостью агиток:

*Твоих стихов простонародный говор
 Меня сегодня утром разбудил.
 Мне дорог он,
 Мне близок он и мил,
 По совести — я не хочу другого
 Сегодня слушать...*

Послушаем же внимательно и мы: Васильев обращается к Демьяну Бедному чуть ли не с пушкинскими интонациями, которые были предназначены для Василия Андреевича Жуковского:

*Его стихов пленительная сладость
 Пройдёт веков завистливую даль...*

А Павел Васильев не мог лицемерить. Он писал от души, потому что в Демьяне Бедном видел своего соратника по утверждению в жизни лучших социалистических идеалов:

*Я ясно вижу, мой певец, твою
Любимую прекрасную подругу.
На целом свете нету ни одной
Подобной ей —
Её повсюду знают,
Её зовут советскою страной.
Страною счастья также называют.
Как никому, завидую тебе,
Обветрившему песней миллионы,
Несущему в победах и борьбе
Поэзии багровые знамёна!*

Для чего я сейчас об этом напоминаю? Да потому что в писаниях ряда исследователей то и дело мелькают фразы, наталкивающие читателей на мысль, что Павел Васильев пострадал из-за своей непокорности советской власти. Такие мысли невольно возникают и при чтении весьма добротной книги С.П. Шевченко “Будет вам помилование, люди...”, в результате чего автор, сам того не желая, добивается обратного эффекта: получается, что Павел Васильев был действительно опасен для новых властей и не зря его репрессировали.

Между тем поэт активно вторгается в новую советскую действительность, он путешествует по стране и везде стремится проявить себя как живой участник социалистического строительства. На Дальнем Востоке он нанимается матросом на шхуну, испытывая одновременно элегическое и угарное очарование от впечатлений, полученных во время рейсов между Владивостоком и Японией. Под воздействием заманчивых лозунгов первых пятилеток он затем мчится на Лену, чтобы в рядах рабочих групп золотоискателей добывать для советской державы столь необходимый ей благородный металл. Мало того, выпускает подряд две очерковые книжки “Люди в тайге” и “В золотой разведке”, — причём до того, как успел скомпоновать стихи для своего первого поэтического сборника. А герои для стихов ищет прежде всего среди преобразователей Сибири и Казахстана. И беспрерывно сопоставляет старый и новый быт, делая радостные выводы в пользу всего нового. Он воспеваает сказочный рост индустриальных объектов и богатые хлебные урожаи. Примечательны его поэтические строки, посвящённые цветущему совхозному полю:

*Здесь просится каждый цветущий колос
В социалистический герб.*

Не буду сейчас говорить о крупных вещах Павла Васильева, его поэмах, проникнутых острой критикой кулацко-буржуазного мира, на смену которому приходит долгожданный новый государственный и общественный строй. Скажу лишь, что даже в любовной лирике поэт с непосредственной искренностью выражает свои патриотические чувства по отношению к советской — именно к советской! — стране. Вот концовка одного из стихотворений, посвящённых Наталье Кончаловской:

*Я шлю приветы издалёка,
Я пожеланья шлю...Ну что ж?
Будь здорова и краснощёка,
Ходи стройней, гляди высоко,
Как та страна, где ты живёшь.*

И снова становится ясным, что “хулиганские выходки” поэта были обусловлены не его натурой, а глубокой тоской от сознания, что все его благородные побуждения разбиваются о глухую стенку, которую воздвигли перед ним верховные бюрократы и догматики:

*Неужель правители не знают,
Принимая гордость за вражду,
Что пенькой поэта пеленают,
Руки ему крутят на беду.*

.....
*Песнь моя! Ты кровью покормила
Всех врагов. В присутствии твоём
Принимаю звание громилы,
Если рокот гуслей — это гром.*

Подобное трагическое недоумение было характерно не только для Павла Васильева. Оболганный фанатичный коммунист Бруно Ясенский, автор яркого приключенческого романа о социалистическом строительстве в Таджикистане “Человек меняет кожу”, сидя в орловской тюрьме в ожидании расстрела, написал потрясающие поэтические строки:

*Герольд коммунизма бессмертных идей,
Прославивший дней наших великолепье,
Лежу за решёткой, как враг и злодей, —
Может ли быть положенье нелепей?!*

*Но я не корю тебя, Родина-мать,
Я знаю, что, только в сынах разuverясь,
Могла ты поверить в подобную ересь
И песню мою, как шпагу, сломать.*

*Что ж, видно, не много создать мне дано,
И, может быть, стань я с эпохой вровень,
Моё громогласное “Я НЕ ВИНОВЕН!”
Услышано было б моею страной.*

*На стьике грядущих боёв и коммун
Оборванной песни допеть не успел я,
И образы вянут, как яблоки спелые,
Которых уже не сорвать никому.*

*Шагай, моя песня, в знамённом строю,
Не плачь, что так мало с тобою мы пожили.
Бесславен наш жребий, но раньше ли, позже ли —
Отчизна заметит ошибку свою.*

Характерно, что и Павел Васильев, и Бруно Ясенский, испытав на себе унижительную тяжесть позорной клеветы, не изменили своего позитивного отношения к советской власти: во всех бедах и несчастьях они винили только догматиков и приспособленцев, действующих из карьеристских соображений.

Нет, не случайно Василий Каменский полагал, что именно “советскость” Павла Васильева является его надёжным поясом безопасности.

Ошеломлённый арестом певца социализма, он в письме Е. Вяловой (оно впервые было обнародовано С. И. Гронской) назвал его поэтом “крепкого советского духа”. И действительно, заверяя Горького, что никогда не станет врагом советской власти, Павел Васильев вполне мог бы впоследствии подписаться под словами Владимира Высоцкого: “Ни единою буквой не лгу, не лгу...”.

А теперь перехожу к беловику письма Павла Васильева, отправленного Максиму Горькому в июле 1934 года — приблизительно через неделю после заброшенного черновика. Поэт напоминает, что общественность не раз предостерегала его от дебоширства, но только статья “О литературных забавах” побудила его “очухаться” и трезво оценить свои непристойные поступки:

“Стыдно и позорно было бы мне, Алексей Максимович, если бы я не нашёл в себе мужества сказать, что да, действительно такое моё хулиганство на фоне героического строительства, охватившего страну, и при условии задач, которые стоят перед советской литературой, являются не “случаями в пивной”, а политическим фактом”. Далее поэт с предельной краткостью и точностью формулирует главную задачу, стоящую перед писателями: “Мы строим не “стойло Пегаса”, а литературу, достойную нашей великой страны”. И он даже благодарит Горького за жестокую, но справедливую критику: “И Вы, Алексей Максимович, поступили глубоко правильно, ударив по мне и по тем, кто следовал моему печальному примеру. Скандала, я оказывал влияние на отдельных поэтов из рабочего молодняка, как, например, на Смелякова. Я думаю, что Ваша статья отбила у них охоту к дальнейшим подражаниям, и, кроме пользы, ничего не принесла”.

Как-то мне пришлось поdiscутировать с Сергеем Павловичем Шевченко по поводу этих строк. Наш маститый павлодарский прозаик пытался меня убедить, что Васильев был вынужден так писать, чтобы каким-то образом облегчить своё положение, — короче говоря, в данном случае он был не совсем искренен в своих чувствах к Горькому: мол, невооружённым глазом видно, как проскальзывает и даже явно приоткрывается вымученное раболепство.

Что я мог на это ответить? Начал с того, что, когда музыкальный педагог демонстрирует ученикам звучание различных инструментов, он неоднократно повторяет: “Слушай! Различай!”. В хаосе “перестройки” мы совершенно разучились слушать и различать, потому что действовали нахрапом и всё сваливали в общую кучу, не придавая значения нюансам. Случай с Павлом Васильевым — далеко не единственный. Ведь и по отношению к другим писателям наши новоявленные критики и литературоведы вели себя, ориентируясь на сугубо бытовую логику, далёкую от науки: дескать, Мандельштам после своего разоблачительного стихотворения о Сталине написал стихотворение прославительное, боясь, что его сошлют куда дальше Воронежа; Булгаков сочинил пьесу о Сталине “Батум” с надеждой, что после её представления власти снимут запрет с других его пьес; тишайшая Анна Ахматова разразилась панегириком в честь Сталина, предполагая, что “отец народов”, прочитав его, облегчит участь её арестованного сына Льва Гумилёва... И так далее, и тому подобное...

На самом деле всё обстояло гораздо сложнее. Неслучайно во второй половине XX-го столетия стал очень популярным термин “амбивалентность”, который трактуется как соединение в одном человеке самых разноречивых (подчас прямо противоположных) чувств и мыслей по отношению

к какой-либо личности или общественному явлению. И Мандельштам, и Булгаков, и Ахматова, и некоторые другие видные деятели литературы и искусства относились к Сталину амбивалентно: с одной стороны, они видели в нём тирана и палача, с другой — создателя могущественного государства в мире. Он был для них злым и коварным Богом, но всё-таки Богом. И они ни капельки не лицемерили, когда в одном случае выражали своё негодование, а в другом случае — восхищение. А те критики, которые рассматривали всё это сквозь призму “проблемы выживания”, сами не осознавали, что выдают себя с головой: они приписывали великим творцам то, что совершали или могли совершить сами. Блистательная самохарактеристика!

Конечно же, Павел Васильев видел, что Горький в определённом смысле стал рупором партийных догматиков. И в то же время отлично сознавал, что его не подкупишь, что он был и остался человеком светлой и самоотверженной души — таким, каким предстал в своих великих творениях. Ну а Горький, в свою очередь, тоже понял, что Васильев писал ему искренно, от всей души и что в его самобичевании нет ничего фальшивого и раболепного. Ответ писателя, опубликованный 12 июля 1934 года в “Литературной газете”, именно об этом и свидетельствует:

“Я не стал бы отвечать Вам, Павел Васильев, если б не думал, что Вы писали искренно и уверенно в силе Вашей воли. Если этой воли хватит Вам для того, чтоб Вы серьёзно отнеслись к недюжинному дарованию Вашему, которое — как подросток — требует внимательного воспитания, если это сбудется, тогда Вы, наверное, войдёте в советскую литературу как большой и своеобразный поэт.

О поведении Вашем говорили так громко, писали мне так часто, что я должен был упомянуть о Вас — в числе прочих, как Вы знаете. Мой долг старого литератора, всецело преданного великому делу пролетариата, — охранять литературу Советов от засорения фокусниками слова, хулиганами, халтурщиками и вообще паразитами. Это не очень лёгкая и очень неприятная работа. Особенно неприятна она тем, что как только дружески скажешь о ком-либо неласковое или резкое слово, тотчас же на этого человека со всех сторон начинают орать люди, которые ничем не лучше, а часто — хуже. Так было в случае с Панфёровым: немедленно после моего мнения о небрежности его работы на Панфёрова зарычали, залаяли даже те люди, которые ещё накануне хвалили его. Этих двоедушных беспринципных паразитов пролетариата нужно ненавидеть, обличать, обнажать их гнусенькое лицемерие, изгонять из литературы так же, как всякого, кто так или иначе компрометирует советскую литературу, внося в неё всякую дрянь и грязь”.

Письмо Горького — яркий документ в защиту Павла Васильева. Казалось бы, здесь нельзя найти ни одной фразы, ни одного слова, которому можно было бы придать противоположный смысл. Здесь и подтекста особого нет, благодаря которому легче было бы переиначить смысл сказанного. Всё ясно, как Божий день: Горький, как когда-то говорил Пифагор, делал великое, не обещая великого. Однако Сергей Шевченко в упомянутой выше книге растолковывает слова писателя как “безадресное ворчание о двоедушных беспринципных паразитах”, присовокупляя при этом, что тут в целом “не более, чем сотрясение воздуха”. Мало того, войдя в раж, Шевченко делает вывод, что своим ответным письмом Горький “узаконил” (так и написано: “узаконил”!) травлю Павла Васильева.

... Должен сказать, что здесь у меня невольно опускаются руки, и я не уверен, стоит ли в таком случае вообще вступать в полемику. Можно ли

полемизировать, когда на дворе стоит ясный солнечный день, а тебе талдычат, что это — тёмная ночь без луны и звёзд?

Безадресное ворчание? Да в том-то и сила горьковских слов, что они адресованы не конкретно Иванову, Петрову, Сидорову, а обобщают жуткое явление эпохи социализма, когда справедливая критика, исходящая из уст знаменитой личности, трансформируется у бесстыдных приспособленцев в смертоносную дубину, при помощи которой они расчищают себе путь на верхушку власти!

Сотрясение воздуха? Да это же сотрясение тех социальных основ и той гнилой почвы, на которых произрастают ядовитые семена холуйства, беспринципности и беспардонного карьеризма! Примазывающих к социализму подлых людишек Горький со всей силой своей человеческой и писательской страсти призывает ненавидеть, обличать, обнажать их гнусенькое лицемерие и изгонять из литературы вообще.

А ведь в ответном письме Горького содержится к тому же и чёткое признание “недожиданного дарования” Павла Васильева, и пророческое предсказание, что он войдёт “в советскую литературу как большой и своеобразный поэт”. В самом стиле здесь чувствуется какое-то романтическое упование...

И это называется — “узаконить” травлю?! Я лично позавидовал бы любому поэту, которого бы ТАК травили...

Вероятно, Сергею Павловичу Шевченко, опытному прозаику, в данном случае просто изменило стилистическое чутьё. Или он попал под влияние экстремистски настроенных “демократов”...Теперь его нет, и я не услышу ответных реплик. Впрочем, я их не слышал и при его жизни. Он с очаровательной улыбкой выслушивал мои доводы, которые я привёл выше, и... молчал. Это при его-то всем известной темпераментной реакции на любые спорные темы!

Возможно, я не стал бы столь настойчиво заострять внимание читателя на этом инциденте, если бы буквально на днях ко мне в руки не попал солидный том экспансивного (по-хорошему) поэта и эссеиста Новомира Зарембо “Что мне сказать тебе, Россия”, вышедший в нынешнем году в Москве. На 653-й странице я прочитал: “А лучшее из написанного о Павле Васильеве — книга Сергея Шевченко, изданная в 1999 году в Павлодаре, “Будет вам помилование, люди”... Нет, подумал я, уж слишком это категорично... Конечно, Н. Зарембо имеет полное право так считать. Тем более, что многие страницы шевченковской книги действительно написаны на хорошем научно-художественном уровне. Но в “горьковском” плане она провальна на все сто процентов: авторские оценки основаны не на научной истине, а на сплошных декларациях.

К великому сожалению, Павлу Васильеву, в силу своей яркой вспыльчивости, не удалось (хотя он и старался) сдержать слово, данное Горькому: učinённый им очередной дебош повлёк за собой его исключение из Союза писателей... Я не знаю, как на это отреагировал Горький, но нетрудно представить себе моральное состояние глубоко оскорблённого писателя: я, мол, всей душой в него поверил, а он опять меня обманул... Почему-то наших васильеведов упорно не интересует именно моральное состояние писателя. Снова и снова они вырывают из контекста событий поведение Горького: не помог, отстранился, предал...И тут С. П. Шевченко опять стоит едва ли не на первом месте по выбору самых унизительных слов в адрес Горького: дескать, пролетарский писатель так и умер, “не осознав глубины своего падения, не показавшись перед теми, кого он своей услужливостью режиму, своим старческим менторством обрекал на заклятие”... Да, умел Сергей Павлович, не боясь

ответственности, подбирать образные слова, чтобы не оставить никакой лазейки для реабилитации великого гуманиста, убеждённого в возрождении человеческой души даже у пропащих людей “дна” и провозгласившего их устами крылатый лозунг: “Человек — это звучит гордо!”.

Неслучайно у меня только что прорвались слова “не боясь ответственности”... Обратитесь к страницам 140-143 в книге С. П. Шевченко. Внимательно прочитайте цитируемое письмо Павла Васильева к Максиму Горькому, написанное им в колонии в период отбывания наказания за устроенный дебош, где пострадавшим оказался комсомольский поэт Джек Алтаузен, впоследствии добровольно отправившийся на фронт и героически погибший в 1942 году под Харьковом. Вы получите удивительную информацию. Всё письмо, написанное в исправительно-трудовой колонии осенью 1935 года, буквально лучится неподдельной любовью к писателю. Кроме того, в нём выражено чувство горячего стыда от сознания невыполненного обещания. Вот несколько небольших фрагментов: “Ваше чудесное и доброе письмо, Ваша неожиданная помощь, так осчастливившие меня в своё время, — теперь превратились в грозное орудие против меня, заслонили мне дорогу назад и зажгли во мне мучительный стыд”; ...“я частенько рассказываю о том, какое Вы написали чудесное и доброе мне письмо и как недовольны были этим люди, хотевшие моей гибели...”; “Я имею наглость писать эти строки только потому, что знаю огромные запасы любви к Человеку в Вашем сердце”. И пронзительная подпись: “Весь Ваш Павел Васильев”.

А вот совершенно безответственная преамбула Сергея Шевченко: “После трёхмесячного пребывания в исправительно-трудовом лагере Васильев решил снова обратиться к Горькому, которого не без основания считал причиной всех обрушившихся на него бед”. Как же надо не уважать читателя, чтобы после вышеприведённой преамбулы представить полный текст васильевского письма и внушить ему, что поэт именно в Горьком видел источник своих страданий и бед! Ведь письмо Горького Павел Васильев называет “чудесным и добрым”...А источником бед он считает не Горького, а тех прислужников, которые превратили его слова в “грозное орудие” для расправы с ним, Павлом Васильевым! Ну всё же написано чётко и ясно! Но главное даже не в этом. Главное в том, что после шевченковского истолкования Павел Васильев предстаёт перед читателем как отпетый лицемер: ненавидя Горького и считая его виновником своих страданий, он тем не менее лебезит перед ним, лицемерит, фальшивит — лишь бы добиться какой-либо помощи. То есть в итоге получается поклёп не столько на Горького, сколько на Васильева. Поистине: вот вам образец обратного эффекта! Шевченко, возможно, его не предугадал... Но он попытался угадать реакцию Горького на полученное письмо: “Может быть, даже прослезился, но ничем не помог”.

И тут возникает ещё одна деталь, характерная для тех, кто недоброжелательно пишет о Горьком. Ему ничего не прощают — даже слёзы. Мало того, иронизируют над его сентиментальностью: “прослезился”, “всплакнул”, “поднёс платок к глазам” и т. п. Да, Горький был сентиментален... Но это была сентиментальность доброго человека, а не жестокого, для которого слезливая чувствительность — своеобразная отдушина после кровавых дел.

Ещё в XIX веке Белинский, иронизируя над ультра-романтизмом Бестужева-Марлинского, не забыл присовокупить, что сентиментальность — это признак нежной души, способной развенчать зло и утвердить добро. Горький был сентиментален от переизбытка сердечности, от предписанной

свыше любви к ближнему и ко всему человечеству. Он стеснялся своих влажноющих глаз, но не маскировался. Это могли быть слёзы восторга от сознания победы высшей нравственности в душе человека, и это могли быть слёзы негодования при виде торжества дикости и произвола. В советские времена Горький часто плакал от сознания своего бессилия изменить что-либо в общественной жизни или в судьбе отдельного человека, нуждающегося в срочной помощи. Это ведь только с виду всем казалось, что пролетарский писатель всесилен и авторитетен, поскольку он “дружил” со Сталиным и другими вождами. На самом деле власти просто спекулировали его именем, а развернуться по-настоящему не давали. Потому что функции рупора он выполнял только в том случае, когда партийные лозунги совпадали с его собственными мыслями. А в противном случае он сопротивлялся. Причём достаточно упорно. Так, например, он отверг предложение Л. З. Мехлиса провести “чистку” в рядах писателей, чтобы освободить их от “враждебных элементов”. Эти сведения недавно сообщила профессор ИМЛИ Лидия Спиридонова (см. “Литературная газета”, 2009, № 33-34, с. 5).

Итак, Горький был против обычных “чисток”, сопровождавшихся пока только исключением отдельных лиц из Союза писателей. Мог ли он предположить, что 1937-й год, до которого ему не пришлось дожить, станет годом всенародного траура? Могло ли ему присниться даже в самом страшном сне, что писателей начнут арестовывать и расстреливать целыми группами? Такого не было никогда в истории всего человечества. Даже в фашистской Германии писательские жертвы исчислялись единицами — большинству Гитлер дал возможность эмигрировать, в том числе Лиону Фейхтвангеру, Томасу Манну, Анне Зегерс и другим. Что же касается царской России, то за многие века её существования был казнён один-единственный поэт — Кондратий Рылеев, да и то этот факт считался позорным в истории царствования Николая Первого. При жизни Горького был тоже казнён один-единственный поэт — Николай Гумилёв, но это произошло в сумятице гражданской войны, и писатель конечно же воспринял случившееся как трагическую оплошность. И теперь становится предельно ясно, что совершить большой террор в писательской среде при жизни Горького было просто невозможно. Его надо было убрать, чтобы не мешал. И 18-го июня 1936 года великий русский писатель был умерщвлён при до сих пор не выясненных обстоятельствах. По этому поводу существует несколько версий, и я не беру на себя смелость поддержать хотя бы одну. Но элементарная логика подсказывает: при жизни Буревестника революции никак не мог быть осуществлён писательский погром, и, чтобы его осуществить, надо было начать с самого авторитетного и неподкупного — с Максима Горького. А потом — всё свалить на “врагов” и устроить показательный суд над мнимыми убийцами... Хорошо отработанные методы! До этого был уничтожен главный соперник Сталина — Киров. А после войны, когда возникла необходимость закрыть Государственный еврейский театр в Москве, то предварительно убили его легендарного руководителя, народного артиста СССР С. М. Михоэлса, а затем уже преспокойно закрыли театр под предлогом его “непосещаемости”.

Если бы Горький предвидел, что его слова о Павле Васильеве станут предлогом для ликвидации поэта, он и рта бы не раскрыл. Наивный человек, он судил о других людях по собственным нравственным качествам. Да, писатель знал, что Сталин недобр и мстителен, но отдавал должное

его масштабной организаторской деятельности и был убеждён в его преданности общепролетарскому делу. За это и восхвалял его. Но те, которые сегодня потрясают горьковской формулой “Если враг не сдаётся, — его уничтожают”, доказывая, что именно с этих слов в нашей стране начался большой террор, фактически клеветуют на писателя, ибо с намеренной примитивностью “переозвучивают” смысл сказанного.

Попробуем опять-таки взять эту фразу в “чистом” виде. Если враг не сдаётся, то с ним цацкаются, что ли? Или всё-таки уничтожают, чтобы освободить Отечество от чужеземных захватчиков? Могли бы мы в Великую Отечественную войну преодолеть бешеное сопротивление гитлеровцев, дойти до Берлина и водрузить красный флаг над Рейхстагом, если бы отбросили прочь горьковскую формулировку? Примечательно, что сам Сталин относил слова писателя не столько к внутренним, сколько к внешним врагам. В тяжелейший период войны, 23 февраля 1942 года, взволнованно обращаясь к офицерам, солдатам и матросам по случаю празднования Дня Красной Армии и Военно-морского флота, вождь сказал:

“Война есть война. Красная Армия берёт в плен немецких солдат и офицеров, если они сдаются в плен, и сохраняет им жизнь. Красная Армия уничтожает немецких солдат и офицеров, если они отказываются сложить оружие и с оружием в руках пытаются поработить нашу Родину. Вспомните слова великого русского писателя Максима Горького: “Если враг не сдаётся, — его уничтожают”.

И вот мне думается, что нынешние либеральные противники Горького или, не прочитав его статьи, просто уцепились за ходячую формулировку, или, наоборот, прочитав её, сознательно вырвали нужные слова из контекста и переинтонировали их.

В связи с этим логично напомнить читателю, что статья Горького была написана задолго до большого террора — ещё в 1930 году, — и называлась несколько по-иному: “Если враг не сдаётся, — его истребляют”.

К чему призывал писатель в первую очередь? А вот к чему: “Сделать невозможным скопление в руках и карманах единиц огромных богатств, которые всюду выжимаются и всегда выжимались из крови и пота рабочих и крестьян”.

Каково? Кто сегодня посмеет сказать, что эти слова потеряли актуальность, — именно сегодня, когда нами снова правят олигархи?

Конечно, часть статьи посвящена и внутренним антисоветчикам (а они действительно были, хотя и не в таком количестве, в каком их представляли любители всяких “разоблачений”), но весь пафос статьи направлен прежде всего против врагов внешних, европейских капиталистов, и неслучайно Сталин это вспомнил в самые трудные дни Отечественной войны. Для вящей убедительности цитирую ударную концовку:

“И если, окончательно обезумев от страха перед неизбежным будущим, капиталисты Европы всё-таки дерзнут послать против нас своих рабочих и крестьян, необходимо, чтобы их встретил такой удар словом и делом по глупым головам, который превратился бы в последний удар по башке капитала и сбросил его в могилу, вполне своевременно вырытую для него историей”.

Чем же виноват Алексей Максимович Горький, что его огненные слова сталинские холуи (подчас без ведома вождя) стали использовать по отношению к невинным людям, искренно желавшим беззаветно служить социалистической Родине? Павел Васильев, разделивший трагическую судьбу Бруно Ясенского, Исаака Бабеля, Осипа Мандельштама, Артёма

Весёлого, Бориса Пильняка, Сакена Сейфуллина и многих-многих других писателей, общественных деятелей и просто рядовых честных граждан, никогда ни в чём не винил Горького. Особый случай — негативное отношение к писателю кристально честного большевика М. Рютина, погибшего в сталинских застенках. Но здесь требуется специальное исследование.

В основном же тон задавали новоявленные демократы и либералы периода горбачёвской “перестройки” и ельцинского правления. Именно они, поднатеревшие в искусстве выдирания “голых” фактов из контекста реальной действительности, запутывали общественное мнение. Один из них, Фёдор Бурлацкий, редактировавший “Литературную газету” в период гибели СССР, не просто ликвидировал такой нам привычный профиль Горького на первой странице, но потом ещё и по-геростратовски бахвалился: я, я, я это сделал, а не кто-нибудь другой (очень уж боялся, что эту “заслугу” могут приписать другому беспринципному конъюнктурщику). Ну и кто сейчас помнит имя этого редактора, который возомнил, что он “до основания” познал реальные механизмы урегулирования общественных интересов? А профиль Горького — пусть через полтора десятка лет — вернулся на своё законное место. И, как прежде, он — рядом с профилем Пушкина.

В хаосе подобных передраг меня лично больше всего удручает людская неблагодарность. Не буду говорить о молодёжи, но старшее и среднее поколения, рождённые и воспитанные в Советском Союзе, вольно или невольно обрели лучшие качества души под воздействием романтических и глубоко реалистических творений Горького. Как же можно предать забвению золотые страницы собственной биографии?

Хочу привести один пример из “застойных” времён. Тогда “Литературная газета” свободно продавалась не только почти в каждом киоске Москвы и столиц союзных республик, но и в любом провинциальном городишке. Бывало, раскроешь газету прямо на улице, как к тебе подойдёт случайный прохожий и деловито спросит:

— Статья Ваксберга есть?

— Есть!

И прохожий сразу же мчится к киоску. Ну прямо как у Герцена в мемуарной эпопее “Былое и думы”... Помните? Когда приходил очередной номер “Отечественных записок”, студенты рвали из рук в руки журнал:

— Есть Белинского статья?

— Есть!

И, пишет Герцен, статья “поглощалась с лихорадочным сочувствием, со смехом, со спорами...”.

О чём бы ни писал Аркадий Ваксберг — о возвращении ли к честной жизни оступившихся молодых людей, о попрании ли справедливости в социалистическом государстве, о давних ли исторических событиях, в которых проглядывались живые приметы настоящего времени, — везде у писателя-адвоката просвечивали характерные черты горьковского “человековедения”, в основе которого лежит стремление представить личность во всём объеме её чувств, мыслей и духовных поисков.

Как же могло случиться, что сей автор, обосновавшийся в период “перестройки” во Франции, начал систематически “поливать” Алексея Максимовича в статейках, которые он посылал для печатания в Россию, а затем издал отдельной книгой под названием, насколько помнится (книгу эту я не захотел держать в своём доме), “Падение Буревестника?”! Нет, не сумел Аркадий Иосифович умерить свой пыл хотя бы из уважения к своей

собственной фамилии. Сколько “ваксбергов” Горький, борясь с антисемитизмом, спасал от преследований царских властей! Сколько раз он защищал их в своих статьях и публичных выступлениях! Скольким “ваксбергам” он реально помогал деньгами, устройством нормального житья, продвижением в печать их опусов! А одного из них даже усыновил (!), подарив ему свою настоящую фамилию “Пешков”. Это было не формальное усыновление. В письмах Горький неизменно обращался к нему со словом “сын”, а новоявленный Зиновий Пешков (родной брат Якова Свердлова), ставший впоследствии французским генералом, также неизменно обращался к писателю со словом “отец”, и, умирая (это произошло уже в середине 1960-х годов), попросил положить в гроб портрет Алексея Максимовича. Это был священный образец истинно человеческой и сыновней благодарности.

Увы, далеко не все “ваксберги” так себя вели. Некоторые из них, как бы сговорившись, поочерёдно портили кровь великому писателю, раздражаясь при этом его великодушием по отношению к ним. Особенно усердствовал своими мелкими придирками некто Радомысльский, ставший потом широко известным под фамилией Зиновьев. Бывают же такие парадоксы в истории! Зиновий стал для Горького сыном, а Зиновьев, когда занял пост председателя Петроградского Совета, с такой нахальной настойчивостью преследовал писателя за “мелкобуржуазный гуманизм”, как будто задался целью превратить его в антисемита. Не вышло! Слишком любил Горький русский народ, чтобы запятнать его антисемитизмом и примитивным национализмом. Выходец из самых народных глубин, познавший мерзости быта, он сохранил в своей душе воинствующий оптимизм, который помогал ему не терять веры в высокое предназначение своего народа, в его духовную мощь и нравственную красоту. Первый из “низов” он стал по таланту вровень с гениальными выходцами из дворянской среды — Гоголем, Достоевским, Толстым...

Примечательны слова мудрого немецкого писателя Лиона Фейхтвангера: “До прихода Горького в литературу мир имел лишь общее представление о русском человеке. С приходом же Горького перед человечеством раскрылся весь русский народ в целом”.

Один из главных заветов Горького — национальное творческое единение на основе духовности и высших моральных принципов. Он потому и был главным “зачинщиком” создания Союза писателей, чтобы раз и навсегда прекратить распри в творческой среде. И то, что нынешний редактор “Литературной газеты” Юрий Поляков восстановил профиль Горького на первой странице — это не просто торжество справедливости к писателю, восстановившему пушкинское издание, но это ещё и символ братского единения “мастеров культуры”. И пусть эстеты и мнимые демократы ворчат, что Поляков неразборчив в предоставлении газетных страниц писателям самых крайних литературных направлений, — на самом деле это доказательство, что профиль Горького восстановлен не формально.

Нашим васильеведам пора сделать соответствующий вывод. Не надо ставить к барьеру выдающихся творцов литературы и искусства — будь они мёртвые или живые. Надо набраться мужества искать не то, что их разъединяет, а то, что объединяет. И тогда звёздные имена Максима Горького и Павла Васильева засияют не в трагическом контрасте, а в гармоничном единении. Оба они жили и творили для одной и той же великой литературы и для одного того же великого народа.

г. Павлодар.

К 70-летию Сабита Досанова

Владимир ГУНДАРЕВ

Видно сокола по полёту

Крупный талант в литературе не только обогащает отечественную словесность новыми значительными творениями, закономерно получает известность у читателей и, так сказать, заслуженно купается в лучах славы, но и, к сожалению, обретает немало недоброжелателей и завистников из числа прежде всего менее даровитых, а то и вовсе бездарных собратьев по перу, поскольку большой талант не только не станет никому завидовать, но и обрадуется появлению на литературном небосклоне ещё одной яркой величины.

Мне кажется, что видному казахскому писателю Сабиту Досанову особенно "повезло" на недоброжелателей. И чем более возрастала его популярность в народе, тем больше становилось замалчивателей его творчества. Да, он получил звание заслуженного деятеля РК, что само по себе немалая честь, но никаких других знаков внимания от родной страны не удостоился. Пару лет назад Сабит Досанов оказался в числе нескольких претендентов на Государственную премию республики, но присудили её писателю хотя и известному, но вряд ли превосходящему талантом Сабита Досанова, который, кстати, является лауреатом весьма престижной в СНГ Международной премии имени Михаила Шолохова, академиком Российской академии педагогических и социальных наук, действительным членом (то есть академиком) Академии российской литературы (академий российских, но отнюдь не казахстанских), профессором. Выходит, что в России казахского писателя ценят больше, чем у себя на родине. И тут есть чему завидовать.

Хотя по мне, откровенно говоря, регалии и звания не столь уж существенны (правда, кому-то они и тешат самолюбие и вызывают зависть у других). Куда важнее художественная значимость, литературные достоинства произведений облауреаченного писателя. Не знаю, какое место отводят специалисты-филологи Сабиту Досанову в современной казахской литературе, но что касается переводов его творений на русский язык, то по ним можно судить, что их автор безусловно крупный и одарённый писатель, сказавший своё незаёмное и яркое слово в художественной литературе, с интересом и пониманием воспринятое не только в Казахстане, но и в других странах, причём не только на постсоветском пространстве.

С Сабитом Аймухановичем я знаком уже несколько десятилетий, мы часто встречались и пересекаемся ныне на литературных и житейских перекрёстках, у меня есть немало его книг с дарственными надписями автора, в том числе и последние, увидевшие свет в 2009 году.

Родился С. Досанов 12 января 1940 года в ауле Байгабул Амангельдинского района Кустанайской области. И меня всегда поражало, что скудная на растительность и суровая по климатическим условиям бескрайняя тургайская степь (практически полупустыня) оказывалась благодатной почвой, щедро рождавшей многие славные таланты, в числе которых и Сабит Досанов. Тяга к творчеству овладела им ещё в детстве. Когда он был старшеклассником, его стихи, статьи и рассказы уже публиковались на родном языке в

районных, областных и республиканских газетах, а также в журналах, кроме того, его первый небольшой рассказ “На сенокосе” был включён в “Родную речь” для учащихся второго класса и выдержал десять переизданий.

Нет ничего удивительного, что юный Сабит, получив аттестат зрелости, легко поступил на факультет журналистики КазГУ. А его первая книга рассказов и художественных очерков “Доброе утро”, написанных в университетскую пору, с предисловием признанного мастера прозы Сейтжана Омарова, давшего сердечное напутствие молодому дарованию, вышла в 1966 году.

Ну а далее — книга за книгой, сборники повестей и рассказов “Трель соловья” (1968), “Песнь золотого ветра” (1969), “Орлы не дремлют” (1971). Талант молодого писателя быстро набирал силу и зрелость, развивался, совершенствовался, обретал мастерство, благодаря чему Сабит Досанов замахнулся — не без успеха — на создание крупномасштабных литературных полотен. Широкою известностью у казахских читателей получили его романы “Горная дорога” (1978), “Вторая жизнь” (1982). Тогда же талантливый писатель стал выходить и на всесоюзную арену. Эти романы, а также знаменитая повесть “Белая аруана” (написанная, когда автору было 27 лет и получившая необыкновенную популярность не только в Казахстане, но и далеко за его пределами) издавались отдельными книгами в Москве четыре раза — в 1981, 1988, 1999 и 2000 годах, были переведены не только на русский, но и на языки народов ближнего и дальнего зарубежья.

Но не только в прозе блистательно проявил себя Сабит Досанов. Знатоки его творчества утверждают, что он, по примеру своего тёзки, классика казахской литературы Сабита Муканова, кстати, одного их тех, кто давал ему рекомендацию для вступления в Союз писателей СССР, плодотворно освоил все литературные жанры: он романист, драматург, публицист, очеркист, поэт, учёный, литературный и театральный критик. Это подтверждают книги документальной и художественной прозы “Судьба страждущей земли” (1978), “Весна 1985-го” (1989), “Не заблуждайтесь, люди!” и “Кимберлит с ароматом польни” (1999), “Тотем под чадрой” (2002), “Тензор степного кургана” (2002), “Ремарки на алтаре” (2004), “Великие уходят, чтобы остаться” (2005), сборник стихов “Куда вы идёте, мои казахи?” (1994), научные монографии “Свежие следы” (1976), “Кладезь” (1987), “Не гаси сердца огонь” (1989), посвящённые актуальным проблемам современной казахской литературы, эссе-исследования “Как рождаются стихи”, “Этапные встречи”, “Певец Яика” и т. д.

Что касается драматургии, то уже первая пьеса Сабита Досанова “Циклоп” сначала получила сценическое воплощение в Казахском государственном академическом театре имени М. Ауэзова, затем увидела свет рампы в Семипалатинском, Таразском, Аркалыкском, Жезказганском и других казахских драматических театрах, тепло приняли спектакли по этой пьесе зрители Киргизии, Узбекистана и других регионов. Следующая пьеса “Завтра бюро” была поставлена на сцене Атырауского драматического театра имени М. Утемисова. Оригинальность формы и новаторский подход к подаче кульминационных моментов отличают новую пьесу Сабита Досанова “Круги ада”. Кроме этого, его драматургические произведения стали и радиопьесами, войдя в золотой фонд Казахского радио.

Но, пожалуй, самым значительным творением писателя стал четырёхтомный роман-эпопея “Двадцатый век”, работу над которым Сабит Досанов недавно завершил, представив на читательский суд это эпическое художественное полотно, в котором отражена летопись целого столетия через судьбы нескольких поколений степняков. Аксакал отечественной словесности Азильхан Нуршаихов назвал роман “знаковым произведением казахской литературы”.

“Двадцатый век” сразу же заинтересовал литературную общественность России после того как ещё в 2003 году в московском издательстве “Советский писатель” вышел в свет первый том романа, переведённый на русский язык известным писателем, уроженцем Восточного Казахстана Юрием Антроповым (ныне покойным). Правда, когда Сабит Аймуханович дал мне прочесть этот перевод, я обнаружил в нём немало стилистических и иных погрешностей, что, на мой взгляд, снижало художественный уровень произведения. Видимо, это чувствовал и сам автор, поскольку отдал роман на новый перевод видному русскому прозаику Владимиру Мирневу, который блестяще справился со сложнейшей задачей, и теперь я держу в своих руках недавно вышедшую в алматинском издательстве “Арда” первую книгу досановской эпопеи в переводе именно Владимира Мирнева — президента Академии российской литературы.

Думается, вряд ли бы он взялся за этот кропотливый труд, если бы творение казахского писателя не заинтересовало его. Красноречив краткий отзыв Владимира Мирнева: “Сабит Досанов — выдающийся мастер. Его роман “Двадцатый век” — эпическое полотно, своего рода поэма в прозе. Перед читателем развёртывается широкая, насыщенная яркими сценами история жизни казахского народа. Многие эпизоды его романа по своему звучанию поднимаются до трагедийного накала. Он, пожалуй, один из немногих учеников — толстовско-достоевской школы великих русских мастеров. Если ещё в средней школе нас учили о том, что поэма Пушкина “Евгений Онегин” — это энциклопедия русской жизни, то с полным основанием и уверенностью я могу утверждать, что роман “Двадцатый век” — это энциклопедия жизни казахского народа”.

Что же, Владимир Мирнев знает, что говорит. И всё-таки одного мнения для характеристики эпопеи, пожалуй, недостаточно. Тем более что переводчика кое-кто сочтёт лицом заинтересованным.

Но вот более пространные размышления человека “стороннего”.

Известный русский писатель, главный редактор “Литературной газеты” Юрий Поляков в своём предисловии, открывающем книгу, отмечает:

“Роман Сабита Досанова “Двадцатый век” не просто о событиях прошлого столетия, а глубокое осмысление происходившего через разные человеческие судьбы и духовно-нравственный поиск новых законов бытия. Художественная летопись Великой казахской степи написана настоящим мастером о времени потрясений и ломки всего жизненного уклада её сынов, до того размеренного, находящегося в гармонии с природой, и, казалось бы, незыблемого. Этот роман о веке преобразующем, но и трагичном, переломном в истории казахского народа, меняющем психологию и деяния людские. Вместе с главными героями Нурдаулетом, Айжан, Асылханом, Сиверцевым, Кутковым, Туяковым и другими читатель проходит через революцию, голод, войну — тяжелейшие испытания, когда у человека обнажаются и высокие духовные устремления и пугающие низменные истины. Это разделение, как и всегда в години потрясений, возносит наверх угодников и других временщиков, и приносит тяготы достойным. А за всем, что происходит, следит с высоты бескрайнего неба Аруах, оберег народа — Белоголовый орёл Акбас. Образ хранителя души народа орла Акбаса в романе “Двадцатый век” как символа жизни и бессмертия идущих из далёких эпох народных идеалов, проходящий через весь роман, невероятно интересен, значим, и до глубины души трогает читателя. Пожалуй, в литературе до сих пор не было подобного образа, когда душу народа символизирует и оберегает в веках великолепный Белоголовый орёл, сопереживающий лучшим своим сынам. И потому жизнь продолжается, как у ростка на плодородной, удобренной памятью и духом достоинства и чести, земле”.

И далее автор предисловия продолжает: “Читая роман Сабита Досанова “Двадцатый век”, погружаешься в мир и философию казахского народа, знакомишься с фольклором, пропитанным духом героических эпосов, ощущаешь величие казахской степи. То погружаешься в неторопливое восточное действо с множеством ритуальных обрядов, то галопом мчишься по бескрайним просторам с вовлечёнными в стремительный темп нового века героями. То любишься красотой и гармонией окружающей природы, то сталкиваешься с активным и пагубным вмешательством человека в эту вековую гармонию. Вместе с Сабитом Досановым мы видим, как двадцатый век приносит новые вехи прогресса и разрушения в жизнь и уклад степи. Мы встречаемся с огромным количеством разных человеческих судеб со своими жизненными путями: путями разума и созидания и путями разрушения и предательства интересов народа, и каждая человеческая судьба понятна читателю. Эти переплетения и столкновения людские и в окружающей природе очень символичны. В них изначально заложено авторское понимание неразрывности судеб людей и их родной земли.

Писатель Сабит Досанов, — подчёркивает Юрий Поляков, — необычное явление на небосклоне набирающей всё большую высоту казахской литературы. Прочитав его роман “Двадцатый век”, освобождённый от догм прошлого, просвещённый читатель убеждается в том, и это главное, сколь разнообразна и глубока жизнь его народа, и столь же и велика по своей глубине изобретательная палитра его слов. Открытие СЛОВА в настоящее время не менее, а, возможно, и более важно, нежели открытие явлений космического масштаба. Слово — признак вечности и Слово — вечное явление. Сабит Досанов впитал в своём слове, которое он сказал, лучшее, что есть в культуре своего народа. Его зависимость от титанов мировой литературы — Льва Толстого, Достоевского, самых прославленных писателей мировой литературы, так же очевидна, как вполне осязаема зависимость планеты под именем Земля от других планет”.

Высоко оценивая новое творение казахского писателя, Юрий Поляков не скрывает своего восхищения: “Самое поразительное в романе Сабита Досанова — это ощущение народности языка, его пронзительный дух, который с завидной очевидностью есть явление вечное и постоянное, как, предположим, есть в жизни вечный свет, без которого невозможна жизнь. Его роман — это эпопея, особый мир, в котором сталкиваются материальные и духовные стороны человеческого бытия: вечное и сиюминутное, в котором человек и природа неразрывны! Разрешимость этих проблем, восприятие их человеческим сознанием заставляет трепетать то человеческое сердце, которое равнодушно к тому, что происходит на нашей планете, которое наполнено великой скорбью — за горе, которое оно видит, и за счастье — если оно имеется. Писатель, который поднимает такие фатальные проблемы своего народа, преисполнен великой решимостью творить и говорить от имени народа. Ибо это право ему дал сам народ”, — заключает автор предисловия, и с его выводом нельзя не согласиться.

Точку зрения Юрия Полякова поддержали многие выдающиеся мастера русской литературы, воспринявшие роман Сабита Досанова с огромным интересом. Вот лаконичные высказывания некоторых из них.

Лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда Юрий Бондарев: “Обладая талантом сильным, добрым и редким по зоркой остроте и живописности, Досанов проникает в исторические лабиринты жизни своего народа, его души, его чаяний и ожиданий”.

Лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда Михаил Алексеев: “Эпопея С. Досанова становится явлением литературы

благодаря ярким образам персонажей казахов и русских, и выразительному пластичному слогу повествования”.

Лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда Егор Исаев: “Настоящий роман. Роман не для беглого прочтения, а для того, чтобы прочитать, вдуматься и, думая, читать”.

Лауреат Государственной премии России Олег Шестинский: “Роман “Двадцатый век” не просто талантливый, но и объединительный для нас, русских и казахов. Это монументальное произведение...”

Я аргументированно надеюсь, что российский читатель в полной мере сможет оценить Ваш весомый вклад в наше единство — единство, которое выходит за рамки духовно-творческих связей”.

Писатель, историк, академик Валентин Осипов: “Роман очень интересный, острый, талантливый. То, что острое, но бездарное — это агитка. Но когда он талантлив, когда у него полёт хороший, тогда это литература”.

Полагаю, что этим искренним высказываниям можно верить.

Ещё в 2004 году в Москве в Международном сообществе писательских союзов прошла конференция по роману “Двадцатый век”, на которой упомянутые выше Егор Исаев, Олег Шестинский, Валентин Осипов (Россия), Шафкат Ниязи (Таджикистан), Насыр Фазылов (Узбекистан), Мархабат Ааматов (Киргизия), Турсьнай Оразбаева (Казахстан), План Онанян (Армения) и другие выступавшие дали произведению Сабита Досанова высокую оценку.

Творческие вечера казахского писателя с большим успехом проходили в Алматы, Астане, Москве, Бишкеке и даже Париже, где в 2007 году в знаменитом Сорбоннском университете состоялась презентация книги повестей и рассказов Сабита Досанова “Aguana la blanche” (“Белая аруана”), переведённой на французский язык Анри Аврилем.

Сабита Аймухановича можно назвать достойным представителем казахской культуры в дальних зарубежных поездках. Он побывал в Индии, Шри-Ланке, Великобритании, Германии, Объединённых Арабских Эмиратах, Голландии, Анголе, Китае, Бельгии, Катаре, Греции, Австрии, Венгрии, Словакии, Турции и других странах, написав затем и опубликовав познавательные очерки об увиденном в них.

Литературные заслуги Сабита Досанова отмечены различными наградами, в том числе российским творческим орденом Державина, но, самое главное, читательским и общественным признанием. Он является почётным гражданином городов Дунду (Ангола), Костанай, Аркалык, Аксуатского, Жарминского районов Восточно-Казахстанской, Амангельдинского района Костанайской области, почётным профессором нескольких университетов.

И вряд ли кто мог из его земляков предполагать лет 50-60 назад, что паренёк из далёкого, затерянного в малолюдной тургайской степи аула, достигнет немалых высот на литературном поприще, получит известность не только в родном Казахстане, но и в других странах, где его произведения “заговорят” на разных языках.

Но так случилось. И не столько судьба оказалась благосклонной к нему, сколько сам Сабит Досанов — упорный, настойчивый, целеустремлённый, обладающий исключительной работоспособностью, — выстраивал свою судьбу, в чём и преуспел. Недаром в народе о таких, как он, уважительно говорят: “Видно сокола по полёту”.

К своему 70-летию юбилею Сабит Аймуханович подошёл, имея в творческом багаже несколько десятков написанных книг, тем самым внося немалый вклад в современную казахскую литературу. Но вряд ли он остановится на достигнутом. По-хорошему амбициозный, Сабит Досанов ставит перед собой новые творческие цели, ведь почивать на лаврах — не в его характере, выдержавшем испытания и трудностями, и славой.

Римма АРТЕМЬЕВА

*100-летию со дня рождения
и 30-летию со дня смерти М. С. Петровых*

АЗЫ НЕОГЛЯДНОЙ СВОБОДЫ

Имя Марии Сергеевны Петровых долгое время было широко известно казахстанцам в непосредственной связи с именем Абая Кунанбаева. Она была в числе первых переводчиков, подаривших русскоязычному миру стихи великого казахского Поэта. Но и оригинальная поэзия М. Петровых была сразу очень высоко оценена её близким окружением: Борисом Пастернаком, Анной Ахматовой, Осипом Мандельштамом, Арсением Тарковским, хотя оставалась лишённой широкого признания. Её неподражаемая лирика и сегодня, спустя тридцать лет после её кончины, волнует своей энергией, чувственностью, правдивостью.

“Люби меня, люби меня!..”

Мария Сергеевна Петровых была признанным мастером поэтического перевода, требовательным редактором, обладавшим хорошим вкусом и особым чутьём к особенностям поэтического слова переводимого языка. Она не просто изучала тонкости размера, ритма стиха, но углублялась в культуру народа, в его духовное прошлое. Однажды своему близкому другу филологу и писателю Левону Мкртчяну она раскрыла секреты своей работы, готова перевод стихов А. Туманяна: “Стихотворение я ещё не перевела, но размяла его. Прежде чем перевести, надо как пластилин размять текст, а потом уже лепить стихотворение”. Её удивительно точные переводы обогатили русскую поэзию избранными строками казахской, польской, чешской, армянской, болгарской, литовской поэзии.

В её требовательности, прежде всего к себе, я убедилась, анализируя сборники переводов Абая Кунанбаева, вышедшие с 1945 по 1984 год. Многие строчки уточнялись Марией Сергеевной из издания в издание. Она добивалась наибольшей близости к оригиналу.

К сожалению, собственная поэзия Марии Петровых широкому кругу читателей долго оставалась малоизвестной. Это было связано не только с её необыкновенной скромностью и огромной требовательностью к себе, но и с тем, что она всегда оставалась честной и верной себе и своей поэтической музе, а это не очень соответствовало понятиям советской идеологии. Её не запрещали, она предпочитала молчание радостно-призывным строчкам, восхваляющим советскую “действительность”, захлёбываясь от этой немоты. Но и позже, когда активно публиковали “запрещённых”, её не издавали по этой же причине... Как точно об этом у самой Марии Сергеевны:

*Во мне живого места нет,
И все дороги пройдены,
И я молчу десятки лет
Молчаньем горькой родины...*

Лидия Чуковская вспоминала: “В октябре 1962 года Анна Ахматова опять говорила о силе и прелести стихов М. Петровых и о том, как это дурно для поэта и для читателя, когда они насильственно разлучены. Читатель ограблен, поэт изломлен!..”.

Меня со стихами Марии Петровых впервые познакомил известный казахстанский поэтолог, литературовед с мировым именем, поэт и переводчик Александр Лазаревич Жовтис. Десять стихотворений из её единственной прижизненной книги “Дальнее дерево”, перепечатанные на машинке, на пожелтевших от времени страницах были для меня тогда бесценным богатством, открывшим мир необыкновенно светлой души, жертвенной преданности, утончённой простоты изысканного слова. И позже, когда А. Л. Жовтис привёз в Алма-Ату несколько десятков первой посмертной книги Марии Сергеевны “Предназначение”, со вступительным словом Арсения Тарковского, этот мир наконец развернул свои границы и покорила навсегда своей чистотой и естеством. Помню, как, не мечтая получить экземпляр, мы от руки переписывали особенно полюбившиеся стихи. Я до сих пор не в силах расстаться с этими листками, как и с душой той чудесной мелодии, которая зовётся поэзией Марии Петровых, и с особым трепетом перечитываю любимые строки, среди которых и эти:

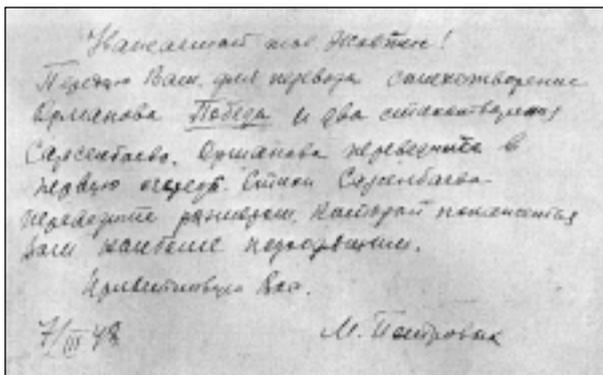
*Глубокий, будто тёмно-золотой,
Похожий тоном на твои глаза,
Божественною жизнью налитой,
Прозрачный, точно детская слеза.
Огромный, как заоблаченный гром,
Непогрешимо-ровный, как прибой,
Незапечатлеваемый пером —
Звук сердца, ставшего моей судьбой.*

Её завораживающие строки пронзительной лирики наполнены удивительной способностью любящего сердца биться в унисон с любимым, сливаться с ним в едином дыхании, проникая в его душу всей своей сущностью.

Помню и те удивительные слова А. Тарковского о тайне поэзии Марии Петровых: “Мария Петровых в ранней юности, никому не подражая, заговорила вполне “взрослыми” стихами. Слова в стихах Марии Петровых светятся, загораясь одно от другого, соседнего. Тайна её поэзии — тайна сильной мысли и обогащённого слова... В её строках главенствующее — не “распространённая метафора”, а каждое слово само по себе метафорично”.

Александр Лазаревич рассказывал мне, что был знаком с Марией Сергеевной и на семинаре переводчиков обменялся с ней записками. Но тогда я так и не увидела этой записки.

Лишь несколько лет спустя после смерти Александра Лазаревича Жовтиса, работая с его архивом, в разделе личной переписки я обнаружила эту записку, датированную 1948 годом. Галина Евгеньевна — супруга А. Л. Жовтиса не смогла вспомнить, где проходил этот семинар. Переводов стихов, указанных в этой записке, или хотя бы переданных подстрочников, я тоже, к сожалению, не нашла. Семья несколько раз переезжала, и какие-то бумаги могли затеряться, ну а несколько строк, написанных рукой этой удивительной женщины, стали сегодня уже достоянием

Государственного архива РК: “Уважаемый тов. Жовтис! Передаю Вам для перевода стихотворение Орманова Победа и два стихотворения Сарсенбаева. Орманова переведите в первую очередь. Стихи Сарсенбаева переведите размером, который покажется Вам наиболее подходящим. Приветствую Вас. М. Петровых”.

И всё же мне очень хотелось найти рукописи, упомянутые в записке. Довольно долго я пыталась найти в Москве дочь Марии Сергеевны — Арину Витальевну. И мои поиски увенчались успехом. Через известного литературоведа, профессора МГУ Евгению Кузьминичну Дейч мне удалось связаться с Ариной Витальевной Головачёвой. Наши разговоры и переписка открыли ещё несколько интересных фактов, связанных с Марией Петровых и Казахстаном.

Оказывается, в 1949 году с группой писателей из Москвы Мария Сергеевна побывала в нашем удивительном городе. В Алма-Ату они приехали для помощи в подготовке Декады казахской литературы в Москве и приуроченного к этому событию выпуску сборника переводов стихотворений Абая. “У нас сохранился любительский снимок, где мама с коллегами сидит на скамейке в саду, где-то под Алма-Атой. Их радостные лица залиты солнечным светом”, — рассказала мне Арина Витальевна.

В Государственном архиве кинофотодокументов РК мне удалось разыскать и с помощью современных технологий восстановить эту фотографию, где справа налево сидят: прозаик Степан Зверев, лауреат Сталинской премии Сергей Бородин, поэты Мария Петровых и И. Сельвинский. Датирована фотография 3 марта 1949 года.

“Эта мамина поездка запомнилась мне и удивительным запахом алма-атинских яблок, который долго ещё витал в нашем доме после её возвращения, — продолжала Арина Витальевна. — А ещё, хотя я в то время была маленькой девочкой, мне запомнились торжества в Колонном зале по поводу юбилея Абая, куда мы ходили вместе с мамой. Знаете, а ведь в Алма-Ате с 1941 по 1961 годы жила со своей семьёй родная мамина сестра Екатерина Сергеевна. Её муж Виктор Викторович Чердынцев — известный профессор — преподавал физику в КазГУ”.

Именно в 1949 году появятся у Марии Сергеевны такие строчки:

*Люби меня, люби меня,
Как любит ночь сиянье дня.
Тебе и выбора-то нет:
Ведь я лишь тьма, а ты лишь свет.*

Её действительно трудно было не любить. Маленькая, хрупкая женщина, она обладала необычайной силой духа, несла посланные судьбой испытания с достоинством и честью.

Рождение чуда

Своё первое стихотворение Мария Петровых сочинила в шесть лет. “Это привело меня в неописуемый восторг, я восприняла это как чудо, тогда всё и началось, и, мне кажется, моё отношение к возникновению стихов с тех пор не изменилось”, — написала она в одном из писем. Будучи родом из-под Ярославля, М. Петровых ещё школьницей посещает собрания Ярославского отделения Союза поэтов, куда вскоре будет принята сама. На этих вечерах поэзии она впервые услышит и о самобытном художнике Мартиросе Сарьяне, и об Армении. “Одна из поэтесс — Маргарита Салова — влюблена была в искусство Сарьяна, много посвящала ему стихов. От неё я и узнала о Сарьяне. У меня защемило сердце даже от одних репродукций. Думала ли я тогда, что Армения станет моей пожизненной любовью и что мне выпадет счастье побывать в мастерской Сарьяна, познакомиться с этим гениальным художником, человеком исключительной духовной силы и красоты”. Более того, тогда Мария Сергеевна и представить не могла, что кисти великого М. Сарьяна будет принадлежать её портрет, который сегодня хранится в Доме-музее Мартироса Сарьяна в Ереване. А её уникальные переводы армянской лирики обогатят, позволят зазвучать армянским поэтам на русском!

Позже, в Москве, она будет учиться на Высших государственных литературных курсах вместе с А. Тарковским, Ю. Нейманом, В. Державиным, В. Головачёвым, Д. Андреевым и др. Вместе с сокурсниками экстерном окончит МГУ (после того как в 1929 году курсы закрыли, в МГУ был создан литературный факультет). Как вспоминала сама Мария Сергеевна — на курсах слушали — не очень, зато всё время писали стихи.

В ранних стихах М. Петровых уже чувствуется её сложившаяся манера, они экспрессивны, метафоричны:

*Всё — обречённое. И я обречена
Под кожу втягивать прохладную звезду,
И душный пот земли, и жёлтый мир заката...
Но по железу ёрзнула пила,
И кислое осело на зубах.*

Потом она будет писать по-другому: спокойно, просто, потрясая силой мысли и темперамента, скрытых в этой простоте...

Ещё об одном портрете хочу рассказать. В подарок от Е. К. Дейч я получила фотографию карандашного портрета Марии Петровых, выполненного в 30-е годы прошлого века Евгенией Николаевной Ребиковой. Мария Сергеевна и Евгения Николаевна были знакомы и в 1930 году встречались на даче у М. А. Волошина в Коктебеле. Сохранилась фотография, где Мария Сергеевна снята вместе с хозяевами и их гостями: филологом М. С. Альтманом, поэтом А. В. Минихом (Масловым), композитором А. А. Шеншиным, художницей

Е. Н. Ребиковой. Скорее всего, именно тогда и был сделан этот портрет: одухотворённое, открытое красивое лицо молодой поэтессы.

М. Волошин высоко оценил стихи Петровых. А знакомство с ним и его необычной вотчиной вдохновило её на чудесные стихи и появление поэмы “Карадаг”, в которой, словно пророчество, звучат такие строки:

*Костёр, что здесь торжествовал,
Застыл на вечное увечье,
Здесь камни и обломки скал —
Подобие нечеловечьей
Могучей гибели...*

Марии Сергеевне, к сожалению, больше не удастся побывать в Коктебеле, куда она очень хотела приехать ещё 17 марта 1931 года, извиняясь за долгое молчание, она напишет М. Волошину: “Если бы знали Вы, как глубоко благодарна я Вам за Ваше отношение ко мне, как бесконечно дорожу я Вашим высоким вниманием. И жить, и писать могу, когда думаю о Вас”. И дальше, будто даёт обет: “Как бы то ни было, я непременно буду на родине стихов — в Коктебеле”. Позже у неё появится удивительное стихотворение “Акварели Волошина”. Поразительно, что писала его Петровых 11 августа 1932 года в Звенигороде. В этот день в Коктебеле умер Волошин. Потрясающая связь между двумя поэтами! И хотя о смерти в стихотворении ничего нет, но какое-то предчувствие, лёгкое дыхание тревоги всё-таки ощутимо:

*Ты заблудишь душу отчизне верни,
Я забуду земные недолгие дни,
Я узнаю бессмертье на лёгком листе,
Дай мне воздухом ясным проникнуть везде.*

В отзвуках серебряного грома

В эвакуации в Чистополе впервые прозвучат её пронзительные, непохожие на других, необычные стихи о войне:

*Тебе говорит моя страна:
“Мне трудно дышать — говорит она, —
Но я распрямлюсь и на все времена
Тебя истреблю, война!”*

Так вспоминала О. Дзюбинская в “Чистопольских страницах” о состоявшемся в 1942 году в Доме учителя поэтическом вечере Марии Петровых, где в числе других её слушали Б. Пастернак, Н. Асеев, С. Щипачёв: “Мария Сергеевна — бледная, какая-то от всего отрешённая, с традиционной чёлкой русских поэтесс, в чёрном платье и чёрных “лодочках”, вышла на сцену и читала свои стихи, заглядывая в ученическую тетрадку. Её все знали как великолепную переводчицу, а собственные стихи копились “впрок”, переделывались, переписывались, редактировались... “Представил” Марию Сергеевну Борис Леонидович Пастернак. А потом он весь вечер сидел на сцене, вполоборота к залу, забыв, что кругом люди, радуясь каждой удачной рифме, громко выражая свои чувства, ликуя после понравившейся ему строки. “Мария Сергеевна, у меня к Вам творческая зависть”, — помню, выкрикнул он с непосредственностью школьника, когда она прочла строчки из стихотворения “Соловей”. Многие из нас вечер М. Петровых в Чистополе восприняли как рождение нового талантливой поэта”.

И всё-таки жаль, что только тогда восприняли это как рождение поэта... Ведь строки:

*В заколдованную сеть
Соловей скликает звёзды,
Чтобы лучше рассмотреть,
Чтоб друзьям дарить под гнёзда...
То ли праздная игра,
То ли это труд бессонный, —
Трепетанье серебра,
Вопли, выплески и стоны...*

из стихотворения “Соловей” были написаны в 1929 году, когда Марии Петровых был всего 21 год...

Если говорить о “Соловье”, то это одно из тех стихотворений, в котором ощущается своеобразное влияние поэзии Б.Пастернака. Мария Сергеевна и сама признавала его влияние на свои стихи: “В ранней юности я полюбила Пастернака. Когда я узнала его стихи — они меня потрясли, я жила ими, они стали для меня не только моим воздухом, но как бы плотью моей и кровью”. И ещё Мария Сергеевна рассказывала Левону Мкртчяну, что как-то С. Щипачёв сказал, что посвятит ей своего “Соловья”, а она пусть посвятит ему своего. И, не скрывая улыбки, добавила: — *Щипачёв печатает свое стихотворение из сборника в сборник. Очень смешное стихотворение!*

Здесь же, в Чистополе, всерьёз заговорят о необходимости издания её удивительных стихов. Но, к сожалению, это произойдёт лишь спустя более двадцати лет.

Все, кто близко знал Марию Сергеевну, отмечали, что была она необычайно добрым человеком. Она спешила на помощь любому, кому могла хоть чем-нибудь помочь. Одно время в её доме останавливалась Анна Ахматова, и Мария Сергеевна бережно заботилась о ней. Они дружили. Анна Андреевна была очень высокого мнения о поэзии Петровых. Связывала их и необыкновенная любовь к А. С. Пушкину и увлечённость изучением его творчества. Одну из своих книг Анна Андреевна подписала ей так: “Другу в радости и горе, светлому гостю моей жизни Марии Петровых. Ахматова с любовью”.

Но в равной степени можно, наверное, говорить и о необычайной ранимости Марии Сергеевны. О её умении превращать переживания сердца и души в живое поэтическое слово. В своей статье Бенедикт Сарнов писал: “Мария Петровых принадлежала к той редкостной породе художественно одарённых натур, у которых поводом для лирического самовыражения бывало далеко не всякое, хотя и подлинное движение души, но лишь такое, которое становилось для неё глубочайшим потрясением. Мы так истосковались по стихам, в которых была бы значительная подлинность переживания, что ценим каждое подлинное, живое, искреннее движение души, запечатлённое в слове”. До последних своих дней Мария Сергеевна Петровых оставалась верной себе — писать только тогда, когда это, прежде всего, работа души. В этом и заключается Богом данная художнику свобода! Неслучайно Анатолий Гелескул, прекрасный переводчик Ф.-Г. Лорки, назвал стихи М. Петровых “живорождёнными”. Эта её искренняя позиция тоже стала стихами, заветом для других:

*Одно мне хочется сказать поэтам:
Умейте домолчаться до стихов.
Не пишется? Подумайте об этом
Без оправданий, без обиняков.
Но дознаваясь до жестокой сути
Жестокого молчанья своего,
О прямодушии не позабудьте,
И главное — не бойтесь ничего.*

Ей ведь и самой не всегда писалось. В 1974 году в дневнике появится такая запись: “Господи, помоги мне. Пусть будут стихи — столько раз слышала их, сквозь меня, сквозь сердце или потоком — только записать, а лень мне было встать, взять тетрадку — думала — не забуду, запишу. А теперь — столько месяцев молчание — глухое, мёртвое. Господи, дай мне услышать!”.

С именем Марии Петровых связывала Анна Ахматова два лучших лирических стихотворения прошлого века. Первое принадлежит перу Осипа Мандельштама. Не могу не привести его полностью:

*Мастерица виноватых взоров,
Маленьких держательница плеч,
Усмирён мужской опасный нор,
Не звучит утопленница-речь.*

*Ходят рыбы, рдея плавниками,
Раздувая жабры. На, возьми
Их, бесшумно охающих ртами,
Полухлебом плоти накорми!*

*Мы не рыбы красно-золотые,
Наш обычай сестринский таков:
В тёплом теле рёбрышки худые
И напрасный влажный блеск зрачков.*

*Маком бровки мечен путь опасный...
Что же мне, как янычару, люб
Этот крошечный, летуче-красный,
Этот жалкий полумесяц губ...*

*Не серчай, турчанка дорогая,
Я с тобой в глухой мешок зашьюсь;
Твои речи тёмные глотаю,
За тебя кривой воды напьюсь.*

*Ты, Мария, — гибнущим подмога.
Надо смерть предупредить, уснуть.
Я стою у твёрдого порога.
Уходи. Уйди. Ещё побудь.*

“В 1933-34 гг. Осип Эмильевич был бурно, коротко и безответно влюблён в М. С. Петровых. Ей посвящено, вернее, к ней обращено стихотворение “Турчанка” (заглавие моё), на мой взгляд, лучшее любовное стихотворение 20 века”, — напишет в воспоминаниях Анна Ахматова.

Второе “Назначь мне свиданье на этом свете...”, обращённое к Фадееву, написанное самой Марией Сергеевной Петровых, Анна Андреевна назовёт “жемчужиной русской лирики”.

Помню, что при первом же прочтении строчки запомнились сами собой, и я словно причёт твердила:

*Назначь мне свиданье
в двадцатом столетье.
Мне трудно дышать без твоей любви,
Вспомни меня, оглянись, позови!*

Недавно я получила в подарок от Арины Витальевны последний, юбилейный сборник стихов Марии Петровых “Серебряный гром”, изданный в 2008 году в Москве к столетию со дня её рождения. В него вошли известные и новые стихи, читая которые вновь повторяешь “азы неоглядной свободы”. И снова, как в юности, “прозрачной прохладой дыша, оживает, мужает душа...”!

г. Алматы.

Алия АХЕТОВА

Счастливая капелька Вселенной

В каждом племени есть человек, ушибленный звездой.
Олжас Сулейменов

Богата талантами благословенная земля Кокшетау. Своеобразный причудливый ландшафт гор и степей в воображении художника, поэта, философа Курмана Базилинова трансформируется в неожиданные и ошеломляющие образы. Встречи с мастером ждешь с нетерпением.

Жанр его новой книги “Океан Незнания” трудно определить, скорее эссе, размышления талантливого человека, интересные всем, кто ищет ответа на непростые вопросы: кто мы, откуда, почему, для чего живём на прекрасной и непостижимой планете Земля.

“Мы — энергия звёзд, усложнённое её продолжение... Люди всегда должны помнить, что сотканы из чистых лучей правды, нежной, гибкой, красивой силы... Жизнь — это великий дар, клятва перед Богом, природой, и она не подменяется и не может быть заменена ничем”, “суд над правдой и победа лжи — кратковременный пустой выигрыш во времени людей, обманувших себя”.

Есть вещи, которые нельзя объяснить. Можно лишь понимать или не понимать. Друзья, близкие, почитатели таланта Курмана Рахимжановича, собравшиеся поздравить его с выходом новой книги, отмечали, что нельзя оставаться равнодушным к его творчеству: оно волнует, будоражит, что называется, цепляет.

На первый взгляд, “Океан Незнания” труднодоступен, но, вчитавшись в текст, понимаешь ясность авторского слога, начинаешь ценить афористичность стиля. Мгновенно запоминаются его краткие выразительные сентенции: “Ты был даже тогда, когда тебя не было”, “несказанная правда естественным образом становится явью. Но сказанная ложь никогда не проявляется”, “правда сверху. Ложь внизу”, “слабость — это гибкость, неиспользованная сила”, “мудрость произрастает на Востоке. А колосится на Западе”.

Друг автора, известный публицист и переводчик Госман Толегул тепло сказал на встрече: “Мы — люди одной крови. Курман из тех, кто считывает мой код. В своё время и я “болел” теорией относительности Эйнштейна. Меня привлекает интуитивная тяга Базилинова заглянуть в прошлое, суметь увидеть его через настоящее, то, что в нас, и то, что над нами... Клади, мой друг, на чашу весов столько добра, сколько сможешь. И тогда зло отступит”.

Профессор Айткажы Казбеков в своём приветственном слове заметил, что выросший в России Курман Базилинов не оторвался от своих корней: “Он возродил самобытное национальное ювелирное искусство — зергерство. Это

дорогого стоит. В нашей стране неисчерпаемый запас драгоценных, легко обрабатываемых камней. Секретами их шлифовки обладает наш мастер, я предлагаю открыть в Кокшетау школу Базилинова. Он — человек практического ума, сможет передать свой уникальный опыт и мастерство обработки камня ученикам”.

Я много лет знакома с ним, только жаль, что неординарная яркая личность остаётся несколько в тени. Ведь его светящиеся полотна давно разбежались по свету.

Живопись Курмана Базилинова вызывает особые эмоции: свой неповторимый мир в них, далёкие миры, изломы космических вершин, солнечное озарение Вселенной... По-настоящему красоты могут быть лишь непостижимые вещи. Искрится, переливается драгоценными камнями звёзд Млечный путь. Он залёт через всё небо, и мириады светил мерцают, озаряя путь поэту, художнику — вечному скитальцу. Невыразимая синь бездонного неба, ярчайшее солнце заставляют свет звенеть... А вот древо жизни, каким его видит художник, а потом и мы. На картине не предмет, не вещь, а отношение художника к ним.

По его собственному признанию, Земля — не первая планета, где он родился: “... Я каждый день в космосе и живу очень далеко. А сегодня я счастливая капелька Вселенной...”.

Картины Курмана, по существу, одна из форм общения, разговора художника с нами. Особой прелестью, волшебной, одной им найденной тайной веет от его полотен, в них пронзительная грусть, одиночество и раздумья поэта-живописца.

Многие его друзья удивляются самым разным ипостасям, в которых этот человек предстаёт: прекрасный плотник, мастер-столяр, чемпион по вольной борьбе, ювелир-зергер, мыслитель... Всё, к чему прикасаются руки Базилинова, оживает и становится поэзией: камень, металл, масло. Честно признаюсь: перстни Курмана (а самый любимый с громадным чёрным гематитом — мой оберег уже много лет, заряжаю его солнечной энергией, очищаю от сглаза и порчи) — мечта любой женщины, ценящей украшения.

В мастерской художника коллекция камней-самородков, глаз не оторвать от их сияющей торжественной красоты. А сотворит мастер чудо из них, — радуются ему люди.

Мы по праву называем его своим земляком, хотя родился Курман в России, в Курганской области. В детстве сам мастерил игрушки, ему повезло появиться в семье дружной, духовно богатой, где жили не хлебом единым.

Мать, большая поклонница казахского фольклора, знала многое наизусть из эпоса, читала детям. Звучит как предание, но Курман действительно появился на свет на 40 дней позже назначенного природой срока и весил чудо-мальшш 5,5 кг. Так Всевышний уже тогда отметил незаурядную личность, ставшую гордостью семьи.

Курман окончил отделение художественной обработки камня Свердловского училища прикладного искусства в 33 года. До этого искал себя, работая в художественных мастерских Нижнего Тагила.

Какое же счастливое провидение судьбы, что этот талантливый человек приехал уже в зрелом возрасте в Кокшетау, где ему так легко и радостно творить. Жизнь его — пример искренности, в каждое своё творение Базилинов вкладывает весь опыт, всю свою мудрость, силу страсти.

... Мчится в чёрной бездне космоса голубая пылинка Земля. Удивительный дом наш, уютивший род человеческий. Среди многих немногие обладают высоким даром. Их надо беречь.

г. Кокшетау.

Из почты "Нивы"

Уважаемый Владимир Романович!

С интересом читаю "Ниву". С искренней радостью за вас и за нас, читателей, обнаруживаю, что журнал буквально на глазах, от номера к номеру, становится всё интереснее. Только один номер мне не понравился совершенно. Кроме Поминова читать было нечего. А его хроники мне кажутся ядром журнала. Только вчера дочитала № 7, благо приболела и времени было много. Открыла для себя Гусинского, с удовольствием прочла, вроде известное, но пропущенное через себя коноплёвское о Пушкине. Очень интересны материалы о войне. Как это волнует! Хотелось бы больше подробностей, но не тот жанр. А у вас, видимо, был вдохновенный апрель. С удовольствием прочла все ваши стихи, а озорную Тарабарщину перепечатаю и пошлю подруге-учительнице. Думаю, очень хороший материал для обучения детей безграничным возможностям русского языка. Я восхищена.

Записки Владислава Владимировича при всём его выпендрёже очень интересны и напроць лишены злопыхательства. Если отбросить посыл "как мы с Д. К. управляли страной", вчитываясь в подробности закулисья, испытала гордость за страну того периода и за людей, которые ею руководили. За больших и маленьких.

Жаль, с молодыми хуже. Но это естественно. Для формата толстого журнала надо пожить, пережить, осознать, а потом уж писать. По прочтении наблюдений девушки Туяковой у меня было ощущение, будто болотной воды хлебнула. И напрасно она, исповедально рассказывая о своей нелюбви к людям, говорит от лица всего молодого поколения.

Зато на фоне этих душных страниц всё остальное и просвещает, и научает, и вдохновляет. Непременно подпишусь на журнал снова.

**С уважением и пожеланием творческих удач,
Людмила АЛЕКСЕЕВА.**

г. Алматы.

Рита КУБАНСКАЯ

Жанка-парижанка

Вообще-то её папа ждал Жанетту. В каком французском романе он встретил это женское имя и взял его на заметку — семейная история умалчивает. Но в районном загсе, куда молодые родители пришли зарегистрировать своё новорождённое чадо под этим именем, — им отказали. «У нас такого имени нет!» — ответ сотрудницы государственного учреждения был лаконичен и прост. И так велико было разочарование молодого папы, и так искренне его успокаивала совсем юная жена, что работница загса, на которую выпала почётная миссия регистрации их дочери, пожалев их, предложила: «А назовите вы свою малютку Жанной. Это по-нашему. А сами зовите Жанеттой, чего проще!».

С тех самых пор папа зовёт дочь Жанеттой, и никак иначе. Мама и все родные — Жанной, подружки — Жаннычком. В школе всем, к сожалению, дают клички. Такая некрасивая тенденция переходит, как правило, из одного поколения в другое. Жанне подошла бы кличка «Башня», скажем так — лучшее производное от её фамилии Башинская. Кое-кто и пробовал запустить её в атмосферу школы, но не прижилась. Ну какая в самом деле из тонкой, хрупкой, грациозной даже Жанны была бы «Башня»? Ну разве что ажурная Эйфелева, которую все и видели только по телевизору. Поэтому в школе её звали только Жанкой, кроме учителей, конечно. А в классе седьмом к «Жанке» прибавилась ещё и «Парижанка». Так она стала Жанкой-парижанкой.

Прямо как настоящая француженка, подобно Марии-Антуанетте, она стала носителем необычного двойного имени.

Всё объяснялось достаточно просто. В то время показали фильм Эльдара Рязанова «Предсказание», главные роли в котором исполнили Олег Басилашвили и французская актриса Ирэн Жакоб. А Жанна оказалась на неё очень похожей. Это заметили сначала взрослые — родители и учителя. Они были основными зрителями данного кинодебюта. Молва дошла до ребят, и они все повалили в кинотеатры. «Ирэн — вылитая наша Жанка», — был вынесен единый вердикт. И Жанна стала Жанкой-парижанкой. Если кто помнит эту француженку-актрису — так ничего в ней особенного и не было. Ну красоты-то точно не было. Так — какая-то загадочность, неповторимость и непохожесть на других. «Французенность», одним словом. Харизма или шарм, как это принято сейчас говорить. Справедливости ради надо сказать, что и Жанна красавицей в общепринятом смысле не была. Яркости в ней, что ли, не хватало? Глаза были то зелёно-светло-карими, то светло-каре-зелёными — поди разбери глаза этой Жанки-парижанки! Какие-то хамелеонно-загадочные, одним словом. Пепельно-русые прямые волосы. Что у неё была самая длинная и красивая

**Маргарита
Владимировна
ОСТАПЕНКО**

в 1977 году окончила Краснодарский институт культуры. Вот уже тридцать с лишним лет живёт в г. Петропавловске и работает в областной детско-юношеской библиотеке имени Г. Мусрепова. Автор книги рассказов и стихов «Плакала осень дождями». С 2005 года регулярно публикуется в «Ниве» под псевдонимом Рита Кубанская.

шея — так это точно. Это была константа, не подвергавшаяся обсуждению. Что тоненькая в кости, а талия — уже не придумаешь — с этим тоже не поспоришь. Что движется, как танцует — это правда. Так легка и красива она была в движении. Откуда это у неё? Наверное, в большей степени от природы. Потому что ещё задолго до её занятий танцами и папа, и мама заметили эту её органику в движении. И папа записал свою девочку в пять лет на танцы. Почему-то — на народные. Через месяц эта кроха, правда, пришла и сообщила ему новость: “Я буду танцевать только бальные танцы!”. — “Ну почему?” — обиделся папа. — “Потому, что хочу, — настаивала на своём девочка. — Но мне нужен партнёр, найди мне его, папа. Наши мальчики в группе не хотят танцевать”. И мама, и папа знали эту особенность дочери: будучи совсем не конфликтным ребёнком, она в нужный для неё момент всегда могла настоять на своём. Папа нашёл дочери пару — им стал племянник приятеля папного однокурсника. Можете себе представить, какую работу проделал папа Жанны, прежде чем выполнил её просьбу? Как бы там ни было, но Жанна с Сашей протанцевали долгие двенадцать лет. И даже были призёрами многих конкурсов. Более того, и Жаннины, и Сашины родители лелеяли надежду, что их дети и дальше по жизни пойдут рядом. Саша был не против, но вот Жанна... А при чём тут Жанна, если она ещё никого не любила, в том числе и Сашу? А нравилась она очень многим. Правда, от этой, неразделённой ею любви она часто страдала. Потому что в школе эти чувства проявляются крайне болезненно. Ей приклеивали жвачку на сиденье стула, а потом — долгие моменты её оттирания от юбки или брюк. Это много позже они с мамой узнали о том, что пострадавшую вещь надо на несколько минут положить в морозилку — и жвачка отстанет от неё. А потом оставшееся пятно можно было без труда вывести пятновыводителем. И вся недолга! Это и забрасывание снежками её зимой, это бесконечные звонки и молчание в трубку. Это ревность девчонок! У Жанны всё было как в любимой песне её двоюродной бабушки Анюты: “Одни страдания от той любви”. Правда, помогал Жанне разделять тяжёлую ношу такого “обожания” Лёша Бес — Лёша Бессонов, мальчик, живший в соседнем подъезде. Он был на два года старше Жанны. Лёша был и пажем её, и стражем. Пажем потому, что всегда часть книжек из её тяжеленного ранца перекладывал в свой и доносил ей в класс. Почему -то наблюдается странная школьная тенденция: чем младше школьник — тем перегруженнее и тяжелее его ранец. И идёт этот малыш — зачастую худенький, с неокрепшими мышцами спины с подчас неподъёмной сумкой за плечами. А в пакете ещё — сменная обувь, без которой в школу не пустят. И кажется, что это не школьник идёт в школу с поникшей головой, а верблюд медленно движется по пустыне с навьюченной между его горбами тяжёлой ношей. Не зря ведь свидетельствует статистика, что у каждого третьего школьника — искривление позвоночника. Переходя из класса в класс ребёнок “умнеет”: школьная сумка из года в год делается всё легче и легче — часть учебников просто остаётся дома. Правда, это не всегда устраивает учителей, а что делать? Так вот, эти самые учебники, если смены у них совпадали, Жанне носил Лёша. Он защищал её и от странных проявлений симпатий к ней. Алексея Бессонова в школе уважали. Во-первых, он был хорошо физически развитым. Дело в том, что его папа был тренером в ДЮСШ, то есть со спортом был на “ты”. Он и сына с юных лет воспитывал в спортивном режиме. Они вдвоём бегали, ежеутренне обливались холодной водой по Порфирию Иванову. Ну и, конечно же, много времени оба проводили в тренажёрном зале. Поэтому

лишний раз связываться с Бесом никто не хотел. А кроме всего прочего Лёшка был ещё очень умным. Ну просто очень! Он неспроста был гордостью школы не только во время своей учёбы в ней, но и сейчас, годы спустя. Все знали: если Бес принимает участие в олимпиаде по математике, физике, информатике или химии — то первых мест в них никому не видать, кроме Беса. Что странно, но золотые медали по окончании школы получили другие, не Лёша. Но только один он поступил на новый тогда факультет, созданный по заявке, скажем так, спецслужб. Все выпускники его — единственные из всего университета получили распределение. Вот “универ” Лёша закончил как раз с красным дипломом и уже два года где-то работал. Где — не знал никто. Даже Жанна. Если два последних года её учёбы в школе, а потом три — в междо-ледже их пути и пересекались, то последние семь лет — так, мимолётные встречи. Жанна была в десятом, когда у Беса погиб при странных обстоятельствах отец. Он вместе со своими воспитанниками пошёл в поход и их всех нашли бездыханными на вершине покорённой ими вершины. Погиб бы и Лёша, его спасло то, что сроки передвинулись и совпали с сессией, которую перенести было невозможно. Судьба, одним словом. Версий гибели выдвигалось много, но что послужило истинной причиной их смерти — так никто и не знает. Жанна тогда сильно переживала, жалея Лёшу и тётю Нелли. И всё спрашивала у мамы и папы, чем бы они могли им помочь. “Да чем тут можешь, доченька?” — говорили они. Видя как Жанна пыхтит над математикой и химией, мама как-то сказала: “Позвонила бы ты Лёше, он бы тебе вмиг помог”. Жанна позвонила, Лёша попросил ещё раз прочитать условие задачи, спросил, как решала она, а потом очень доступно растолковал всё и ей. Потом Жанна звонила Лёше ещё много-много раз, и Бес ни разу не отказал ей в помощи. Иногда, когда Жанна совсем “тупила”, Лёша приходил к ней или она, виноватая, шла к нему за помощью. Лёшина мама потом звала их на кухню и поила чаем. А однажды, когда Лёши не было в кухне, сказала ей: “Спасибо тебе, Жанночка, ты так помогла нам в эти трудные дни”. Эти переживания-встречи продолжались и во время Жанниной учёбы на фельдшерском отделении — её там сильно напрягала химия. Только из-за этого предмета Жанна не пошла в медицинский институт.

Иногда, когда она вечерами сидела с кем-нибудь из симпатизирующих ей мальчишек на лавочке-качели, которую в своё время сделали ещё их отцы, мимо проходил Лёша.

— Привет, соседка, — неизменно приветствовал он.

— Привет, — всегда радостно отвечала ему Жанка-парижанка.

По странному стечению обстоятельств Жанна попала на работу в лётный полк. Вообще-то туда должна была распределиться её подруга Леля. Её всемогущий папа побеспокоился об этом, надеясь, что дочь найдёт себе там достойную партию и забудет своего Генку — “недотёпу и лоботряса”. Родители, к сожалению, не застрахованы, как и их дети, от ошибок. Гена не был ни недотёпой, и уж тем более ни лоботрясом. Просто жизнь у него двигалась на других орбитах, чем, допустим, у его Лели. Сразу после окончания школы он пошёл на завод — туда, где работала его мама. Она воспитывала их сама — его и младшую сестрёнку. Отец у них был “свободным путешественником” — уходил неизвестно куда и возвращался неизвестно откуда. Однажды ушёл и не вернулся. Мужчиной в семье стал подросток Генка. На заводе начал с ученика и вырос до мастера. Закончил заочно институт. А сестра его Лена без пяти минут учитель начальных классов — заканчивает педколледж.

Ну какой Генка после этого недотёпа и лоботряс? Просто он не нравился Лелиному папе. Что делать, если в этом парне, к которому была так привязана его умница и красавица дочь, он не видел будущего зятя?

Кроткая Леля, как оказалось, имела папин характер. Они с Генкой зарегистрировались тайно от её родителей. Леле этого показалось мало, и она для упрочения их с Генкой позиций уже к выпускному вечеру была на четвёртом месяце беременности. В сложившейся ситуации разгневанный Лелин отец рад был и Генке.

Так Жанна оказалась в медсанчасти лётного полка. Здесь она встретила Петра Платонова и забыла обо всём на свете. Первая любовь есть первая любовь. Её не смущало, что тридцатидвухлетний командир эскадрильи — красивый, умный и бесстрашный Пётр Платонов имел семью. “Семья — это святое, — сразу расставил все точки над “i” он. — А ты — моя любовь”, — сказал он двадцатилетней Жанне. И как-то во время одной из их встреч добавил: “Я надеюсь, ты понимаешь, что у меня уже есть два сына и больше мне детей не надо”.

Пётр был не только командиром эскадрильи, но и командиром их отношений. Он всё решал сам. А Жанна, а что Жанна — она просто любила его до беспамятства.

Эта связь длилась семь лет. У Лели с Генкой было уже двое детей; некоторые одноклассницы вышли замуж и успели развестись; кое-кто, правда, как и Жанна, был одинок, но и то оттого, что ещё не встретил свою половинку. Жанна вроде бы и встретила, но всё ещё была одна. Эта мысль всё чаще и чаще приходила ей в голову.

Как случилось, что она забеременела — Жанна не знает. Помня наказ любимого, она строго следовала ему: “Никаких детей!”. И вот на тебе. Может, это сработало вопреки всем её медицинским подсчётам заложенный в каждой женщине материнский инстинкт? Жанна почувствовала зарождение в ней новой жизни сразу. Начался сильнейший токсикоз. “Мне двадцать семь лет. Буду рожать”, — решила она. Петру, ссылаясь на недомогание, во встречах отказывала. Мама догадалась сама. “У меня тоже тяжело протекали первые месяцы беременности. Потому я и не отважилась на второго. И резус у тебя отрицательный, — сказала она ей как-то наедине. — Будем рожать?” — “Будем”, — ответила Жанна. Папа, судя по его растерянному виду, тоже всё знал. Жаннин стабильный вес в пятьдесят два килограмма резко пошёл на убыль. Ничего не елось и ничего не хотелось. Кое-как проработав день, Жанна, привозящая домой на служебном автобусе, ложилась в хорошо проветренной комнате. То ли от отсутствия аппетита, то ли от постоянной тошноты — все предметы в комнате качались, как в трюме корабля во время шторма. Жанна до сих пор помнила о том морском круизе в детстве с родителями, где всё у неё дрожало от переизбытка неизведанных ранее ею чувств и эмоций. Вечером, когда во дворе никого не оставалось, Жанна выходила посидеть на качели. Просто так, не раскачиваясь. В наступающей ночи, когда на тёмно-синем небосклоне появлялись звёзды, когда делался более свежим воздух, когда гасли огни во многих квартирах их дома — Жанне делалось лучше: ей хорошо дышалось, отступали все недомоги и даже появлялось желание впервые за весь день что-нибудь перекусить. Она возвращалась в дом, брала из холодильника кусочек сыра, яблоко или грушу и спокойно засыпала. Что удивительно, но с наступившей вопреки её воле беременности она как-то перестала думать о Петре. Думала, конечно. Но он как бы отодвинулся на

дальний план. Стал не таким сильным и красивым, не таким главным, что ли. Он просто перестал быть единственным. Жанна думала только о своём малыше. И мысли её в этом направлении уходили далеко вперёд — вот она делает свои первые шаги / “Будет дочь”, — мечталось ей /, вот свою малышку она забирает из садика, а теперь мы идём в первый класс. И так ей делалось легко на душе от этих грёз, что все её физиологические катаклизмы, исходящие от её нового состояния, отодвигались на задний план.

“Странно, я почему-то за эти годы многое упустила. Даже жизнью двора не интересовалась. Вон у Лёши Бессонова темно. Тётя Нелли живёт сейчас у старенькой мамы, которая вот уже несколько лет “помирает” в родной квартире. “Как хотите, — сказала она дочери и внуку, — мне жить осталось всего ничего. Могу я помереть у себя дома?”.

Так лет пять и живут они в разных районах города — тётя Нелли с мамой — в Заозёрном, а Лёша один здесь. А вот и его машина. Лёша вышел, открыл дверь и помог выйти девушке.

— Привет, соседка, — увидев сидевшую на качели Жанну, поприветствовал он.

— Здравствуй, Лёша, — ответила Жанна.

Они зашли в подъезд, зажгся свет в его квартире. “Как жил Лёша эти годы — ничего не знаю”. Сколько времени прошло с тех пор, как она вышла на улицу — Жанна не заметила. Увидела только отъезжавшую бессоновскую машину. “Сейчас пойду домой. Что бы я сейчас съела?”. Жанне казалось, что должен найтись такой продукт, который разом бы снял все её проблемы. Она всё пробовала и пробовала, но проблемы снимались только частично. Зато чётко определился перечень того, что она успела возненавидеть: мясо и колбасы. Несколько раз выходил папа:

— Не пора ли домой?

— Ещё чуть-чуть, — оттягивала она время.

— Жанн, ты тут заночевать решила? — услышала она голос Лёши.

— И заночевала бы. Так хорошо дышится. Как живёшь, Лёша?

— Да неплохо живу.

— А ты как?

— И я неплохо.

Лёша сел на лавочку рядом.

— Покачать?

— Нет, — испуганно сказала Жанна, боясь, что Лёша нарушит только что установившийся в её организме баланс.

— А что так? Ты же выше всех любила раскачиваться?

— То было раньше, Лёша.

— Много изменилось?

— Много, — ответила Жанна.

— Как поживает твоя бабушка?

— Ты знаешь, — рассмеялся Лёша, — намного лучше, чем пять лет назад.

— Ну и слава богу, — ответила Жанна.

— И мы с мамой очень рады.

— Ты передавай ей привет, Лёша. Я её целую вечность не видела.

— Ты разрешишь мне закурить, Жанна?

— Извини, Лёш. Я сейчас уйду, а ты покуришь, — извиняющимся тоном сказала она.

— Да не торопись, Жанна. Я не буду курить. — Лёше явно не хотелось оставаться одному.

“Почему он, такой умный, сильный / Жанна видела его иногда обливающегося по утрам! /, состоявшийся, до сих пор не женат? — глядя на Лёшу, подумала она. — И кто ему та девушка?” — совсем некстати возник у неё вопрос.

Жанна всё ещё была в гастрономическом поиске: что бы поесть, что бы выпить такого, чтобы и ей, и её малышке было бы хорошо? На улице подморозивало. А Жанне без этих вечерне-ночных посиделок было просто невмоготу. После того как Лёша присел к ней на лавочку, прошло несколько дней. А Жанна вдруг подумала, что ей с ним так хорошо общалось, ну как раньше! Наверное, с девушкой своей время проводит.

Лёша возник так же неожиданно, как и тогда, в первый раз.

— Не замёрзла, Жанна?

— Начинаю, — постукивая зубами, сказала она.

— А домой, конечно, идти не хочешь?

— Не-а. Ты только посмотри, Лёш, какая чудная луна, а какие звёзды.

— Красиво, не спорю. Но холодно. Ты давно сидишь?

— Давненько.

— Пойдём ко мне чай попьём?

— Нет, Лёш, уже спать пора.

— Но ты ведь не хочешь ещё, да и выходной у тебя, наверное, завтра.

— Наверное, — согласилась неизвестно с чем Жанна.

— Так пойдём?

— Нет, — неуверенно ответила Жанна, — родители меня потеряют.

— А ты позвони им, — Лёша протянул ей свой мобильный телефон.

У Бессоновых многое изменилось. Комната его родителей стала Лёшиным кабинетом.

Там стоял ультрасовременный компьютер, было и много другой техники.

— Лёш, ты тут царь? — улыбнулась Жанна.

— Нет, я тут владыка. Посиди, я быстренько.

Жанна оглядывала комнату. Вместо штор — жалюзи, книжные полки во всю стену — старые. Только книг поприбавилось по компьютерным технологиям. На нижней полке лежал “крабик” — женская заколка. Чей он, интересно? Той девушки, которую я видела? А почему бы и нет, Жанка? Жанна, когда сердилась на себя, всегда звала себя Жанкой. Почему у Лёши не может быть своей личной жизни? У меня же вот была она семь лет.

— Пойдём, Жан, чай попьём.

— Да я особо и не замёрзла, — отнекивалась Жанна.

— Пойдём, пойдём, — настаивал Лёша. Жанна зашла на кухню, увидела разложенные на тарелке мясо, колбасу, сыр, и к ней опять подступила ненавистная тошнота.

Жанна бросилась в ванную. Вышла оттуда никакая, извинилась ещё раз перед ничего не понимающим Лёшей и пошла домой, запретив ему проводить её до подъезда.

То неуловимое, что происходило с ней сейчас, ей не нравилось. Жанна стала думать о Лёше. Но не как о соседе, а совсем по-другому. “Не иначе, я рухнула с дуба, — решила Жанна. — Быть беременной от одного мужчины, а думать о другом. Ужас!”. И она решила поменять свой режим бытия. Служебный автобус вечером останавливался по её просьбе возле парка, и она там бродила. Уставая, заходила в кафе, где ничего не варилось и не жарилось, а продавались только загодя приготовленные продукты, пила

минералку, в лучшем случае — чай или сок и ехала домой. Правда, уставала страшно. Дня через три ей позвонил Лёша.

— Ты почему не дышишь? Выходи, я жду тебя на лавочке. — Он говорил так быстро, что не дал ей возможности ответить.

Жанна подошла к окну и увидела сидящего на качели Лёшу. Она вышла.

— Говорила, что без воздуха не можешь, а сама дома торчишь.

— Я теперь по парку брожу.

— Что, так лучше?

— Наверное, лучше.

— Если подышала, тогда пойдём ко мне музыку слушать.

— Нет-нет, Лёша, я пойду домой.

— Глупость какая, я этот диск принёс специально для тебя, а ты отказываешься.

— Ну ладно, — согласилась она.

Лёша вставил диск в дисковод, и заиграла музыка. Скрипки были ведущими, их музыка была мощной, какой-то тревожной. Жанне казалось, что она в бушующем океане и её вот-вот захлестнёт огромная волна. Она даже вся сжалась в комок, сидя в кресле. А потом включились другие инструменты — она не могла только определить какие — и музыка стала мягче, спокойней. Это спокойствие охватило и Жанну. Она была уже не в водовороте океана, а на зелёной лужайке, а над ней — голубое небо с медленно плывущими по нему облаками.

— Ну и как? — спросил Лёша.

— Потрясающе! Это чья музыка?

— Фабио, молодого итальянца. Тебе имя его ничего не скажет.

Лёша подал ей чашку с чаем. Чай был с лимоном. Отхлебнув, Жанна зажмурилась от удовольствия. Это был тот напиток, панацея от всех её бед! И как я сама до этого не дошла! Дома лимоны не водились из-за повышенной кислотности у родителей, и чай пили с мятой, ромашкой, листьями смородины и земляники, даже с молоком, но не с лимоном.

— Клади сахар, — посоветовал Лёша.

— Нет, так вкуснее, — ответила она.

А потом попросила ещё. Лёша с готовностью налил и осторожно спросил:

— Может, чего-нибудь к чаю?

— Нет-нет.

Выпила чай и съела лимон. Какой молодец Лёша, какой молодец!

— Не кисло? — поинтересовался он.

— Не кисло, хорошо, — улыбнулась она.

А Лёша неожиданно наклонился и легонько коснулся губами её губ.

— Правда, не кисло.

А потом опять поцеловал и тихо подтвердил:

— Хорошо.

Жанне, наоборот, стало плохо. Они стояли рядом, Лёша слегка приобнял её. А Жанна всё думала, чьё же это сердце бьётся так неприлично громко и быстро: моё или Лёшино? Из оцепенения, охватившего обоих, первой вышла, как ни странно, она.

— Нет-нет-нет, Лёша. Нам нельзя.

— Почему? — как-то устало спросил он.

— Потому! — совсем по-детски ответила Жанна.

— Потому что ты ждёшь ребёнка?

— Потому, что я жду ребёнка от другого человека.

— Ты его любишь до сих пор?

— Я любила его многие годы.

— Будешь рожать?

— Да. Мне двадцать семь лет и у меня резус-фактор отрицательный. Аборты мне делать нельзя.

И, не одевшись, пошла на улицу. Лёша догнал её уже при выходе из подъезда. Одел её, обнял, но она, оттолкнув его, быстрым шагом пошла к себе.

— Что случилось? — встревожились родители.

— Случилось то, что мы с Лёшей встретились очень поздно. — Подумала, и добавила в какой-то заторможенности: — И ещё я люблю чай с лимоном.

Ушла к себе и до утра не выходила. А на работе к ней в медсанчасть пожаловал Пётр. Он был чернее самой грозовой тучи.

— Жанна, мы больше месяца не виделись, в чём дело?

— Ни в чём, Петя. Просто я полюбила другого.

— Не ври, этого не может быть.

— Ну почему не может? Может, и я этому очень рада.

— Кто он, из наших? Убью! — Пётр в гневе был страшен.

— Не из наших, — “успокоила” его Жанна. — Хотя что это меняет?

И Пётр ушёл.

Жанна во двор больше не выходила. А Лёша всё звонил и звонил. Мама отвечала, что Жанне нездоровится. Тогда он пришёл сам. Принёс огромный пакет лимонов.

— Лёша, зачем столько? — удивилась мама.

— Пусть Жанна пьёт чай, — сказал он и пошёл в комнату к Жанне.

— Я хочу, чтобы мы были вместе. Я хочу, чтобы ты родила мне дочь, похожую на тебя.

— Лёша, Лёша...

Он не дал ей договорить, позвал к себе:

— Тебя там что-то ждёт. Пойдём.

Отказать ему в такой просьбе было трудно.

— Жанна, попробуй это. Тебе должно понравиться. Это рыба в лимонном маринаде. У меня друг свою жену, ожидавшую ребёнка, только этим и спас. Она, как и ты, не могла есть ни мясо, ни колбасу.

— Лёша, ты где это взял?

— Да в ресторане, чего проще. Попробуй, у тебя только глаза и остались.

Жанна отведала, было вкусно и не вызвало, на удивление, никакой ответной отрицательной реакции со стороны её организма.

— Лёша, ты мой маг-спаситель, — благодарно улыбнулась Жанна.

Лёша был серьёзен и повторил:

— Я хочу, чтобы ты родила мне дочь, похожую на тебя.

— Но это не от меня зависит.

— А ты постарайся.

И Лёша стал целовать её. Жанна молча принимала его поцелуи. А потом тихо выдохнул:

— Останься сегодня со мной. Я тебя очень прошу.

И Жанна осталась.

Эта ночь была самой длинной и самой короткой в её жизни. Она была счастлива, как никогда. Лёша спал. Жанна встала, пошла на кухню и открыла холодильник... Там в судочках стояла ещё рыба и было много-много лимонов. Настоящий солнечный рай.

— Я не слышал, когда ты встала, — донёсся виноватый голос Лёши.

— Лёш, — обернулась к нему Жанна, — куда столько лимонов?

— Тебе. Беременность, насколько я знаю, протекает девять месяцев. Наша девочка должна родиться здоровой. Тебе для этого надо хорошо питаться.

Жанне трудно было поверить во всё происходящее.

— Если ты не против, — продолжил Лёша, — нашу малышку мы назовём Вестой.

— Как? — удивилась Жанна.

— Вестиславой. Это греческое имя.

— Тебе нравилась девочка с этим именем? — не выдержала Жанна.

— Не нравилась, я любил её, — поправил Лёша.

— Кто она?

— Ты ревнуешь?

— Ревную, — призналась Жанна.

— С третьего класса я любил девочку, соседку по дому. Я носил ей книги в школу, спасал её от нахальных ухажёров, помогал с математикой и химией. Её звали Жанной. Потом — Жанкой-парижанкой. А для меня она была всегда богиней, но она носила имя не известных уже богинь, пришедших к нам из Эллады — Гера, Афродита или Аврора, а имя, данное ей мною, но тоже греческое — Веста, Вестислава. Моя богиня долгое время не замечала меня.

Лёша всё это говорил, а Жанна плакала и целовала Лёшу. Со стороны это, наверное, казалось забавным: мужчина говорит, а плачущая женщина целует его.

— Мы же не виноваты, что дорога друг к другу была такой длинной, правда? — мягко улыбнулся Лёша.

Наверное, когда чего-то очень-очень хочется — всё сбудется. У Бессоновых родилась девочка, похожая на Жанну. Лёша оказался заботливым отцом. Что интересно, но Вестиславу зарегистрировали сразу, без всяких проволочек. Новое время принесло много новых имён...

Весточке было около двух лет, когда Жанна поняла, что опять ждёт ребёнка.

— Что будем делать? — узнав об этом, спросил Лёша.

— Конечно, рожать, — ответила Жанна.

— Потому что резус-фактор у тебя отрицательный? — спросил он.

— Ду-ра-чок, — ответила Жанна, — потому, что я люблю тебя. Если будет мальчик, я назову его Лёшей. И не спорь, пожалуйста.

— Я и не спорю. А не много ли Лёш для одной семьи? — улыбнулся Лёша.

— Какой ты у меня ещё глупенький, разве много счастья бывает?!

— Не бывает, — согласился Алексей Бессонов.

Опять те же грабли

— Юлия Александровна, там у нас в очереди мужчина без талона, примете? — спросила у меня медсестра Оля в конце приёма.

— Приму, а куда я денусь, — ответила я, хотя без талона мне, как и всякому врачу, ведущему приём больных, принимать пациентов не положено.

— Спасибо, Юлия, что не отказала, — сказал вошедший в кабинет мужчина, и я почувствовала, как у меня земля уходит из-под ног. А потому я сразу села на стул. Для устойчивости моего равновесия. Так со мною происходило и раньше, когда я впервые увидела Петьку. Петьку, который был, пусть и совсем недолгое время моим мужем. “И вот опять на те же грабли”, — почему-то пришла на ум любимая фраза моей мамы. — Я тебя умоляю,

Юля, ну сколько можно становиться на одни и те же грабли”, — всегда говорит она, когда не соглашалась с моими действиями. “Опять грабли, и опять те же самые, мама...”.

Столбняк, овладевший мною с появлением Петьки, как-то ослаб.

— Сколько лет, сколько зим, Петя? — поприветствовала я его.

— Много, — ответил он.

“Боже, тот же короткий ёжик, те же глаза-угли и ресницы веером”, — мгновенно пролетает мысль. — “Ну почему у тебя такие густющие ресницы, Петька? А мне вот мои приходится красить”, — жаловалась я на судьбу молодому мужу. “И зачем? — удивлялся он. — Мне твои рыженькие ресницы куда больше нравятся”.

“Я, как назло, сейчас совсем не накрашена”, — горюю потаённо я.

— Юлия Александровна, у вас сегодня есть приём в больнице? — вернула меня к действительности Оля.

Я спохватилась.

— Петя, какие жалобы? — спросила я у него, как у обычного больного.

— Да особо никаких, но, уходя надолго в море, проверяю своё здоровье. А тут свой окулист... — и Петька взглянул на меня какой-то той, своей полуулыбкой...

— Юлия Александровна, я — в регистратуру за вызовами? — это опять Оля. — Иди, Оля, я скоро освобожусь.

Я водила указкой по таблице Ротта, проверяя на зоркость Петькины красивые чёрные глаза. Я рассматривала поодиночке каждый его глаз на аппарате. Я выписывала ему рецепт на капли, которые подлечат небольшое воспаление. Я смотрела в его глаза и старалась не видеть их, потому что опять почувствовала опасность для себя. Ну не наступать же в самом деле на одни и те же грабли, пусть и с интервалом в семь лет. Просто абсурд какой-то!

Хорошо что вернулась Оля. Она меня сегодня выручила не один раз.

— С вами всё в порядке, Юлия Александровна?

— А что такое?

— Да вы как будто не в себе сегодня.

— В себе, в себе, Оленька. Просто нездоровится немножко. Эпидемия гриппа, сама знаешь, — отвела я Олины сомнения. “Спасибо тебе, девочка, — мысленно благодарю я её, — ты меня сегодня хорошо поддержала. Что бы я без тебя делала? Вот на девять лет моложе меня, только после колледжа, а такая умничка во всём!”.

Петька сегодня, как и тогда, семь лет назад, взял меня своей внезапностью. И всё. И снова пресловутые грабли... И наступать на них мне, мама, совсем не хочется. Но уже наступила. Такие вот дела. Хоть плачь!

— Юль, сегодня встретимся? — это мне на сотовый позвонил Влад. Он — хирург в нашей же поликлинике. И мой мужчина. Гражданский муж, как это принято сейчас говорить. Он зовёт меня замуж, а я не тороплюсь. Потому, как долго не могла прийти в себя после нашего с Петькой развода. Отчего развелись? Теперь и не понять. А тогда — это целый клубок непониманий и обид. И в итоге — развод. Мы оба уехали из Краснодара, так тяжело нам было существовать параллельно в одном городе. Я перевелась в медицинский в Санкт-Петербург. Петька бросил политех и рванул куда-то на Дальний Восток — покорять моря и океаны.

А я после окончания института приехала домой, в мой маленький родной и любимый Инск, что в часе езды от Краснодара. “Ну зачем тебе это? — отговаривала меня мама. — Красный диплом, тебя оставляют на кафедре. Опять же аспирантура”.

— Устала от большого города, — отвертелась я. И потом, у нас никогда не было окулиста в Инске. Теперь будет. Просто мне нужно было как-то унять себя, остановить тот спринтерский бег, который начался с момента нашего с Петькой развода, когда я пустилась в бегство и от Петьки, и от себя, и от всего того, что нас связывало. А где я могла, наконец, остановиться? Конечно, только у себя дома. И спасибо родителям и тётё, что обособили меня территориально, что не живу я в хрущёвской двушке вместе с родителями. И есть у меня свой любимый уголок.

Живу на земле, как того и хотела. Семейный дом разгородили на два хозяина — мою тётю и меня. Небольшой огородик на двоих, такие же небольшие две квартирki получились. Отопление газовое, все удобства в доме.

Грецкий орех, падающий с деревьев на крышу моей веранды, даёт знать о наступающей осени. А с мая по ноябрь два моих окна оплетены чудными розами. Стоит открыть окна — и неповторимый аромат: ни один дезодорант им не конкурент — врывается в мою комнату и надолго поселяется в ней. А у тётки летняя веранда оплетена лозами винограда. Ну что может быть с этим сравнимо?

Вот и сейчас я дома. Всё, отключаюсь от всего — даю себе установку на хорошее настроение... Звонок. Это опять Влад.

— Глазастик, может, я забегу?

— Нет, Влад, всё хорошо, не беспокойся.

Он и правда, чувствует меня как никто.

И, наверное, нам пора как-то с ним определиться и разобраться с нашими несовместимыми друг с другом животными — у меня кошка Муся, а у него — кавказская овчарка Долли, и перестать жить, наконец, на два дома — день там, день здесь.

Опять звонок.

— Это я, Юля.

— Петька, ты?

— Да.

— Нет, нет и нет, — как автомат, зачеканила я.

— Что нет, Юлька?

— Всё нет, — ответила я.

— Да, — сказал, как отрезал Петька. — Я пришёл к тебе в поликлинику, чтобы увидеть твои глаза.

— И что, увидел? Кто дал тебе мой телефон?

— Твоя мама.

— Не может быть, — ахнула я. — А как же грабли?

— Юлька, с тобой всё в порядке? Какие грабли?

— Те самые. Не приходи, — сказала я.

— Уже поздно, Юлька. Подойди к окну, я стою на твоём крыльце.

Я подошла и увидела Петьку.

А потом взяла и открыла ему дверь.

Бело-чёрная жизнь моя

Я так и знала. Я так и знала, что случится со мной непременно это. Я падаю с высоты, чувствую, что моё тело вот-вот коснётся земли и развалится подобно метеориту на мелкие кусочки. От страха, от предчувствия страшной боли я закрываю глаза, мне думается, что так умереть будет легче. На самом деле от этого самого страха я глаза открываю и удивлённо разглядываю всё

вокруг. Вижу очертания своей комнаты. Ух. Это сон. Страшный. Кошмарный. Преследующий меня уже много лет. Кто-то видит цветные, радостные сны; кто-то вообще спит без сновидений / и это спокойней! /; кто-то во сне летает подобно птице, а кто-то, простите, падает на землю камнем...

Меня даже во сне преследуют чёрные полосы.

Думаете, я и правда не в себе? Ничуть не бывало. Что жизнь наша как зебра полосатая, знают все. Чёрная полоска — белая полоска, чёрная, белая... Чёрная таит в себе горе и ненастьё, обиды и разочарование. Белая — мажорная, она светла от радости и счастья, от улыбок, надежд, любви, наконец. Так вот в моей жизни бесконечная чёрная полоса с очень редкими и тонюсенькими белыми полосками. Такая вот грустная история. Вот только я не согласна с тем, что наша жизнь чёрно-белая, а не бело-чёрная. Рождение человека — великое таинство земное, разве может оно нести чёрную цветовую гамму? Меня вот моя мамочка очень даже не хотела рожать. Не затем она, студентка первого курса, увела из семьи сорокалетнего профессора. Но папа аборт категорически запретил ей делать, и пришлось моей красивой мамочке портить свою фигуру беременностью. Она, правда, все девять месяцев надеялась, что будет мальчик. Почему-то к мальчикам она была настроена более благосклонно. Несколько раз ходила на УЗИ. Но я уже в утробе, вероятно, чувствовала её нелюбовь ко мне, поворачивалась так, чтобы она не могла определить пол носимого ею ребёнка. Правда, благополучно родив, она не стала кормить меня грудью, говоря акушеркам и врачам, что у неё пропало молоко. Лежавшие в её палате кормящие мамочки сильно в этом засомневались, нажаловались врачу, те — папе. А он первый раз указал на дверь своей красавице-жене: “Не будешь кормить малышку — можешь быть свободной”. Свободной мамочке в тот момент очень уж быть не хотелось, и ей пришлось поневоле взять меня на своё довольствие.

Равнодушие ко мне моей мамы компенсировалось обожанием со стороны отца. Правда, его любовь ко мне длилась недолго: мне едва исполнился год, когда его не стало. Потом мне рассказали, что произошло это не без участия моей мамочки. Неня гуляла со мной в сквере. Папа ушёл в университет, но, забыв какие-то бумаги, неожиданно для мамочки вернулся и увидел её на семейном ложе со своим аспирантом — молодым и красивым. От увиденного ему стало плохо с сердцем. Приехавшая “скорая” определила у него инфаркт, в больнице спустя месяц случился второй — и его не стало.

За год моего земного существования мамочка моя так и не смогла меня полюбить. После смерти папы она ушла жить к тому самому роковому аспиранту. Снимаемую папой квартиру пришлось сдать. Мы с Неней переехали в её однокомнатную квартиру. Неня — моя тётя, Евгения Николаевна, старшая папина сестра, которую он призвал на помощь, когда его любимая жена стала жаловаться, что очень устаёт с капризной дочкой и ей нужна няня в помощь. Папа любил жену. Но ещё больше он любил меня, поэтому никому меня не мог доверить. Позвал сестру, которая уже год была на пенсии. У Нени не было своей семьи. Так сложилось. Когда ей было восемнадцать, а брату семь — арестовали их родителей. Женя не позволила отдать брата в детдом. Работала, училась и растила брата. Когда родители вернулись, — Павлик, мой папа, был уже студентом. А в Жениной помощи стали нуждаться часто болеющие родители. Некогда моей Ненечке было думать о себе. А тут ещё я свалилась на её голову. Я, конечно, не сама свалилась, а меня свалили... Но разве ей от этого было легче? А Неней я её стала звать потому, что с

произношением шипящих звуков у меня долгое время были проблемы. Вместо Жени у меня получалось Неня. Были занятия с логопедом. Но когда я, наконец, научилась всё произносить и тётю Женю могла называть правильно — поезд уже ушёл. Я, да и она, привыкла к Нене.

Папа, умирая, немного мог завещать своим детям. Квартиру он оставил первой жене и сыну. Накоплений больших не было. Но было имя всемирно известного учёного. Его труды переиздавались во многих странах. Шли гонорары. Вот это он в своём завещании и оставил нам, своим детям — сыну Кириллу, ровеснику моей мамочки, и мне. И ещё моим опекуном просил назначить свою сестру Женю, в виду того, что его жена не в состоянии воспитывать маленькую дочь.

Папа, как оказалось, ошибался. Мамочка моя, наконец, влюбилась. И вышла замуж. Но не за того рокового аспиранта, а за обычного человека, да ещё вдовца с ребёнком. Ребёнок этот на счастье моей мамочки был мальчиком. И она полюбила его. Лёня был на четыре года старше меня и мама его боготворила. Они приезжали к нам на мой день рождения, мы ездили к ним. Чувствовалось положительное влияние на мамочку мужчин её семьи.

Она действительно по-настоящему привязалась к ним — Лёне и дяде Игорю.

Когда через пять лет случилась та страшная авария — дядю Игоря вместе с другими шахтёрами завалило в шахте — мамочка никому не отдала Лёню. “Он мой”, — сказала она. Видно, и правда, мальчиков она любила больше девочек. И замуж она, как ни странно, больше не выходила.

Я не любила свою мать. Я ей была не нужна. Но когда я, подрастая, видела, как она относится к Лёне — мне было плохо. Спасибо моей мудрой Ненечке, что бы я без неё делала, как бы жила? Она разговаривала со мной всегда как с равной. “Соня, у тебя есть я, тётя Катя, Кирилл, Надя. А у Лёни — совсем никого. Только твоя мама. Разве он в чём-то виноват?”. Лёня виноват ни в чём не был. Меня действительно любила тётя Катя — папина первая жена, с которой он прожил в гармонии, пока не встретил маму. Она и после развода продолжала поддерживать отношения с Неней. Ко мне по-отечески относился мой сводный брат Кирилл. С Надей, его дочкой, моей ровесницей, мы ходили в один садик, в одни школы — обычную и художественную. Нам и покупки делались одновременно: мне — шубку, Наде — шубку, Наде — плащ и мне — плащ... В родственной связи мы с Надей были тётей и племянницей, а по существу — сёстрами и подругами. А Лёня всегда звонил нам первым, приезжал, если по дому была нужна мужская сила. Он всё умел. На мой день рождения приезжал с мамой. Только из-за него я с Неней бывала в их доме. Ностальгии по мамочке у меня не было. А Лёня звал её мамой и любил, в отличие от меня. Такая вот история.

Моей Нени не стало, когда мне исполнилось четырнадцать. Только тогда я поняла, насколько я была счастлива с ней. Мне не хотелось жить. Зачем? Но я, вопреки всему, жила. Тётя Катя забрала меня к себе. Ненину квартиру сдали в аренду. Я училась жить заново, очень медленно выкарабкиваясь из этой чёрной полосы. Мамочке моей хода не было к тёте Кате и Кириллу — они встречались всего дважды: на похоронах папы и Нени. А с Лёней я виделась всё чаще и чаще. Инициатива всегда исходила от него. Он нас с Надей звал то в походы, то на премьеру фильма, то устраивал нам пленэр. И, странное дело, нас с Лёней спокойно кругом отпускали. “Хороший он парень, — сказал как-то Кирилл, — надёжный, стоящий”.

Мы с Надей заканчивали школу, а Лёня работал и учился заочно в институте. Может, из-за занятости обоюдной или из-за чего-то ещё, но встречи наши стали реже. “Видела Лёню в аптеке, кто-то из них болен?” — спросила как-то вечером у меня тётя Катя. “Не знаю”, — ответила я. А потом Лёня позвонил и сказал мне, что маме осталось жить совсем немного, и она хотела бы видеть меня. Я пошла. Она просила прощения, говорила, что очень виновата передо мной. Я увидела заплаканные Лёнины глаза и простила её. Так хотел Лёня. Нени моя была права — Лёня ни в чём ни перед кем не был виноват.

Был шумный выпускной, и мы с Надей — “красивые до неприличия”, по выражению нашего сердцееда Вовки Туманова, вышли из школы и поступили в художественное училище. Во мне и Наде были гены моей бабушки и Надиной прабабушки — она у нас хорошо рисовала.

На моём восемнадцатилетии было шумно и весело. Только я беспричинно грустила. Может, от того, что со мною рядом не было ни моей Нени, ни Лёни. Он уехал куда-то в Сибирь на лесоповал — там обычно подрабатывали во время каникул парни из их вуза. Лёня прислал мне телеграмму, не забыл. А мне вдруг сильно захотелось увидеть его. Во время застолья в дверь позвонили.

— Кто бы это? — удивилась тётя Катя. Все дома. Гостей больше не ждали. Я открыла дверь и увидела парня с букетом цветов.

— Ты Софья Астахова?

— Я, — удивлённо подтвердила я.

— Значит, тебе по назначению, — сказал он и вручил букет. — От Леонида.

— Спасибо большое вам, — сказала я.

— Не мне, Лёне, — улыбнулся он.

— Вот молодец какой, — обняв меня за плечи, сказала вышедшая вслед за мной в прихожую Надя. — Знаешь, а Лёни и правда не хватает. Даже мне. И тебе тоже?

— И мне тоже, — подтвердила я.

— Сонь, Лёня приехал больным со своего Енисея. Видела Васю Шевелёва из его группы, он мне об этом сказал. Давай его навестим? — предложила Надя. И мы поехали к Лёне.

— Девочки, как я рад вас видеть! — были первые его слова при встрече. Лёня был болезненно худ. — Чем же я вас угощу? У меня ничего вкусного нет, — растерялся он.

— Ничего и не надо! Мы тебя сами угостим. Соня пирожков напекла вкусных. Бабушка котлет нажарила. Мама мёд и малину велела передать. Сейчас всё разогрею, — сказала Надя.

— Не стоит, — отказывался Лёня, но она его не слушала и гремела на кухне посудой.

— Что у тебя, Лёня? — спросила я.

— Да представляешь, сколько раз проваливался в воду — и ничего. А в этот раз воспаление лёгких схватил.

— Почему тебя в больницу не положили? Ведь надо уколы делать?

— А я и делаю.

— Ты сам?

— В этом ничего особенного нет. Я научился, когда мама болела, — сказал он и сразу замолчал. На всё, что касалось мамы, у нас с ним негласно было наложено табу.

— Лёня, спасибо тебе за телеграмму и цветы, — перевела я разговор.
— Извини, там где я был — мобильные не работают — позвонить не мог... Вот балда, чуть не забыл.

Он подал мне забавного мишку, сделанного из кедровых шишек.

— Это тебе.

— Какое чудо! — ахнула я.

— Тебе и правда нравится?

— Правда, он такой добрый, как... — Я вовремя замолчала. Мне хотелось сказать:

— Как ты, Лёня.

Он так ласково смотрел на меня, что я чуть не заплакала. В тот момент я поняла, что люблю его.

— Родственники, — обратилась к нам Надя, — прошу за стол.

— А мы не родственники, — не согласился Лёня. — Ну, значит, будете, — не отступала от своего она. “Каким образом?” — единственная мысль, которая промелькнула в моей голове.

Как только у меня появилась первая работа — я перебралась в Ненину квартиру. Мне у тётки Кати было неплохо, они все вместе помогли мне окрепнуть после свалившегося горя. Но мне хотелось домой, туда, где мне всё было дорого, где даже стены согревали меня. Там прошло моё детство. Там меня любили. Там я была очень счастлива. Я оформляла детский садик, вела уроки рисования в начальных классах — времени на отдых практически не было. Надя после училища поступила в университет — ей хотелось преподавать там. А Лёня организовал вместе с друзьями какое-то КБ и успешно работал.

Иногда я, когда появлялось свободное время, выбиралась в тот сквер, куда меня вывозила на прогулки моя Неня. Я, конечно же, ничего не помнила о том времени. Но Неня столько мне рассказывала о сквере, что я его любила. За что? За удивительный зелёный купол необычного шатра, который создают, переплетаясь в вышине, кроны старых деревьев, через который пробиваются солнечные лучи в летний день. За липовую аллею, за резные листья клёнов и дубов, которые чудным ковром разбрасывала щедрая осень и на земле, и на удобных лавочках-скамьях, сохранившихся ещё с тех моих младенческих прогулок на свежем воздухе; за неторопливость гуляющих здесь людей — мамочек с детьми, влюблённых, пожилых. Я ни к одной из этих категорий не относилась, но сердце моё всегда рвалось сюда.

— Надюш, пойдём побродим по моему скверу, — позвала я её по телефону на прогулку.

— Мне надо к Светке смотаться Ковригиной, — ответила она. У меня с её Светкой во все времена был полный неконтакт, поэтому в сквер я поехала одна.

Для меня там время всегда останавливается, как бы замирает. Сейчас была поздняя осень. Осень, уходящая в переулки зимы. Многие деревья уже сбросили листву. Прихваченные морозом, доживали свою жизнь цветы на клумбах. Холодил кожу свежий воздух. Но даже сейчас у меня было как-то умиротворённо на душе, тепло и спокойно.

— Девушка, возьмите бананы, — предложила мне много лет торгующая в павильоне знакомая женщина, — вкусные, не кормовые.

Я у неё уже не один раз что-то покупала и всегда была довольна.

— Не люблю бананы, — ответила я.

— Ну кого-нибудь угостите, — посоветовала она. — Очень уж вкусные.

— Может, заехать к Лёне? — мелькнула неожиданно мысль. Он как раз бананы обожает. Лёня давно звал меня к себе в гости, хотел что-то показать, но у меня всё не хватало времени. Вернее, я почему-то после того открытия, сделанного для себя в квартире у Лёни, боялась там бывать. Как-то тревожно мне было. А тут вдруг решилась. Купив связку бананов, я спустилась в подземный переход, перешла на другую улицу и на маршрутке поехала к Лёне. Дверь мне открыла... Надя.

— Ой, — вдруг покраснела она, — Светки не было дома, я зашла к Лёне на работу... Хорошо что ты пришла. Мы как раз чай собрались пить.

Надя говорила сбивчиво — сильно волновалась.

— Кто пришёл? — спросил Лёня из кухни.

— Соня, — ответила Надя.

— Соня, — Лёня вытирал руки полотенцем, перекинутым через плечо, — здравствуй, наконец-то ты пришла. Заходи.

— Да нет, спасибо, — сказала я.

— Мне тут предложили вкусные бананы, я и решила занести их тебе.

— Вот и проходи.

— Я тороплюсь, извини, — отказалась я. Сунула растерянному Лёне в руки злополучные бананы и, не дожидаясь лифта, быстро стала спускаться вниз. Почему я так себя повела — самой непонятно. Наверное, меня выбило из привычного состояния Надино пребывания здесь? Или её ложь? Несчастливая Светка жила совсем в другом конце от Лёниной работы и от его дома...

Но при чём здесь Лёня, при чём Лёня? Они — вместе? — мелькнула страшная догадка. А меня он просто жалеет с тех самых давних пор... Не помню на каком этаже я остановилась — силы вдруг покинули меня.

Села на ступеньки и заплакала. Когда меня жалели, я всегда плакала от обиды и одиночества, которые ощущала от этой самой жалости. Я лишилась одновременно и Нади, и Лёни.

— Соня, что ты здесь делаешь в самом деле? Я спустился на лифте — тебя нет. Что произошло, скажи? — бедный Лёня так и выскочил с полотенцем на плече и в носках.

— Ничего, ничего, — отвечала я. — Мне просто надо срочно домой. Извини меня, пожалуйста, за вторжение.

Я вошла в открытый лифт и спустилась вниз, видя перед собой расстроенные Лёнины глаза.

Надя мне позвонила через два дня. Такого в нашей жизни не случилось. Если и происходили у нас какие-то междусобойчики, то разрешались часа через два-три. А тут.. Я пребывала в каком-то непонятном мне ступоре — не могла ни о чём думать, кроме Лёни и Нади.

— Соня, мне стыдно смотреть тебе в глаза, поэтому я к тебе и не иду. Мне надо было тебе давно об этом сказать, а я боялась. Я люблю Лёню. — Я молча слушала Надю. — Соня, Соня, ты меня слышишь?

— Слышу-слышу, — шёпотом ответила я и положила трубку.

Так началась новая полоса в моей жизни. С Надей мы после того случая виделись нечасто. Лёня звонил, забегал ко мне в садик, оценивал сделанное; иногда встречал после занятий в школе. Всё время спрашивал, не надо ли чего? А я всегда говорила одно и то же: "Не волнуйся, у меня всё хорошо". Мне было тяжело от его заботы обо мне. Сколько он будет чувствовать себя обязанным мне? Надо отпустить его на волю, как птичку из клетки. Сколько можно! Пусть у него будет, наконец, своя жизнь. Разве они виноваты, что полюбили друг друга?

Как много я тогда работала, просто ужас! Вечерами, усталая, можно сказать, загоняла себя в тупик, лишь бы не оставаться со своими мыслями наедине — шла расписывать со своими одноклассниками третий этаж элитной дачи одного богатого человека. Работать приходилось на высоте. Высоты я всегда боялась, но за месяц работы этот страх пересилила как-то незаметно для себя. Но однажды усталость взяла своё, и я свалилась с лесов вниз. Что интересно, всё было совсем не так, как в преследуемом меня много лет сне. Я ничего и не поняла. Только сознание потеряла от сильной боли. “Легко отделалась, — сказали друзья и врачи. — Позвоночник цел”. Отделалась я сотрясением мозга, ушибами и переломом ноги. Повалилась в больницу и запросилась домой. Мне принесли костылик, продукты подвозили друзья. Навещали коллеги из школы и мои ученики. Приходили, конечно же, тётя Катя, Кирилл с Любой, Надя со Светкой. Она просто боялась приходить одна. Потом стала заходить каждый день после института.

— Не гони меня, — попросила Надя. — Я всё равно буду приходить. Ну неужели тебе трудно простить меня за то враньё, которое ни мне, ни тебе ничего хорошего не дало?

Я уже не обижалась на неё. Мы говорили о многом, но только не о том вечере и не о них с Лёней. Да и в чём, собственно, её вина? Насильно же мил не будешь. Мамочка моя папу так и не смогла полюбить. Эта её нелюбовь и на мне отозвалась. Зачем мне повторять ошибки своих родителей? А Лёня пришёл ко мне самым последним. У меня как раз был Вовка Туманов, наш с Надей одноклассник. От кого он узнал о моём неудачном приземлении — неизвестно. Но приходить стал часто.

— Софи, — он обращался ко мне как в школе, — ты всегда была такая красивая, что к тебе боязно было подойти.

— Это тебе-то боязно? Да ты же у нас с седьмого класса слыл известным сердцеёдом. Сколько слёз из-за тебя пролили девчонки.

— Был, — согласился Вовка, — но ты, Софи, не была в их числе. Я на тебя боялся даже смотреть.

— А теперь что-то изменилось? — удивилась я.

— Изменилось, — ответил Вовка. — Ты сейчас, Софи, сплошной лазарет. А я с больницами с некоторых пор в тесном контакте работаю. Ты же не можешь быть исключением?

То ли Вовка говорил туманно, то ли всё-таки сотрясение мозга не совсем у меня прошло, но я мало что поняла из его объяснений. Я знала только одно: Вовка всегда у нас был “голова”, а сейчас он — подающий большие надежды банкир, оказывающий спонсорскую помощь многим учреждениям города. Наверное, я и была для него одним из таких учреждений. Владимир часто звонил, приходил, возил меня в больницу на своей большой и очень удобной для моей загипсованной ноги машине. С ним и правда было интересно. Не зря по нему многие девчонки сохли. Да и сейчас, наверное, не дремлют. Умный, красивый, богатый. Чем не жених?

Дверь Лёне открыл Вовка.

— Соня, ты как? — бросился ко мне Лёня.

— Хорошо, — ответила я.

— Ну до хорошего, Софи, ещё как до луны, — возразил Вовка. — Я пойду, чтоб не тесниться. Значит, в среду едем в больницу?

— Да, Вов. И спасибо тебе большое за всё.

— Вот когда ты так говоришь, Софи Астахова, я тебя опять начинаю бояться, — засмеялся он. — Закрой за мной дверь, — обратился он к Лёне, — чтоб Софи не прыгала на одной ноге, это вредно.

И ушёл.

— Соня, Соня, как такое могло случиться с тобой? — участливо спрашивал Лёня.

— Ой, Лёнь, со мной и не такое случается, — бодро, по заранее заготовленному / на случай его прихода / тексту тараторила я, жизнерадостно ему улыбаясь.

— Я об этом узнал случайно. Не зайти я к тебе в школу — так бы и не знал ничего.

“А что, Надя разве тебе ничего не сказала?” — удивилась я про себя.

— Я в командировке был месяц, я же тебе говорил, забыла?

“У меня голова была как в тумане, где мне было помнить, Лёня?”.

— Приехал, зашёл к тебе в школу, а там сказали, что ты разбилась.

На Лёню больно было смотреть, так ему было жалко меня.

Беденький. Как будто не у меня, а у него эти самые тридцать три несчастия случились.

— Да не надо меня так жалеть, — всё ещё бодрилась я. — Голова уже не кружится, не заговариваюсь. Ну а в гипсе походить даже прикольно.

— Ты заговаривалась? — переспросил Лёня.

— Ага, повторяла всё подряд по нескольку раз.

Не скажу же я ему, что всё время задавала один и тот же вопрос: “Не пришёл ли Лёня? Не пришёл ли Лёня?”.

Как я выглядела в тот момент — трудно сказать. Наверное, всё-таки ужасно, потому что Лёня смотрел на меня с таким состраданием, что ещё немного, и я бы заревела. Ну почему я со всеми держусь, а с Лёней не могу? И чтобы он этого безобразия не видел, я попросила его закрыть форточку на кухне и поставить суп на плиту.

— Сейчас-сейчас, — с готовностью сказал он. А я в это время попрыгала в ванную и умылась.

— Как ты управляешься? Надя помогает?

— У меня же руки целые, — ответила я. — А вообще-то все помогают, Лёня. Я даже и не подозревала, что у меня столько друзей. Вон даже Вова Туманов меня навещает.

— Кстати, кто он? — спросил Лёня.

— Да одноклассник наш с Надей.

— Я так и понял, — как-то недоверчиво произнёс Лёня. — Зачем тебе надо было лезть на те балки?

— Чтобы стены расписывать, — пояснила я.

— Я же у тебя много раз спрашивал, не надо ли тебе чего, а ты всё время твердила одно и то же: “У меня всё хорошо, Лёня, у меня всё хорошо”.

Он был страшно сердит. Я его таким никогда не видела.

— У меня всё вправду хорошо, Лёня. И не надо меня жалеть больше. Я выросла. Я уже взрослая.

— Да не жалею я тебя вовсе, — прокричал он так, как будто мы были в лесу. — Я тебя просто давно люблю. Ждал, что ты подрастёшь и всё поймёшь. А я взяла и расплакалась. Оказывается, от счастья люди тоже плачут!

На этом и закончим мою историю. Судя по всему, в моей жизни наступила белая полоса, и мне хочется верить, что она будет долгой-предолгой.

г. Петропавловск.

Александр ВЛАСЕНКО

Лечебные письма

Пинжаков внимательно посмотрел на кончик шариковой ручки, сдунул несуществующую пылинку и продолжил писать: “А ещё, уважаемая редакция, арбузным соком я вылечилась от бронхита, стоматита, дифтерита и свинки. Метод моего лечения очень прост. Нужно взять побольше арбузов, лучше всего перезревших. И употреблять их в пищу, непрерывно, несколько дней, лучше две-три недели. Кушать их надо много. И тогда наступит...”

Пинжаков перевёл задумчивый взгляд на давно не белёный потолок своего кабинета, стараясь разглядеть на нём, что может наступить после недельного употребления в пищу одних перезревших арбузов: “... наступит улучшение и полное исцеление от всяких и разных болячек. Таким, открытым мною методом, вылечилась мама моего мужа, страдавшая полиартритом. Сам муж, болевший псориазом и энурезом, мой родной, очень дорогой мне, племянник...”

Пинжаков опять обратился за помощью к потолку, выискивая на нём названия болезней: “... племянник вылечился от слабоумия, брат мужа, царство ему небесное, излечился от хронического алкоголизма. И сейчас, уважаемая редакция, самое время начать лечение арбузами. И у жителей нашего города есть замечательная возможность незамедлительно начать чудесное лечение. Все знают наш Центральный рынок-базар. Так вот в овощной палатке “Овощи-фрукты”, где хозяин Пётр Семёнович Пинжаков, этих арбузов видимо-невидимо и все такие, что глаз не оторвать...”

Скрипнула дверь, и Пётр Семёнович Пинжаков вынужден был оторвать взгляд от листа бумаги и установить его на появившемся родном и очень ему дорогом племяннике, чудодейственно излечившимся от слабоумия с помощью арбуза.

— Чего тебе? — спросил Пётр Семёнович, недовольный, что отвлекли от его занятия.

— Карабасов не принял машину, — уныло выдохнул племянник. — Вон она, во дворе стоит.

— Почему? — Пинжаков внимательно осмотрел и подул на кончик ручки.

— Сказал, что весь товар испорчен. Персик уже бежит, а баклажаны совсем гнилые.

Когда племянник ушёл, Пётр Семёнович вложил письмо в конверт, заклеил и надписал на нём адрес местной газеты. Затем достал чистый лист бумаги и, в который раз сильно подув на ручку, начал писать левой рукой: “Уважаемая и дорогая редакция! Пишет вам пенсионерка Риалова Маргарита Яновна. Хочу поделиться с вами и всеми читателями волшебной исцеляющей силой такого простого и незамысловатого овоща, как баклажан. Желательно немного подгнившего...”

И писала пенсионерка Риалова, что подгнивший баклажан вылечил её от бронхита, стоматита, дифтерита и кори. Её мужа от слабоумия, а племянника от псориаза. И что купить его можно прямо сейчас на Центральном рынке-базаре, в овощной палатке, где хозяином Пинжаков Пётр Семёнович, хороший, просто очень замечательный человек.

г. Караганда.

Наш общий дом

Алпысбеков Куаныш. Семь писем внуку Елнуру. №№ 2-4

Сердца бьются в едином ритме. № 12

Гундарев Владимир. Во имя процветания земли. № 12

Журнал “Арт” (“Лад”) — в “Ниве”

Бутырева Галина. В поисках гармонии. № 1

Власова Ольга. Художник “новой культуры”. № 1

Габова Елена. Беличья шкурка. Рассказ. № 1

Ломбина Тамара. Мёртвая невеста. Побасёнка. № 1

Мирошниченко Надежда. “Дороге предшествует путь...”. Стихи. № 1

Суворов Александр. “Небосвод в вечерней позолоте...”. Стихи. № 1

Шуктомова Елена. Николай Мозымов: вопросы или ответы? № 1

Альманах “Тобол” — в “Ниве”

Бойцов Сергей. “Торжественный сияет небосвод...”. Стихи. № 8

Брозинский Владимир. Обыкновенная история. Рассказ. № 8

Веселов Вячеслав. При дороге. Рассказ. № 8

Евсеева Галина. Новое — это хорошо... № 8

Носков Виталий. Обитель Далмата. № 8

Портнягин Валерий. Опубликовано после смерти. № 8

Потанин Виктор. Сохранится ли русское слово? № 8

Рыжий Борис. “Мальчишкой в серой кепочке остаться...”. Стихи. № 8

Танаева Марина. “Рассыпался по переулкам дождь...”. Стихи. № 8

Проза

Болобонкин Анатолий. Три рассказа (Один день лета; Дни и ночи; Неисповедимы пути наши). № 10

Васильева Ирина. Аделаида. Главы из повести. № 12

Викарий Светлана. Тверской бульвар, 25. Повесть. №№ 3-4

Вишнякова Галина. Два рассказа (Маленькое чудовище; Мероприятие для взрослых). № 6

Зайцев Николай. Легенда; Путешествие любви. Рассказы. № 10

Зурабов Армен. Пять рассказов. № 11

Лысенко Анатолий. Три рассказа (Любовь прошла мимо; О чём поют провода; Дубки). № 2

Казанцев Иннокентий. Последняя любовь. Повесть. № 1

Колин Василий. Детский сад. Рассказ. № 9

Кудерина Айша. Счастье; Остановка; Движение материй; Теневой разговор; Рай и Рая; Инь и Ян; Та, что потерялась где-то между. Новеллы. № 3

Махатадзе Реваз. Охота на “белую ворону”. Роман. №№ 4-7

Олексюк Алексей. Четыре рассказа (Он наблюдает...; “Кришнаит”; А что, если...; Другое поколение). № 1

Омар Асель. Кринолин губернаторши Карповой; Странник из Сайрама. Три рассказа о войне (Анна и “Либерти”; Котелок; Серенада). № 12

Пройдаков Алексей. Целитель. Повесть. Часть вторая. №№ 2-3

Пройдаков Алексей. Целитель. Повесть. Часть третья. №№ 8-9

Туякова Назия. Наблюдения (Автобус; “Я не люблю тебя...”; Снова автобус). № 7

Ш. а-Мил. Четыре рассказа (Братья; Герой аула Ак-таш; Бригада; Елизавета Ланская). № 12

Шиленко Ольга. Каширская трагедия; Наследный принц; Она была актрисой... Рассказы. № 11

Поэзия

Балтин Александр. “Зёрна смысла, капли бытия...”. Стихи. № 2

Брейдо Иосиф. “Благодарить судьбу за милость...”. Стихи. № 8

Болобонкин Анатолий. “Мир прекрасен и богат!..”. Поэма, стихи. № 10

Вишнякова Ольга. “Пусть звёзды над землёю кружат...”. Стихи. № 10

Гундарев Владимир. “Моя вечерняя заря...”. Стихи. № 7

Демейсенова Алия. “Твои глаза мне скажут о любви...”. Стихи. № 3

Демидович Евгений. “Спасибо за то, что живу я...”. Стихи. № 7

Дмитриченко Валентина. “Алый парус, по небу летящий...”. *Стихи. № 9*

Искаков Марат. “Качалась ночь на крыльях алых...”. *Стихи. № 2*

Клиндухов Александр. “Хлеб да соль, тишина, разнотравье...”. *Стихи. № 12*

Ковтун Николай. “Мир помнит вас...”. *Стихи. № 5*

Колин Василий. “За окном поют метели...”. *Стихи. № 1*

Коробицын Сергей. “Окно ночное с видом на созвездья...”. *Стихи. № 10*

Лукин Борис. “Что не упало, то и не поднять...”. *Стихи. № 11*

Лумпов Евгений. “Чтобы стала жизнь светлым даром...”. *Стихи. № 12*

Мартынова Лариса. “И твой утренний путь обозначен...”. *Стихи. № 2*

Матвеева Ирина. “Дорога с запахом лета...”. *Стихи. № 3*

Назарова Светлана. “Натянуты годы, как струны...”. *Стихи. № 12*

Нечаева Тамара. “За всё я судьбе благодарна...”. *Стихи. № 9*

Никитина Татьяна. “Займётся радостью душа...”. *Стихи. № 1*

Олексюк Алексей. “Облака надо мной — белый дым...”. *Стихи. № 6*

Оразалин Нурлан. “Грядёт за веком — новый век...”. *Стихи. № 4*

Оспанов Догалак. “Только ты мне — из надежд надежда...”. *Стихи. № 11*

Плетухин Иван. “В жизни каждого есть свой божественный миг...”. *Стихи. № 6*

Поэтическая мозаика. *Стихи* Медведева Михаила, Серовой Анны, Снегирёва Сергея, Стомбуна Владимира, Суворовой Ирины, Телицкой Лилии. **№ 9**

Поэтическая мозаика. *Стихи* Нурканова Жомарта, Семикиной Надежды, Степанова Александра, Фатина Фёдора, Хан Ольги. **№ 10**

Феофанова Любовь. Мятущийся апрель. *Стихи. № 11*

Шевченко Сергей. “В терпкий бег отпущены поводы...”. *Стихи. № 8*

Шемшученко Владимир. “И светла моя грусть, и легка...”. *Стихи. № 4*

Шестериков Владимир. “У всех прощу прощенья...”. *Стихи. № 5*

Шиленко Ольга. Живая лира. *Стихи. № 11*

Поэтический венок

Гусинский Юрий. “И сердце разрывает радость...”. *Стихи. № 7*

Шестериков Владимир. Малая родина Юрия Гусинского. **№ 7**

Поэзия и проза

В гостях у “Нивы” — литературный клуб “Пегас”. *Стихи* Иванова Дмитрия, Байгозиновой Динары, Довольнова Дмитрия, Ларионова Дмитрия, Калининой Катерины, Кучма Виктории, Манолы Натальи, Надуралиевой Шефы, Оразбаевой Наркес, Туйковой Александры, Чихичиной Полины, рассказы Довольнова Дмитрия, Шайдуровой Людмилы. **№ 5**

Документальная проза

Поминов Юрий. Хроника смутного времени. *Записки редактора. Книга вторая. №№ 1-12*

К 65-летию Великой Победы

Болучевский Иван. От Ишима до Дуная. *О боевом пути 387-й Перекопской стрелковой дивизии. № 7*

Жагипаров Сапаргали. Крылатый сын аула Курголь. **№ 9**

Жагипаров Тимур. Звёзды Талгата Бегельдинова. **№ 2**

Кравченко-Жампеисова Галина. Память сердца. **№ 11**

Рябцовская Раиса. Через все испытания. **№ 8**

Культура. Общество.

Личность

Бойко Владимир. Портреты и сюжеты. *Записки неопределённого жанра. № 1*

Бударагин Сергей. Искры божественного света. *Повесть-эссе. № 10*

Григорьева Ольга. Это было в тридцатых. **№ 9**

Гундарев Владимир. На весах времени. **№ 6**

Гундарев Владимир. Видно сокола по полёту. **№ 12**

Енисеева-Варшавская Людмила.

Аристократ духа Яков Штейн. № 1

Кашина Любовь. “Нет, в этом мире я не гость...”. № 2

Козлова Лилит. Анастасия Цветаева в моей жизни. № 3

Коноплёв Василий. “О, сколько нам открытий чудных...”. №№ 7-8

Могильницкий Валерий. Родники любви. № 11

Самойленко Виктор. Письмо Сталину. № 10

Тулбаев Райс. Поэзия музыки. № 10

Шафер Наум. Максим Горький и Павел Васильев (*К проблеме контекста в литературе и жизни*). № 12

Публицистика

Гольдберг Моисей. Всё в тебе и с тобой. № 8

Горбунов Сергей. Система. № 1

Горбунов Сергей. Вершины покоряются упорным. № 2

Горбунов Сергей. Награда Родины. № 10

Жагипаров Сапаргали. Приняв огонь на себя... № 12

Могильницкий Валерий. Прогноз академика. № 9

Панов Евгений. Урановые века Казахстана. № 6

Тереник Мария. Целинной эпопее — 55 лет. № 11

Актуальный диалог

Кривобоков Эдуард. Атман, который спасёт мир. № 9

Философские беседы

Зурабов Армен. Вспомните, кто вы... № 2

Мукашев Зия. Космонавты — новая историческая общность. № 5

Критика и литературоведение

Ананьева Светлана. Воздвигая мосты духовности. Казахстанско-украинские литературные связи. № 5

Артемова Римма. Азы неоглядной свободы. № 12

Жетписбаева Бигуль. Пушкин и казахские поэты начала XX века. № 6

Зейферт Елена. Взаимообмену — больше взаимности. № 1

Ляшева Руслана. Евразийские мотивы степняков. № 9

Невзорова Ирина. “Незримой тайны суть”. № 8

Невзорова Ирина. “Марина Цветаева” идёт по волнам. № 11

Олексюк Алексей. Мир и свет. № 10

Наследие

Канапьянов Бахытжан. Словарь столетий. № 1

Тарасенко Анатолий. Прежде чем проповедовать. № 9

Времён связующая нить

Владимиров Владислав. Досье для Первого, или По нотах волчьей дружбы. Исторические параллели. Из цикла “На плахе XX века”. №№ 7-11

Далёкое — близкое

Ахетова Алия. “Мы верили: так надо!”. № 10

Валеев Марат. Записки провинциального газетчика; Рыбацкие байки. № 4

Капустин Виктор. Мангышлакская тетрадь. № 11

Матвеев Александр. Во втором эшелоне. № 3

Швецова Мария. Жили-были. № 7

Параллели и меридианы

Кудайбергенов Галим. Конец и вновь начало. №№ 5-6

Краеведение

Токарев Борис. Из жизни казачьей станицы. № 3

Шестериков Владимир. Из цикла “Приишимские хроники” (*Первопроходцы здравоохранения; Тысяча и одна операция доктора Хамзина; Кто, если не сын Алмолды*). № 4

На житейских перекрёстках

Дайлидко Елена. Всё только начинается; “Полосатая” жизнь... № 9

Слепцов Николай. Жалтырские картинки. № 2

В семейном кругу

Джумагельдинова Дария. Поэт и озеро Балхаш; Чудо в морозный день; Птичка певчая Сандугаш. № 6

Кенесбаев Махсултан. Две сказки (Жоршун и червяк; Гриб-хвостун). № 10

Кубанская Рита. Жанка-парижанка; Опять те же грабли; Бело-чёрная жизнь моя. № 12

Ломакин Станислав. Немой; Девяносто первая весна; Горе. № 11

Маликов Турсынбек. Лавина; Слово и истина; Прогноз; Падение. № 8

Мананникова Людмила. Трамвай и попугай; Как совесть на прогулку вышла; Царевна-лягушка; Граф; Двойники из зеркала; Ромашка; Волшебный фонарь. Сказки. № 3

Дубовская Татьяна. «Как у нас тут хорошо». Стихи. № 11.

Искусство

Абильмажинова Алма. Щедрая кисть Жамбыла. № 6

Ахетова Алия. Счастливая капелька Вселенной. № 12

Бекова Даметкен. Весь мир в себя вобрав. № 7

Бекова Даметкен. Творческое восприятие мира. № 11

Беккулова Сауле. Песнь Любви. № 4

Беккулова Сауле. Служение Любви и Красоте. № 10

Дайлидко Елена. Рисование иглой. № 3

Киянский Виктор и Жамалов Аманжан. Звёздные ритмы Сакена Гумарова. № 2

Курпякова Наталья. Живущий музыкой души. № 5

Природа и мы

Кухаренко Валерий. Радуга над водопадом; Вылазка; Поход дикарей. № 4

Из почты «Нивы»

Алексеева Людмила. № 12

Темникова Татьяна. № 10

Приключения.

Детектив. Фантастика

Госсен Пауль. Три рассказа. № 11

Смирнов Александр. Камень; Пять шагов. Рассказы. № 9

Сатира и юмор

Ветров Александр. Непризнанный чемпион; Стимулятор; Бестоварная операция; За обедом; Ультиматум; Сила буквы. № 10

Власенко Александр. Лечебные письма. № 12

Коптева Людмила. Золотой холодильник. № 3

Криштул Илья. Интервью; Разговор; Москва. Юморески. № 11

Кулатаев Марат. Сельские истории (Получка; Подарок; Молодой специалист). № 6

Изоальбом «Нивы»

Из работ **Абжановой Анары.** № 7

Из работ **Айтбаева Салихэтдина.** № 4

Из работ **Базилинова Курмана.** № 12

Из работ **Гумарова Сакена.** № 2

Из работ **Казаряна Эдуарда.** № 11

Из работ **Калиева Жамбыла.** № 6

Из работ **Куприянова Генриха.** № 5

Из работ **Субботина-Пермяка Петра и Мозымова Николая.** № 1

Из работ **Травникова Германа.** № 8

Из работ **Петровой Марины.** № 3

Фотоиллюстрации «Кокшетау — 185 лет». № 10

Фотоиллюстрации «Природа степного Приишимья» из фотокниги «Алтын Арка». № 9

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.
Телефон/факс: (7172) 39-38-06.
Телефон корпункта в Алматы (7272) 53-51-12.
Сайт: www.niva-kz.narod.ru
E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Корректор **Ю. В. Богданова.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 07.10.2009 г.

Подписано к печати 10.11.2009 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 6128.

Номер набран и сверстан в ТОО

«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.